

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

На правах рукописи

Коток Никита Юрьевич

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

Специальность 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
(экономика, организация и управление предприятиями, отраслями,
комплексами – АПК и сельское хозяйство)

Диссертация

на соискание учёной степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
доктор экономических наук,
профессор Мельников А.Б.

Краснодар 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ	10
1.1 Экономическое содержание и структура системы обеспечения продовольственной безопасности страны	10
1.2 Методические аспекты оценки уровня продовольственной безопасности	21
1.3 Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта обеспечения продовольственной безопасности	33
2 АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ	46
2.1 Анализ сельскохозяйственного производства и переработки как сфер АПК, обеспечивающих продовольственную безопасность России	46
2.2 Оценка ресурсного потенциала обеспечения продовольственной безопасности страны	58
2.3 Оценка уровня обеспеченности населения России продовольствием	73
3 ОБОСНОВАНИЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ УКРЕПЛЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ	88
3.1 Концептуальные основы формирования и функционирования механизма обеспечения продовольственной устойчивости	88
3.2 Методический подход государственной поддержки обеспечения продовольственной безопасности страны в региональном разрезе	101
3.3 Прогнозирование параметров системы обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации	112
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	124
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	129
ПРИЛОЖЕНИЯ	152

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Усиление политической конфронтации на международной арене, сопровождающееся введением, сохранением и усилением различного рода санкций против нашей страны, показало всю шаткость, хрупкость надежд на взаимовыгодное сотрудничество с большим числом государств. Это предопределяет необходимость усиления научно-практической работы по определению рисков продовольственной безопасности, формированию действенных механизмов её усиления. В то же время очевидно, что в кратко- и среднесрочной перспективе выход на полную самообеспеченность по всем продовольственным группам не является возможным, а с позиции экономики и далеко не всегда целесообразным.

Сложность текущей ситуации, когда отечественное производство не может в полной мере обеспечить внутреннее потребление (по ряду продуктов питания), а поставки импортного продовольствия чрезвычайно зависимы от политической конъюнктуры, усиливается фактом внутривосточного неравенства в обеспечении продовольственной безопасности, необходимостью государственной поддержки процессов формирования и укрепления продовольственной безопасности не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов РФ. Отрадно, что ряд задач продовольственной безопасности носит уже не только количественный характер, но отражает и качественную направленность поставленного вопроса, затрагивая такие аспекты как «рациональные нормы потребления», «активный и здоровый образ жизни», «научные принципы правильного питания», «структура и традиции питания» и др.

Состояние и степень изученности проблемы. Решение задачи обеспечения продовольственной безопасности закономерно сводится, прежде всего, к задаче стимулирования отечественного аграрного производства, максимизации внутреннего производства, росту самообеспеченности (продовольственной независимости). Существенный вклад в развитие научной основы стимулирования аграрного сектора экономики внесли такие видные отечественные учёные-экономисты, как Л.И. Абалкин, А.И. Алтухов, С.Ю. Глазьев, А.Г. Папцов, А.И. Трубилин, И.Г. Ушачев и др. Труды названных учёных во многом послу-

жили основой формирования системы продовольственной безопасности страны, её места в целом в системе экономической безопасности государства.

Фундаментальные основы обеспечения продовольственной безопасности, в т.ч. на региональном уровне, получили своё развитие в трудах Н.Д. Аварского, А.Н. Герасимова, Е.В. Закшевской, А.Д. Котенева, А.Б. Мельникова, П.В. Михайлушкина, В.И. Нечаева, А.Л. Полтарыхина, М.В. Сулейманова, И.Ф. Сухановой, В.И. Трысячного, В.Я. Узун, Л.Н. Усенко, А.В. Харламова, М.А. Холодовой и других ученых.

Механизму обеспечения коллективной (межстрановой) продовольственной безопасности посвящены труды как отечественных учёных: В.Н. Ивановой, И.С. Глотовой, М.Ю. Ксенофонтова, А.Ю. Мохова, Д.А. Ползикова, С.Н. Серегина, А.Ф. Серкова, О.В. Сидоренко, В.И. Тарасова, А.В. Урус, В.С. Чекалина, так и зарубежных: А.Е. Беделбаевой, Д.С. Джаилова, Ж.С. Досумовой, А.А. Кайгородцева, Л.А. Мардалиевой, М.В. Мясникович, А.К. Шарипова и др.

Принимая за методологическую основу исследования работы перечисленных авторов, тем не менее, приходится констатировать, что в отечественной экономической науке не нашли должного отражения вопросы формирования стратегии обеспечения продовольственной безопасности страны в условиях, как уже указывалось, с одной стороны, стремления к самообеспеченности, с другой стороны, необходимости сохранения импортных поставок продовольствия, что определило выбор темы исследования, его цель и задачи.

Цель диссертационного исследования состоит в расширении теоретико-методических основ и разработке практических рекомендаций по совершенствованию системы продовольственной безопасности России.

Для достижения цели исследования поставлены и решены следующие **задачи**:

- 1) развиты теоретические аспекты обеспечения продовольственной безопасности страны;
- 2) расширен инструментарий оценки уровня продовольственной безопасности;
- 3) разработаны концептуальные основы формирования и функционирования механизма обеспечения продовольственной устойчивости;

4) предложен методический подход государственной поддержки обеспечения продовольственной безопасности страны в региональном разрезе;

5) выполнен прогноз стратегических параметров продовольственной безопасности России.

Объектом исследования выступили организационно-управленческие, экономические отношения, возникающие в процессе обеспечения продовольственной безопасности России.

Предметом исследования служат тенденции, условия и факторы, влияющие на продовольственную безопасность страны и её регионов.

Объект наблюдения – сельскохозяйственные товаропроизводители Российской Федерации, стран ЕАЭС, потребители продовольственной продукции.

Область исследования. Работа соответствует п. 1.2.51 «Продовольственная безопасность страны, последствия мирового продовольственного кризиса, аграрные аспекты присоединения России к Всемирной торговой организации» Паспорта специальностей ВАК 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами. АПК и сельское хозяйство).

Теоретической основой исследования послужили фундаментальные положения экономической науки, научные труды отечественных и зарубежных учёных, изложивших свои точки зрения в научных публикациях по проблемам обеспечения продовольственной безопасности.

Информационная база исследования представлена нормативными документами, затрагивающими различные аспекты продовольственной безопасности, в т.ч. на региональном уровне, материалами Федеральной службы государственной статистики, Федеральной таможенной службы и их территориальных органов, статистическими данными ряда стран ЕАЭС, годовыми отчётами и другой отчетностью сельскохозяйственных организаций.

Методологической базой исследования послужили следующие методы: абстрактно-логический, графический, монографический, сравнительный, экономико-математический.

Положения, выносимые на защиту:

1. Теоретико-методические аспекты обеспечения продовольственной без-

опасности.

2. Расширенный инструментарий оценки уровня продовольственной безопасности.

3. Концептуальные основы формирования и функционирования механизма обеспечения продовольственной устойчивости.

4. Методический подход государственной поддержки обеспечения продовольственной безопасности страны в региональном разрезе.

5. Прогнозирование стратегических параметров продовольственной безопасности России.

Научная новизна результатов исследования заключается в следующем:

1. Предложены в рамках расширения категорийного аппарата «продовольственной безопасности» новые понятия: «продовольственная устойчивость государства – уровень продовольственного обеспечения страны, при котором за счёт отечественного производства и импорта продовольствия из стран, реализующих совместную аграрную политику, гарантируется физическая и экономическая доступность продовольствия в объёме не меньше его внутреннего потребления»; «продовольственная напряжённость – соотношение импортных поставок продовольствия из стран-нечленов союзов с РФ к собственному потреблению». Система принципов обеспечения продовольственной безопасности страны дополнена принципом ведения совместной аграрной политики на межгосударственном уровне.

2. Инструментарий оценки продовольственной безопасности России, адаптированный преимущественно под задачи оценки уровня самообеспеченности, предлагается дополнить коэффициентом продовольственной устойчивости, отличие которого от уровня (коэффициента) самообеспеченности состоит в учёте по отношению к величине потребления не только внутреннего производства, но и импорта продовольствия из стран-участников регионального интеграционного сообщества (ЕАЭС), с которыми у Российской Федерации реализуется единая аграрная политика, а также коэффициентом продовольственной напряжённости, рассчитываемым как отношение импорта продовольствия из

стран, не входящих в ЕАЭС, к величине потребления.

3. Разработаны положения концептуального подхода к формированию и функционированию механизма обеспечения продовольственной устойчивости, заключающиеся в детализации субъектного состава системы обеспечения продовольственной устойчивости на межгосударственном, общероссийском (федеральном), межрегиональном и региональном уровнях. Реализация концепции приведёт к формированию единой аграрной, в т.ч. межгосударственной, политики, сопровождающейся минимизацией рисков нарушения продовольственной устойчивости.

4. Обосновано применение методического подхода государственной поддержки обеспечения продовольственной безопасности страны в региональном разрезе. Предложена формула определения коэффициента выравнивания, который позволит рассчитать сумму дополнительной государственной поддержки сельского хозяйства, необходимой для устранения существенной дифференциации регионов. Коэффициент рассчитывается как отношение рациональной нормы потребления к фактическому потреблению продукции. Доказано, что для выравнивания регионов необходимо дополнительное субсидирование, сумма которого рассчитывается как произведение среднего геометрического отношений коэффициента выравнивания к уровню продовольственной независимости и фактической суммы господдержки, полученной в предыдущем году.

5. Предложено для совершенствования процесса разработки стратегии укрепления продовольственной безопасности применение вероятностного (взвешенного) сценария, основанного на различных соотношениях весов оптимистического и пессимистического сценариев. Так, применение к «Долгосрочной стратегии развития зернового комплекса РФ до 2035 года» вероятностного (взвешенного) сценария позволило, помимо выделяемых оптимистического, базового и пессимистического сценариев, получить 4 варианта вероятностного сценария, характеризующихся различными значениями продовольственной безопасности (самообеспеченности). Обоснование перспективных направлений укрепления продовольственной безопасности рекомендуется осуществлять с

использованием показателя соотношения оптимистического и пессимистического сценариев.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что имеющиеся в диссертационном исследовании результаты анализа, научные выводы и практические рекомендации могут быть использованы органами государственной и региональной власти для совершенствования системы обеспечения продовольственной безопасности страны, выравнивания её регионов по уровню продовольственного обеспечения населения, в стратегическом планировании обеспечения продовольственной безопасности. Результаты исследования могут быть применены Министерством сельского хозяйства Российской Федерации при разработке нормативных и прогнозных документов в сфере обеспечения продовольственной безопасности.

Апробация результатов исследования. Основные положения, выводы и рекомендации, изложенные в диссертации, доложены и получили положительную оценку на международных и всероссийских научно-практических конференциях: «Факторы экономического роста: мировые тренды и российские реалии» (Краснодар, 2017), «Институциональная трансформация социально-экономической системы России: приоритеты и перспективы» (Краснодар, 2020), «Современное состояние и перспективы обеспечения экономической безопасности России» (Краснодар, 2021) и ряде других. Результаты исследования приняты к внедрению Министерством сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Краснодарского края. Ряд теоретических и практических положений диссертационного исследования применяется при проведении учебных занятий по экономическим дисциплинам Кубанского ГАУ.

Публикации. По теме диссертационного исследования опубликовано 17 научных работ, в том числе 9 публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ.

Структура и объём работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх разделов, заключения, списка литературы, включающего 180 источников. Работа представлена на 160 страницах машинописного текста, включает 18 таблиц и 31 рисунок, 3 приложения.

Во введении обоснованы актуальность темы исследования и степень раз-

работанности проблемы, показана теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы цель, задачи, объект, предмет исследования, элементы научной новизны исследования, их теоретическая и практическая значимость.

В первом разделе «Теоретико-методические аспекты обеспечения продовольственной безопасности страны» изучается экономическое содержание и структура системы обеспечения продовольственной безопасности страны, методические аспекты оценки уровня продовольственной безопасности, осуществляется сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта обеспечения продовольственной безопасности.

Во втором разделе «Анализ состояния и тенденций развития системы продовольственной безопасности страны» выполняется анализ сельскохозяйственного производства и переработки, обеспечивающих продовольственную безопасность России, осуществляется оценка ресурсного потенциала обеспечения продовольственной безопасности страны, уровня обеспечения населения России продовольствием.

В третьем разделе «Обоснование перспективных направлений укрепления продовольственной безопасности России» определяются концептуальные положения формирования и функционирования механизма обеспечения продовольственной безопасности, предлагается методический подход государственной поддержки обеспечения продовольственной безопасности страны в региональном разрезе, в соответствии с вариантами реализации вероятностного (взвешенного) сценария выполняется прогноз параметров системы обеспечения продовольственной безопасности.

В заключении обобщены результаты исследования и даны предложения по совершенствованию системы обеспечения продовольственной безопасности России.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

1.1 Экономическое содержание и структура системы обеспечения продовольственной безопасности страны

Актуальность изучения вопросов продовольственной безопасности определяется её ролью в системе обеспечения экономической безопасности страны в целом (рисунок 1), включающей в себя военно-экономическую безопасность, финансовую, научно-технологическую, энергетическую, продовольственную, экологическую безопасность и другие её виды.

Рисунок 1 – Основные виды экономической безопасности [41]

По мнению В.Н. Ивановой «продовольственная безопасность РФ является одним из значимых направлений обеспечения национальной безопасности страны, одним из оснований сохранения её государственности и суверенитета, важным элементом демографической политики, необходимым условием реализации стратегического национального приоритета – повышения качества жизни российских граждан путём гарантирования высоких стандартов жизнеобеспе-

чения» [41].

В.Б. Мантусов, Н.Д. Эриашвили считают, что «в системе национальной безопасности любой страны важнейшее место принадлежит продовольственной безопасности» [169].

Н.И. Шагайда, В.Я. Узун указывают: «продовольственная безопасность является одним из важнейших направлений обеспечения национальной безопасности страны» [165].

Такого же мнению придерживаются В.Н. Папело, А.Н. Радчиков, П.В. Скурихин: «продовольственная безопасность страны – важная составная часть её национальной и экономической безопасности» [109].

В.Н. Титаев особо указывает на социальный аспект задачи обеспечения продовольственной безопасности: «мировой опыт свидетельствует о том, что активное участие государства в обеспечении продовольственной безопасности признаётся главным национальным приоритетом, а продовольственная безопасность является важнейшей составной частью экономической безопасности страны... Обеспечение продовольственной безопасности определяет устойчивость социального положения общества, создаёт условия для его стабильного развития» [145].

Несмотря на достаточно пристальное внимание к понятию «продовольственная безопасность», однозначное его понимание, как и понимание видообразующей категории «экономическая безопасность» не достигнуто ни в академической среде, ни в деловой практике.

По мнению П.М. Таранова, А.С. Панасюк, «научная экономическая мысль последних лет в целом достигла некоторой согласованности в отношении сущности продовольственной безопасности, под которой понимается выбор такого способа организации производства и торговли сельскохозяйственным сырьём, продукцией и продовольствием, который мог бы обеспечить достаточное для активного образа жизни снабжение населения продовольствием» [142].

И.А. Оболенцев, М.Я. Корнилов, М.И. Синюков не согласны с такой

оценкой и утверждают, что «...понятию «продовольственная безопасность» дано уже более десятка заметно отличающихся друг от друга определений... Такая разноголосица затрудняет понимание сущности и содержания продовольственной безопасности, а следовательно, и решение проблем её обеспечения» [106].

Систематизация определений продовольственной безопасности позволяет выделить два основных подхода, условно называемых либеральным и классическим протекционистским (рисунок 2). Отсутствие единства в определении понятия объясняется в том числе его относительной новизной – впервые он был введён в оборот в 1974 г. Генеральной Ассамблеей ООН, одобрившей «Международные обязательства по обеспечению продовольственной безопасности в мире» [41].

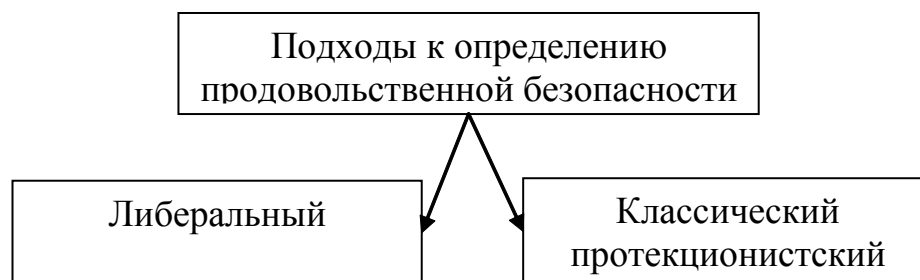

Рисунок 2 – Подходы к определению продовольственной безопасности [41]

Киселева М.А., Скурихина Т.Г. рассматривают продовольственную безопасность «как состояние защищённости интересов населения региона в удовлетворении потребности в основных продуктах питания по научно обоснованным нормам, гарантируемое государством через обеспечение функционирования и развития агропродовольственного комплекса при обязательном, объективно необходимом уровне продовольственной зависимости» [53].

Отличительной особенностью определения данных авторов представляется утверждение об «обязательности» продовольственной зависимости, поскольку оно идёт вразрез с преобладающей точкой зрения, согласно которой, говоря о продовольственной безопасности, понимают, прежде всего, продо-

вольственную независимость, самообеспеченность.

В оценке И.А. Оболенцева, М.Я. Корнилова, М.И. Синюкова «...прокормить себя сама Россия не может... говорить о самообеспеченности нашей страны продовольствием можно пока лишь как о желанной цели, но никак не о том, что мы якобы потеряли...» [106].

По утверждению Серовой Е.В. «понятие продовольственной безопасности в применении к транзитным экономикам носит явно спекулятивный характер и направлено не на обоснование действительно повышения качества потребления российских граждан, но на обоснование протекционизма по отношению к аграрному сектору. Проводниками этой концепции являются противники рыночных реформ в АПК страны» [142].

Либерального подхода к обеспечению продовольственной безопасности придерживаются, как правило, зарубежные экономисты из экономически высокоразвитых государств, однако, приверженцы данного подхода есть и, помимо названных выше, и в отечественной науке. К ним можно отнести Е.Т. Гайдара, О.Л. Письменную, И.Г. Храмову и др.

Подход «сырьё в обмен на продовольствие» следует признать недальновидным, а в долгосрочной (а может быть и среднесрочной) перспективе - самоубийственным, поскольку значительная часть сырьевых ресурсов Российской Федерации конечна, исчерпаема, а вот продовольствие стране будет нужно всегда.

Данный подход не является преобладающим в отечественной науке, имеет под собой в целом очевидные интересы западных стран и характеризуется таким существенным недостатком, как идеализация мирохозяйственных связей. Политические события последних лет показывают, что вопросы свободной международной торговли используются нашими партнёрами как средство риторики, (не всегда удачного, но) манипулирования.

Академик РАН И.Д. Иванов подчёркивает, что «риски таит в себе уже сам концептуальный подход сторон к взаимному сотрудничеству. Если у России, по крайней мере в области экономики, он является прагматично-хозяйственным,

то у ЕС, наоборот, близким к мессианскому и патерналистскому и направленному не столько на поиск общих интересов с партнёром, сколько на стремление через экономические связи «переделать» Россию под свои представления о том, какой ей «надлежало бы быть» [24].

Классический протекционистский подход участия в международном обмене не исключает, расценивая их как вынужденную и по возможности временную меру, но безусловный приоритет отдаёт собственному производству и внутреннему рынку.

Вынужденность импортных поставок продовольствия – обстоятельство во многих случаях неизбежное. Так, в Норвегии и Исландии нет объективных, природных условий для развития сельскохозяйственного производства, в Японии нет возможности для развития животноводства, поскольку 75% территории страны занимают крутые горы, Сингапур – это фактически город-государство, а, например, Бруней, представляет собой сравнительно небольшой нефтяной анклав. Но это не Россия, у которой есть все необходимые условия для того, чтобы прокормить себя полностью самой (но не всеми продуктами).

В определении продовольственной безопасности, данное В.С. Балабановым, под которой он понимает «состояние сельского хозяйства и АПК в целом, при обеспечивается надёжное (бесперебойное) и достаточное по медицинским нормам снабжение населения страны отечественным продовольствием, исключаящее угрозу голода или недоедания» [142], ключевым моментом является «снабжение... отечественным продовольствием».

Другой вопрос, возможно более «правильный», состоит в том, что, по причине огромнейшей и всё ещё сохраняющейся запущенности сельского хозяйства страны, движение на пути достижения самообеспеченности, будет крайне непростым, и достижение полной продовольственной независимости, самообеспеченности России по всем группам продовольствия, даже в самом оптимистическом сценарии, будет достигнуто только в долгосрочной перспективе.

Академик РАСХН В.И. Назаренко выделяет два аспекта продовольствен-

ной безопасности:

- 1) самообеспеченность и наличие страховых запасов;
- 2) доступность продовольствия [142].

Продовольственная самообеспеченность, самодостаточность характеризуется «объёмами внутреннего сельскохозяйственного производства и способностью насытить внутренний рынок» [24]. Тесно связывает «продовольственную безопасность» с «продовольственной независимостью» и академик РАСХН И.Г. Ушачев.

Ответ на вопрос о том, а может ли Россия вообще добиться продовольственной независимости, самообеспеченности, должен быть положительным. Соглашаясь с фактом того, что Россия является зоной неустойчивого земледелия, необходимо отметить, что эта зона распространяется отнюдь не на всю её территорию. Широкая полоса плодородных черноземных почв (по высказыванию русского учёного XIX в. В.В. Докучаева: «благодатная почва, которая составляет коренное, ни с чем не сравнимое богатство России») имеется в Среднем Поволжье, южным районам Центрального федерального округа, степным районам Южного Урала и Западной Сибири, предгорных и степных районах Северного Кавказа. В.В. Докучаев считал, что «уже одно только эффективное использование русского чернозёма способно обеспечить нашу страну в достатке зерном и другими продуктами растениеводства» [106].

Академик РАСХН А.Н. Каштанов среди основных причин кризисного состояния сельского хозяйства страны видит не природную, а «экономическую засуху», обрушившуюся на российское село: «... Устойчивость земледелия и всего сельского хозяйства, продовольственного фонда России к нарастающим засухам и другим неблагоприятным погодно-климатическим условиям определяется прочностью, надёжностью экономической базы производства - современной технической и технологической оснащённостью, уровнем применения удобрений и средств защиты растений, хорошо организованным семеноводством, возрождением мелиорации, состоянием систем земледелия и агроландшафтов, кадровым обеспечением» [28].

Кадровое обеспечение в решении проблем развития сельского хозяйства, обеспечения продовольственной безопасности, ставится во главу угла Н.К. Долгушкиным: «Известный землепашец и писатель Древнего Рима М. Колумелла ещё во II в. до н.э. в своём труде «О сельском хозяйстве писал: «... Я слышу, как часто у нас первые люди в государстве обвиняют то землю в бесплодии, то климат в давней и губительной для урожаев неравномерности... Я уверен, что эти причины далеко отстоят от истины. Дело не во внешних факторах, а в нашей собственной вине. Мы отдаём сельское хозяйство, как палачу на расправу, самому негодному из рабов, а при наших предках им занимались наилучшие люди и наилучшим образом» [28].

Наличие и поддержанию достаточных страховых запасов продовольствия (зерна), как аспекту обеспечения продовольственной безопасности, всегда уделялось большое внимание (даже до появления категории «продовольственная безопасность»). Так, Борис Годунов, под впечатлением от неурожая в течение ряда лет, поставил задачу создания трёхлетних запасов зерна (не была достигнута). В СССР, в конце 1960-х гг., А. Косыгиным, была обозначена цель формирования переходящего годового запаса зерна (также не была достигнута). До революции профильное министерство в своих планах ориентировалось на величину запасов в размере 100 млн пудов зерна, что соответствовало 20% от годового потребления (данная величина соответствует текущим рекомендациям ФАО по минимальным запасам). Разрабатывались планы по созданию государственных резервов и в довоенное время, но достигнуты они не были, а продовольственные проблемы во многом закрывались мерами жесточайшей коллективизации [24].

Необходимо отметить, что в первом проекте Федерального закона «О продовольственной безопасности» (от 10 декабря 1997 г.) продовольственная безопасность понималась как «состояние экономики, при котором население обеспечено соответствующими ресурсами, потенциалом и гарантиями, и без уменьшения государственного продовольственного резерва независимо от внешних и внутренних условий удовлетворяются его потребности в продуктах

питания в соответствии с физиологическим нормами» [106], т.е. упоминания о продовольственной независимости не было. Трактовка по второму проекту закона (от 16 июня 1999 г.) значительно отличается, поскольку под продовольственной безопасностью понималось также состояние экономики, но уже «при котором обеспечивается продовольственная независимость страны и гарантируется физическая и экономическая доступность продовольствия для всего населения в количестве, необходимом для активной и здоровой жизни» [106].

В соответствии с «Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации» в понятие «продовольственной безопасности» вкладывается, прежде всего, «продовольственная независимость»: «продовольственная безопасность Российской Федерации – состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объёмах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни» [5]. В свою очередь, «продовольственная независимость Российской Федерации – самообеспечение страны основными видами отечественной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» [5].

Обозначенные подходы не существуют в «чистом виде» и представляют собой в некотором роде крайности. Следует согласиться с утверждением Е.Н. Борисенко: «продовольственная безопасность – часть концепции международной экономической безопасности, которая предполагает нахождение коллективных по форме и конструктивных по содержанию способов и механизмов разрешения возникающих экономических конфликтов и противоречий, накопившихся структурных диспропорций и проблем» [27].

Такого же определения придерживаются Г.М. Казиахмедов, Д.Г. Казиахмедова, А.В. Татаринев и др., вводя также определение продовольственной безопасности Российской Федерации: «Продовольственная безопасность Российской Федерации – состояние экономики Российской Федерации, в том числе

её агропромышленного комплекса, которое обеспечено соответствующими ресурсами, потенциалом и гарантиями и при этом без уменьшения государственного продовольственного резерва, независимо от внешних и внутренних условий, удовлетворяющих потребности населения в продуктах питания в соответствии с физиологическими нормами питания» [116].

По нашему мнению, основным инструментом обеспечения продовольственной безопасности страны является повышение эффективности функционирования агропромышленного комплекса. Кроме того, в качестве ключевого направления повышения уровня самообеспеченности РФ продовольственными продуктами выступает активизация импортозамещения. С целью повышения уровня продовольственной безопасности необходимо развитие не только отечественного производства, но и наращивание несырьевого экспортного потенциала, базирующегося на внедрении инноваций в агропромышленный комплекс. Переход на инвестиционно-инновационную модель развития сельского хозяйства позволит обеспечить продовольственную безопасность государства в долгосрочном периоде. Кроме того, является целесообразным использование государственной политики преодоления бедности в РФ, а именно, адресной продовольственной помощи социально уязвимым слоям населения (на период до 2020 г. действовала «Концепция развития внутренней продовольственной помощи»).

Задача обеспечения продовольственной безопасности имеет оптимизационный характер. С одной стороны, достижение полной самообеспеченности по всем продовольственным группам в кратко- и среднесрочной перспективе невозможно, а с позиции негативного влияния на конкурентоспособность, теории относительных конкурентных преимуществ нецелесообразно. С другой стороны, обострение политической конъюнктуры не способствует соблюдению принципиального требования по стабильности импортных поставок продовольствия. Таким образом, импортные поставки продовольствия неизбежны, хотя и должны иметь фиксированный (минимальный) уровень. На стабильное обеспечение импортным продовольствием в определённой степени можно рассчиты-

вать со стороны стран с единой аграрной политикой, реализуемой в частности в рамках ЕАЭС.

Соответственно, в целом признавая приоритет самообеспеченности, независимости обеспечения продовольствием населения страны, представляется необходимым введение категории «продовольственная устойчивость государства» – уровень продовольственного обеспечения страны, при котором за счёт отечественного производства и импорта продовольствия из стран, реализующих совместную аграрную политику, гарантируется физическая и экономическая доступность продовольствия в объёме не меньше его внутреннего потребления.

В соответствии с Решением Высшего Евразийского экономического совета от 29.05.2013 №35 была утверждена «Концепция согласованной (скоординированной) агропромышленной политики государств-членов Таможенного союза и Единого экономического пространства», где была обозначена её цель: «Основной целью согласованной агропромышленной политики является эффективная реализация ресурсного потенциала государств-членов для оптимизации объёмов производства конкурентоспособной сельскохозяйственной продукции и продовольствия, удовлетворения потребностей общего аграрного рынка, а также наращивания экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия» [171].

Значительные объёмы импортных поставок продовольствия увеличивают риски недостаточности продовольственной безопасности, что подводит нас к необходимости использования категории «продовольственная напряжённость» – соотношение объёма импортных поставок продовольствия (с выделением поставок из стран с совместной аграрной политикой и без такового) к внутреннему потреблению продовольствия.

В соответствии с необходимостью обеспечения не только продовольственной самообеспеченности, но и продовольственной устойчивости, принципы обеспечения продовольственной безопасности государства автором систематизированы и дополнены принципом ведения единой аграрной политики на

межгосударственном уровне (рисунок 3):

Рисунок 3 – Принципы обеспечения продовольственной безопасности
[разработано автором]

Таким образом, по мнению автора, нельзя воспринимать продовольственную безопасность исключительно в либеральном или сугубо классическом протекционистском ключе, поскольку они, во-первых, представляют собой исключительные крайности, во-вторых, трудно реализуемы на практике. Концепция продовольственной устойчивости представляет собой определённый компромисс, ставящий во главу угла всё-таки продовольственную независимость, самообеспеченность, что вполне согласуется с преобладающей, в т.ч. в высших органах управления, позицией, но допускающей в то же время импортные поставки. Определённая изоляция, существующая в ситуации Российской Федерации, безусловно ограничивает риски международного товарообмена, но, пусть и преимущественно на постсоветском пространстве (и то далеко не всё), но существуют определённые налаженные торговые, производственные, культурные и иные связи. И если уж Россия не сможет создать достаточные механизмы взаимодействия в сфере обеспечения продовольственной безопасности с Беларусью, Казахстаном, то впереди у нашей страны только перспективы, аналогичные ситуации Северной Кореи.

1.2 Методические аспекты оценки уровня продовольственной безопасности

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 февраля 2021 г. № 296-р [7] утвержден новый, как будет показано далее, усечённый перечень показателей в сфере обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации, принятый взамен перечня показателей, действовавших с 2013 г. в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2013 г. №2138-р.

Необходимо отметить, что изменения достаточно многочисленны. Прежде всего, в прежнем перечне показателей выделялось значительно большее число блоков:

1) целевые показатели состояния продовольственной безопасности, курируемые Минздравом, Роспотребнадзором, Минпромторгом, Минсельхозом России:

1.1) целевые показатели в области потребления пищевых продуктов (рациональные нормы потребления в соответствии с требованиями здорового питания[8] и нормы физиологической потребности Роспотребнадзора);

1.2) целевые показатели в области физической доступности продовольствия для населения, а именно обеспеченность населения торговой площадью (разработаны Минпромторгом по субъектам РФ);

1.3) целевые показатели в области независимости Российской Федерации, рассчитываемые стандартно, в соответствии с ранее обозначенными алгоритмами – как удельный вес сельскохозяйственной продукции, продовольствия в общем объёме имеющихся ресурсов (с детализацией по зерну, сахару и др. [7];

2) показатели мониторинга состояния продовольственной безопасности (преимущественно Росстатом, но также Роспотребнадзором (безопасность, качество отечественных и импортных пищевых продуктов), Минпромторгом (фактическая обеспеченность населения площадью торговых объектов), Мин-

сельхозом (заготовки кормов, субсидии из бюджетов всех уровней), а также ФТС России (экспорт, импорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья)):

- 2.1) показатели мониторинга в сфере потребления;
- 2.2) показатели мониторинга в сфере товарного обращения сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия;
- 2.3) показатели мониторинга в сфере переработки сельскохозяйственной и рыбной продукции;
- 2.4) показатели мониторинга в сфере производства сельскохозяйственной и рыбной продукции;
- 2.5) показатели мониторинга в области экспорта и импорта сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия;
- 2.6) показатели мониторинга состояния запасов и резервов;
- 2.7) население и трудовые ресурсы[7];
- 3) показатели прогноза состояния продовольственной безопасности:
 - 3.1) показатели, характеризующие прогнозные сценарные условия обеспечения продовольственной безопасности;
 - 3.2) прогнозные отраслевые макроэкономические показатели;
 - 3.3) прогнозные продовольственные балансы[7].

В текущем перечне показателей, редакции 2021 года, все показатели продовольственной безопасности группируются в рамках:

- 1) экономической доступности;
- 2) физической доступности;
- 3) устойчивого развития сельских территорий.

Показатели продовольственной безопасности в части самообеспеченности (независимости) в новом перечне показателей не выделяются (они обозначены в «Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации»).

Прежде всего, в рамках экономической доступности определяется состав потребительской корзины, устанавливаются рациональные нормы потребления, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Рекомендуемые рациональные нормы потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания (укрупнено) [8]

№	Наименование продуктов	Норма потребления, кг/год/чел.
1	Сахар	8
2	Растительное масло	12
3	Мясо и мясопродукты	73
4	Молоко и молокопродукты	325
5	Рыба и рыбопродукты	22
6	Картофель	90
7	Овощи и бахчевые	140
8	Фрукты и ягоды	100
9	Соль пищевая	1,8
10	Хлебные продукты	96
11	Яйца	260

В текущей версии перечня показателей продовольственной безопасности потребление продуктов переработки зерна намного более детализировано. Если в перечне 2013 г. определяется рациональная норма потребления хлебобулочных и макаронных изделий (в т.ч. обогащённых микронутриентами) в пересчёте на муку с детализацией до пшеничной муки, также обогащённой микронутриентами, то в перечне 2021 г. потребление муки для выпечки хлебобулочных и кондитерских изделий детализируется до конкретных её видов – ржаной, пшеничной (в т.ч. муки обогащённой), ржано-пшеничной, потребление круп, макаронных изделий и бобовых – до риса, прочих круп (гречневой, манной и др.), макаронных изделий, бобовых.

Продовольственная безопасность в части потребления овощей и бахчевых культур будет контролироваться с получением характеристик потребления капусты белокачанной, цветной, помидоров, огурцов и др., фруктов – по всем основным позициям (яблоки, груши, виноград, ягоды и др.).

Потребление продуктов питания (организуемое в т.ч. с учётом «Стратегии повышения качества пищевой продукции в Российской Федерации до 2030 года») в среднем на одного потребителя в год в домохозяйствах будет оцениваться, как и ранее, по стране в целом, а также с детализацией по месту прожи-

вания, по 10-процентным (децильным) группам, по числу детей в домохозяйствах, по субъектам Российской Федерации и видам продукции.

Анализируемый состав пищевых средств и энергетическая ценность суточного рациона питания в среднем за сутки на члена домохозяйства, напротив, будет анализироваться менее детально – в части жиров, белков и углеводов. В прежнем перечне, требовалась также информация по потреблению минеральных веществ, витаминов.

Снижение уровня бедности как критерий экономической доступности продовольствия предполагает анализ следующих показателей: среднедушевые денежные доходы населения в месяц, реальные располагаемые денежные доходы населения к соответствующему периоду предыдущего года, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, уровень реальной начисленной заработной платы среднестатистического гражданина страны, средний размер назначенных пенсий, реальный размер начисленных пенсий к соответствующему периоду предыдущего года, величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения в месяц), покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения по отдельным видам социально значимых продовольственных товаров первой необходимости (хлеб, мука, некоторые виды овощей и фруктов и др.), в отношении которых могут устанавливаться предельно допустимые розничные цены, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, а также удельный вес численности этого населения от общей численности населения.

В перечень показателей экономической доступности включена группа «Внутренняя продовольственная помощь», а именно относительно новый для российской (но не международной) практики показатель «уровень умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности населения» (по шкале восприятия отсутствия продовольственной безопасности – ШВОПБ). Это определённая эмпирическим путём шкала, необходимая для оценки степени отсутствия доступа к продовольствию, построенная по модели Раша с условием обеспечения сравнимости в различных обстоятельствах.

Экономическая доступность продовольствия оценивается также с получением и анализом внешнеэкономических показателей – экспорта и импорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного).

Критерии оценки физической доступности продовольствия, закладываемые в новый перечень показателей, достаточно многочисленны.

Развитие транспортной и логистической инфраструктуры оценивается (ответственный – Росавтодор) по РФ в целом и по отдельным субъектам с использованием показателя удельного веса сельских населённых пунктов, имеющих связь по дорогам с твёрдым покрытием с сетью дорог общего пользования в общем числе сельских населённых пунктов.

С использованием большого числа показателей оценивается развитие инфраструктуры деятельности организаций торговли и объектов общественного питания:

- оборот розничной торговли пищевыми продуктами, включая и напитки, и табачными изделиями, в целом и в расчёте на душу населения;
- оборот предприятий общественного питания, в целом и в расчёте на душу населения;
- индексы физического объёма оборота розничной торговли пищевыми продуктами, включая напитки и табачными изделиями;
- индекс физического объёма оборота общественного питания;
- удельный вес оборота розничной торговли пищевыми продуктами, включая напитки, и табачными изделиями в общем объёме оборота розничной торговли;
- индексы физического объёма реализации напитков, пищевых продуктов, табачных изделий;
- число объектов розничной торговли продовольственных товаров;
- фактическое количество торговых мест на ярмарках и рынках;
- показатель торговой площади розничных точек в расчёте на 1000 человек населения.

Критерий физической доступности «Развитие производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» предполагает исследование в динамике следующих показателей:

- индекс производства сельскохозяйственной продукции;
- посевная площадь сельскохозяйственных культур;
- площади многолетних насаждений;
- валовые сборы сельскохозяйственных культур;
- урожайность сельскохозяйственных культур;
- поголовье скота и птицы (на конец отчётного года);
- производство скота и птицы на убой в живом весе;
- количество надоенного молока, приходящегося на одну корову;
- объем молочного производства;
- количество яиц, производимых одной курицей на предприятиях сельского хозяйства;
- производственные объемы яиц;
- совокупное изменение производства пищевой продукции по сравнению с предыдущим годом;
- отношение стоимости на отдельные виды социально значимых продовольственных товаров первой необходимости в ценах текущего периода к их стоимости в ценах предыдущего периода;
- изменение цен во времени на различные промышленные товары;
- изменение цен во времени на сельскохозяйственную продукцию, которая была реализована на предприятиях сельского хозяйства.

Улучшение гидрологических условий земельных ресурсов как одно из условий формирования продовольственной безопасности предполагает анализ следующих индикаторов: площадь введённых в эксплуатацию мелиорируемых земель за счёт реконструкции, технического перевооружения и строительства новых мелиоративных систем общего и индивидуального пользования; вовлечение в оборот выбывших сельскохозяйственных угодий за счёт проведения культуртехнических мероприятий; защита и сохранение сельскохозяйственных

угодий от ветровой эрозии и опустынивания за счёт проведения агролесомелиоративных и фитомелиоративных мероприятий.

Проведение противоэпизоотических мероприятий как одно из условий (критерий) обеспечения продовольственной безопасности направлено на контроль за следующими показателями: количество введенных вакцин, ориентированных на предотвращение развития различных инфекционных заболеваний, таких, как свиная чума, сибирская язва, ящур, бешенство; количество анализов, проведенных у крупного рогатого скота на предмет наличия таких заразных заболеваний, как лейкоз, туберкулёз, лептоспироз, бруцеллез.

Формирование современных производственных технологий также обеспечивает физическую доступность в обеспечении продовольственной безопасности, для чего введён показатель – число инвестиционных проектов, задействованных в реализации новейших производственных технологий.

Прогрессивное развитие научных возможностей сельского и рыбного хозяйства способствует укреплению продовольственной безопасности, для чего анализируются следующие показатели: численность исследователей, внутренние затраты на научные исследования и разработки, количество проводимых научных исследований (разработок).

Укрепление продовольственной безопасности базируется на увеличении эффективности кадрового потенциала, связанного с повышением квалификации и совершенствованием компетенций персонала. Следовательно, особое внимание следует уделять следующим показателям:

- фактическое число специалистов с высшим образованием, подготовленных для различных отраслей АПК;
- фактическое число специалистов среднего специального и высшего образования, которое было подготовлено аграрными образовательными учреждениями;
- число слушателей, которые прошли повышение квалификации по направлениям, связанным с развитием рыболовства, рыбоводства, лесного и сельского хозяйства;

- число слушателей, которые прошли профессиональную переподготовку по направлениям, связанным с развитием рыболовства, рыбоводства, лесного и сельского хозяйства.

- удельный вес сотрудников в должностях специалистов и/или руководителей в сельскохозяйственных организациях, с соответствующим профильным образованием в общей численности специалистов и руководителей организаций сельскохозяйственной направленности;

- доля специалистов и руководителей предприятий сельского хозяйства в структуре общего числа слушателей, которые проходили повышение квалификации в текущем году;

- доля специалистов с высшим и средним специальным образованием, которые были подготовлены для различных отраслей АПК в структуре общего числа подготовленных специалистов.

Активизация инвестиционной деятельности является неременным условием обеспечения продовольственной безопасности, для чего анализируются:

- инвестиции в материально-техническую базу (основные фонды), ориентированные на развитие различных отраслей АПК;

- инвестиции в материально-техническую базу (основные фонды), ориентированные на развитие рыбоводства и рыболовства.

Государственная поддержка является определяющим фактором обеспечения продовольственной безопасности. Необходимым становится анализ таких показателей как:

- субсидии из бюджетов всех уровней, предоставляемые сельскохозяйственным организациям, в расчёте на 1 рубль реализованной сельскохозяйственной продукции;

- субсидии из бюджетов всех уровней, предоставляемые организациям рыбоводства и рыболовства, в расчёте на 1 рубль реализованной товарной продукции, изготовленной из рыбы.

Для оценки качества и безопасности пищевой продукции используется такой индикатор, как удельный вес пищевой продукции, которая не соответ-

ствуется техническим регламентам и обязательным требованиям, действующим на территории ЕАЭС, в общем объеме выборки.

С целью обеспечения продовольственной безопасности является целесообразным осуществление контроля за генно-инженерно-модифицированной продукцией посредством надзорной деятельности за числом зарегистрированных генетически модифицированных микроорганизмов в сегменте производства сырья и пищевых продуктов, а также генно-инженерно-модифицированными организмами в кормовых добавках и кормах для животных.

Стабильное социально-экономическое развитие сельских территорий как фактор, критерий обеспечения продовольственной безопасности реализуется, согласно обозначенному выше нормативному акту, по двум направлениям:

1) «Создание высокопроизводительных рабочих мест в сельском хозяйстве, повышение уровня и диверсификация занятости в сельской местности» с ежегодной оценкой (Росстатом) по состоянию на 1 января каждого отчётного года численности постоянного (сельского, городского, всего) населения (по РФ, федеральным округам, субъектам РФ), среднегодового количества сотрудников, занятого в различных отраслях АПК, а также ежеквартальной занятости сельского населения;

2) «Социальное обустройство сельских и прибрежных рыбацких поселений и реализация социальных программ» с расчётом и анализом удельного веса зданий, имеющих все виды благоустройства, в общем числе зданий организаций образования, медицины и спорта, расположенных в сельской местности.

Проведённый анализ свидетельствует о выделении десятков показателей, применяемых в оценке продовольственной безопасности. В соответствии с «Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации» под последней понимается прежде всего «состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость» [5], а последняя – это «самообеспечение страны основными видами отечественной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» [5].

И хотя показатели продовольственной безопасности не ограничиваются исключительно показателями продовольственной независимости (самообеспеченности), включая ещё экономическую и физическую доступность, а также соответствие пищевой продукции требованиям законодательства ЕАЭС, основной упор делается всё-таки на них.

Самый высокий процент самообеспеченности «Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации» задаётся для зерна и картофеля – по 95%, чуть меньше – 90% – для молока и молокопродуктов (в пересчёте на молоко), сахара, растительного масла, овощей и продовольственных бахчевых культур. Выход на продовольственную независимость (автономию) в размере 85% требуется по таким позициям, как рыба и рыбопродукты (в живом весе – весе сырца), мясо и мясопродукты (в пересчёте на мясо), а также соль пищевая. Продовольственная безопасность в части семян основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции считается достигнутой при условии выхода на значение 75%. Наименьшее пороговое значение объёма отечественного производства к объёму внутреннего потребления (производственное, личное потребление, а также неизбежные потери) установлено по фруктам и ягодам – 65%.

Несмотря на обозначенные выше проблемные аспекты внешнеэкономической деятельности России, политической ситуации, необходимо признать, что в полной мере продовольственная безопасность страны не может быть достигнута без интеграции в международную торговлю. Климатические особенности России, нестабильность аграрного сектора определяют объективную необходимость международного сотрудничества.

Иными словами, полюсы в обеспечении продовольственной безопасности, характеризующиеся как либеральный и классический протекционистский подходы, не приемлемы для России и важно понять, что положение России – отнюдь не посередине, а ближе к классическому протекционистскому подходу, но его в полной мере не олицетворяет (и не должно).

В то же время опыт последних лет свидетельствует о том, что в полной мере на стабильность международного обмена Россия может рассчитывать в отношении сравнительно небольшого числа стран. С одной стороны, вполне объяснимо стремление каждой страны к достижению максимальной самообеспеченности, с другой стороны, на текущем этапе и в ближайшей перспективе России будет крайне трудно обеспечить выход на полную самообеспеченность, например, по фруктам и ягодам, к выращиванию которых у ряда стран есть намного более благоприятные природно-климатические условия.

По обозначенным выше причинам, в дополнение к коэффициенту продовольственной независимости (самообеспеченности), рекомендуется применять коэффициент продовольственной устойчивости, рассчитываемый по каждой продовольственной группе следующим образом:

$$K_{пу(пг)} = (ПГ_{пр} - ПГ_{э} + ПГ_{и.еаэс}) / ПГ_{пот}, \quad (1)$$

где $K_{пу(пг)}$ – коэффициент продовольственной устойчивости по продовольственной группе;

$ПГ_{пр}$ – объём производства по продовольственной группе;

$ПГ_{э}$ – экспорт продукции продовольственной группы;

$ПГ_{и.еаэс}$ – импорт продукции продовольственной группы из стран ЕАЭС;

$ПГ_{пот}$ – потребление продовольственной группы.

Значение вводимого показателя выше 1 при уровне самообеспеченности менее 1 будет свидетельствовать о том, что внутреннее потребление продукции конкретной продовольственной группы (например, овощей, фруктов) не покрывается российским производством, но обеспечивается импортом из «дружественных» стран, что приобретает особую актуальность в условиях введения санкций, политической нестабильности.

Развитием авторского подхода к оценке продовольственной безопасности на основе разделения импорта продовольствия из стран, входящих и не входящих в ЕАЭС, является применение коэффициента продовольственной напря-

жённости:

$$K_{\text{пн(пг)}} = (\text{ПГ}_i - \text{ПГ}_{\text{и.еаэс}}) / \text{ПГ}_{\text{пот}}, \quad (2)$$

где $K_{\text{пн(пг)}}$ – коэффициент продовольственной напряжённости по продовольственной группе;

ПГ_i – импорт продовольствия по продовольственной группе;

$\text{ПГ}_{\text{и.еаэс}}$ – импорт продукции продовольственной группы из стран ЕАЭС;

$\text{ПГ}_{\text{пот}}$ – потребление продовольственной группы.

Целесообразность использования данного показателя особенно возрастает в условиях политической нестабильности, когда поставки из стран, например, Европы могут резко сократиться. Применение данного показателя в условиях общности политических систем ряда стран ЕАЭС (Россия, Беларусь, Казахстан), наличия согласованной (скоординированной) аграрной политики позволяет более взвешенно судить о рисках сокращения продовольственной безопасности России по конкретной продовольственной группе.

Отличие предлагаемого автором показателя «коэффициент продовольственной напряжённости» от уже имеющихся (например, П.М. Таранов, А.С. Панасюк, используют показатель «квоты продовольственной зависимости» как отношение национального сельскохозяйственного импорта к сумме внутреннего производственного и личного потребления, а также потерь [142]) состоит именно в корректировке величины импорта на его величину из стран с единой аграрной политикой (ЕАЭС).

В заключение необходимо отметить, что предлагаемые автором показатели не исключают, а дополняют существующий набор показателей экономической и физической доступности, устойчивого развития сельских территорий, а также продовольственной независимости, акцентируя внимание на том, что путь полного затворничества не приемлем и не возможен, но и полноценная, основанная на доверии кооперация, возможна для России на современном этапе в отношении крайне небольшого числа стран, ведение согласованной агропро-

мышленной политики с которыми в принципе может существенно снизить риски необеспечения продовольственной безопасности страны, создать основу для полноценного обеспечения населения страны продовольствием.

1.3 Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта обеспечения продовольственной безопасности

Обеспечение продовольственной безопасности является приоритетом национальной безопасности большого числа стран. Опыт, накопленный в мировой практике, представляет безусловный интерес.

Несомненный лидер мировой экономики – США, бесспорно, таким опытом обладает (9-е место в оценке Economist Intelligence Unit: Global Food Security Index) (рисунок 4).

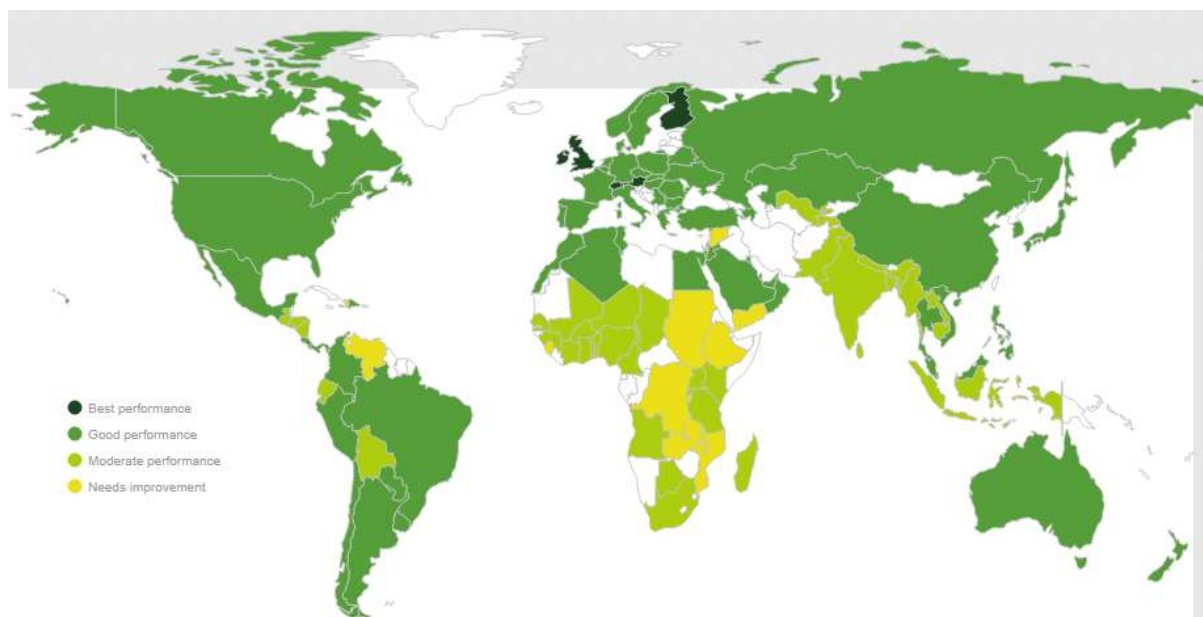

Рисунок 4 – Визуальное представление Глобального индекса продовольственной безопасности [172]

Среди особенностей практики обеспечения продовольственной безопасности в этой стране необходимо отметить, что даже в условиях кризиса перепроизводства, имеющего место в ситуации ограниченной покупательской спо-

способности большинства населения, продовольственная политика правительства США была направлена во многом на внешние рынки, преследуя не только и не столько экономические, но и политические, дипломатические цели, являясь «продовольственным оружием», «агросилой».

Уже в период действия «плана Маршалла» значительная часть экспорта американского продовольствия осуществлялась в развитые страны Европы, Японию. Реализация программы «Продовольствие ради мира», нацеленная на наращивание поставок в различные страны «третьего мира» также с очевидностью имела внешнеполитические цели США. За счёт вывоза излишков сельскохозяйственной продукции капитал США проникал в экономику развивающихся государств, ширилось экономическое влияние США, сопровождаясь усилением политической и экономической зависимости государств – получателей поддержки.

При этом непосредственно в США сложилось явное несоответствие масштабов сельскохозяйственного производства, запасов продовольствия, тому платежеспособному спросу, который был присущ значительной части населения страны.

Нейтрализация последствий кризиса перепроизводства была осуществлена за счёт мероприятий по ограничению сельскохозяйственного производства, расширению продаж остатков нереализованной продукции, во многом за счёт внешних каналов сбыта.

Ограничение сельскохозяйственного производства выражалось во введении программ по сокращению посевных площадей, в особенности пшеницы, кукурузы, риса и сои, предоставлении субсидий, связанных с сокращением посевных площадей (что в итоге привело к сокращению последних на 20 млн га).

США смогло воспользоваться обострением в 70-80-е годы прошлого столетия продовольственной ситуации, обусловленным неурожаем в ряде стран и голодом в развивающихся странах, существенно (в 3 раза) нарастив экспорт своей сельскохозяйственной продукции.

Продовольственная стратегия США уже в тот период принимает каче-

ственно иной характер – осуществляется переход к стратегии рационального использования сельскохозяйственных ресурсов. Этому способствует ряд уже отмеченных обстоятельств – ситуация, сложившаяся на мировых рынках продовольствия, и усиление на них роли США. Обеспечение продовольственной безопасности становится приоритетной целью.

Усиление роли США на мировой продовольственной арене было подкреплено расширением материально-технической базы – техническая оснащённость американского фермерства за 1960-1980 гг. возросла в 4,5 раза, стоимость техники в расчёте на 1 га – в 5 раз, энерговооружённость – в 2 раза, внесение удобрений – в 3 раза, площадь орошаемых земель возросла в 1,5 раза.

Усиление роли США в международной торговле, подтверждаемое в т.ч. и тем фактом, что экспорт зерна увеличился в 6 раз, привело к появлению феномена «продовольственной дипломатии», преследовавшей естественно сугубо национальные интересы США. Произошло смещение акцентов в структуре экспорта с развитых стран на развивающиеся.

Инструменты усиления американского влияния были многообразны – кредиты на покупку американского зерна, строительство в импортирующих государствах предприятий инфраструктуры (цель состояла в стимулировании ввоза из США кормов и иной продукции), расширение торгового представительства, увеличение экспорта кормовых культур, спрос на которые устойчиво рос, использование международных соглашений, предоставление продовольственной помощи, а также эмбарго на экспорт продовольствия в «неудобные» страны.

Реализация обозначенной политики в отношении развитых стран столкнулась уже с существенно большим сопротивлением, возникновением серьёзных разногласий и противоречий.

Возникли новые формы проникновения США на рынки развивающихся государств и формирования нужной политической ориентации – стимулирование создания в этих странах производств выгодных сельскохозяйственных культур, поставки техники, оказание финансовой поддержки, подготовка спе-

циалистов.

Продовольственная стратегия США в отношении развивающихся стран отличается гибкостью, приспособлением к различным социально - экономическим условиям и выражается в разработке адаптированных под местные особенности машин и технологий, кооперации крупного монополистического капитала с мелким сельскохозяйственным производством.

Дополнительный импульс проработка вопросов продовольственной безопасности в США получила в середине 80-х гг. в связи со всё более очевидной «усталостью» земельных ресурсов, исчерпанием резервов площадей, отводимых под пашню, резким ростом потребности в кормах для животноводства, ростом сопротивления политике США со стороны стран ЕС. Сложившиеся темпы роста населения страны вкупе с высокой эрозийностью и низким плодородием почв усугубляют риски США в части обеспечения продовольственной безопасности. С учётом обозначенных рисков в США получили развитие программы прямой или косвенной поддержки АПК страны, направленные на гарантированное обеспечение продовольственной безопасности.

Непременным атрибутом системы обеспечения продовольственной безопасности США являются государственные программы внутренней продовольственной помощи, направленные на сглаживание социальных противоречий, безусловно имеющих в американском обществе.

США на мировой арене выступают как крупный не только производитель, но и экспортёр продовольствия. АПК, наряду с оборонными технологиями, атомным сырьём, входит в сферу национальной безопасности страны. Этому способствует отработанная нормативная база, как одно из условий обеспечения продовольственной безопасности страны.

По утверждению академика РАСХН В. Кашина, «продовольственная безопасность России может быть обеспечена лишь в том случае, если её гарантом выступает закон» [41]. В ситуации ряда государств основной закон страны – Конституция – содержит специальную главу, касающуюся вопросов земельной, аграрной реформы, обеспечения продовольственной безопасности. Так, соглас-

но ст. 305 Конституции Боливиарской Республики Венесуэла, государство «обеспечивает поддержку сельского хозяйства... чтобы гарантировать продовольственную безопасность населения, понимаемую как достаточное и стабильное наличие продуктов питания в национальном масштабе и своевременный и постоянный доступ к ним со стороны общественного потребителя» [41].

Обеспечение продовольственной безопасности Японии во многом завязано на протекционистскую политику (8-е место по шкале Global Food Security Index). Субсидирование сельского хозяйства Японии имеет значения, превышающие средний уровень. Для АПК Японии в целом характерна высокая интенсификация, научно обоснованный уровень использования удобрений, различного рода добавок, гербицидов.

Пашня составляет лишь 10% общей земельной площади, тем не менее, за счёт применения прогрессивных технологий, высокой урожайности сельскохозяйственных культур, Япония смогла стать одной из мировых держав с высоким уровнем полноценного продовольственного обеспечения. Предприятия АПК страны в значительном числе случаев выращивают свою продукцию в условиях искусственной среды (гидропоника и др.).

Рис – основная культура в пищевом рационе японцев. Поэтому тщательно анализируется продовольственный баланс Японии по этой культуре. В мировом масштабе Япония значительно уступает ряду государств – Индонезии, Индии, Китаю. Тем не менее, государственная поддержка производства риса исключительно велика, расценивается как стратегически важная.

Техническая оснащённость аграрных предприятий Японии – самая высокая в мире, в частности по выпуску зерноуборочных комбайнов, Япония превосходит США – в 2 раза, Россию – в 5 раз.

Одно из самых невысоких значений самообеспеченности, присущее Японии, компенсируется стабильными запасами зерна, гарантированными поставками важнейших для японцев рыбопродуктов, собственным производством риса, яиц. Пищевому рациону японцев присуще оптимальное соотношение белков животного и растительного происхождения.

По утверждению В.С. Балабанова, Е.Н. Борисенко, зависимость Японии от импортных поставок не расценивается как острая проблема [22], даже нарастающая ежегодные закупки фуражного зерна и сои. Задача достижения полной самообеспеченности не реальна и не ставится.

По В.Б. Мантусову, Н.Д. Эриашвили «Индия добилась практически полного фактического самообеспечения основными продовольственными товарами, однако нельзя признать, что эта страна достигла национальной продовольственной независимости (и безопасности), поскольку отсутствие импорта продовольствия сопрягается с предельно низким уровнем его потребления и даже недоеданием значительной части населения. Напротив, устойчивость национальной экономики и финансовой системы Японии позволяет гарантировать её населению достойное потребление продовольствия без ущерба национальным интересам при самообеспечении основными продуктами питания всего лишь на 50%» [169].

Федеральная аграрная политика Канады включает активную поддержку сельских районов страны, способствуя обеспечению населения продовольствием, предотвращению чрезвычайных ситуаций с его поставками, социально-экономическому развитию сельских территорий (7-е место по шкале GFSI).

Субъектами реализации политики обеспечения продовольственной безопасности являются такие органы как Министерство сельского хозяйства и продовольствия Канады, Национальный совет по сельхозпродуктам, Фермерская кредитная корпорация, а также Комиссия по качеству зерна и молочной продукции.

Бюджет Министерство сельского хозяйства и продовольствия Канады в основном (на 60%) предполагает кредитную поддержку национальных фермеров, субъектов перерабатывающей промышленности.

Непосредственно сельскохозяйственные товаропроизводители активно выражают своё недовольство государственной поддержкой, считая её сравнительно небольшой. Тем не менее, Канада на мировом рынке продовольствия – заметный игрок, чему способствуют значительные земельные ресурсы, разви-

тые фермерские хозяйства, добившиеся наибольших успехов в производстве зерновых, выращивании КРС.

Высочайший зерновой потенциал Канады позволяет последней занимать лидирующее место в обеспечении населения страны мясом и мясопродуктами, опережая даже США.

Отличительной особенностью Канады в выращивании мясного КРС является высокая конкурентоспособность на мировом рынке. Передовые позиции Канады на зерновом и мясном мировых рынках сопровождаются высокой волатильностью цен на мировых продовольственных рынках, зависимостью от погодных условий, в связи с чем одним из наиболее острых аспектов концепции развития АПК Канады является стабилизация развития. Федеральное правительство Канады устанавливает цены на сельскохозяйственную продукцию, что гарантирует фермерам фиксированные реальные доходы, возмещая все понесенные затраты.

Высокая значимость целей стабилизации подтверждается также и тем обстоятельством, что правительство Канады даже приняло Закон «О стабилизации сельского хозяйства», предполагающим установление «потолка цен» при производстве зерна (особенно кукурузы, пшеницы, сои), а также мясной продукции. Названный Закон определяет механизм установления средних рыночных цен в пределах допустимого диапазона. Цены корректируются в зависимости от ряда факторов: года, сезона, понесённых затрат. При снижении среднегодовых установленных цен государство компенсирует разницу.

В ценообразовании учитывается не только вид продукции, но и географический фактор, в силу чего на местном (провинциальном) уровне программы государственной поддержки существенно различаются, т.к. вступают в силу стабилизационные факторы местного уровня.

Субсидирование государством экспорта в Канаде включает выделение субсидий сельхозтоваропроизводителям за хранение, обработку и транспортировку в пункты экспорта из провинций или мест выращивания зерновых и масличных культур.

Государственное регулирование с очевидностью прослеживается и на молочном рынке Канады. Если молоко подлежит дальнейшей переработке, то вступают в действие так называемые целевые цены, обеспечиваемые посредством государственного субсидирования (данный механизм действует также в птицеводстве и производстве табачных изделий).

Нормативная база государственного регулирования рыночных отношений, обеспечения продовольственной безопасности в Канаде расценивается как проработанная, причём по каждому продукту, что даёт возможность сбора и использования разнообразной отраслевой информации, установления квот, контроля качества, стандартизации.

Основное внимание в государственной аграрной политике Канады уделяется поддержке высокодоходных видов деятельности, сельскохозяйственных продуктов. Основными культурами, производимыми и экспортируемыми Канадой, являются пшеница и рапс, в силу чего именно эти культуры наиболее поддерживаемы государственными структурами. В процессе решения задач обеспечения продовольственной безопасности в Канаде ставятся, прежде всего, задачи максимизации (и стабилизации) доходов фермеров, снижения волатильности цен, расширение рынков сбыта, обеспечение безопасности и качества питания.

Формирование внутренней аграрной политики страны осуществляется в т.ч. по результатам ежегодных встреч федерального и провинциальных министров. Внешнеполитической аграрной концепции Канады ставится в укор определённая двусмысленность, лавирование в зависимости от текущей ситуации на мировых рынках.

Некоторый уровень защиты аграрного рынка Канады обеспечивает замена нетарифных барьеров тарифными. Тарификация учитывает разницы между национальными ценами и мировыми. Возникающая разница трансформируется в специфическую тарифную ставку и добавляется к действующей ставке, в силу чего последние могут вырасти крайне существенно. К примеру, тариф на канадское мясо птицы составил около 200%, масло – 300%.

В соответствии с международными обязательствами Канада вынуждена сокращать внутреннюю поддержку национальных производителей сельскохозяйственных товаров и продовольствия. Совокупный показатель внутренней поддержки рассчитывается на нетоварной основе. Также используется величина разницы средних цен – внешней и внутренней. Возникшие обязательства по сокращению уровня поддержки не являются критичными, позволяя сохранить её на очень высоком уровне (как и в США, странах ЕС).

Как справедливо отмечает В.И. Назаренко, «рассматривая проблемы сельского хозяйства России в контексте европейской безопасности XXI в., следует иметь в виду два (хотя и взаимосвязанных) аспекта – внутреннюю продовольственную безопасность и связанную с внешним миром, в том числе и, может быть, в первую очередь с Европой» [24]. Страны Европы, а ныне непосредственно ЕС, исторически и географически являются важнейшими партнёрами России, однако партнёрство видится сторонами по-разному.

Европейское сельскохозяйственное производство в 10 раз больше российского, а сложившаяся система отношений не выдерживает никакой критики, о чём говорил в своих выступлениях в т.ч. Президент России В.В. Путин. Требуя от России открытия внутреннего рынка, непосредственно в ЕС функционирует другой подход, при котором экспорт европейской сельскохозяйственной продукции компенсируется, а импорт – облагается соответствующими сборами.

Финансовая основа АПК Европыкратно мощнее, поставки продовольственных товаров осуществляются при значительной кредитной поддержке, налаженной логистике, что позволяет европейским производителям, в т.ч. через европейские же торговые сети по типу «Ашан» наращивать продажи сельскохозяйственной продукции, продовольствия.

Двойственность позиции ряда европейских стран очевидна – «науськивая» новых членов ЕС на конфронтацию с Россией (наиболее очевидные примеры – Польша и страны Прибалтики), его старые представители (ФРГ, Франция и др.) отнюдь не забывают о реализации своих интересов. Польша, зарабатывая политические очки неприкрытой антироссийской риторикой, теряет мил-

лионы евро дохода, но не гнушается искать обходные пути через Беларусь и другие страны. Страны Прибалтики, имея в советский период развитое молочное скотоводство, получая мощнейшую поддержку из центра (Москвы), но не найдя сбыта своей продукции в Европе, были вынуждены забить большую часть своего скота.

Каждое государство ЕС имеет собственную аграрную и продовольственную политику, а с 1962 г. начала формирования единая структурная и сельскохозяйственная политика, нацеленная на удовлетворение требований всех государств-участников.

За прошедшие годы аграрная политика ЕС претерпела многочисленные изменения. Основанный на значительном росте производительности труда, технологическом усовершенствовании, рост объёмов производства при гарантированных закупочных ценах привел к значительному перепроизводству. В целях сохранения высоких цен часть произведённой продукции просто уничтожалась.

В дальнейшем были установлены фиксированные объёмы закупок сельскохозяйственной продукции, осуществлено квотирование производства. Фермеры, согласившиеся на добровольной основе сокращать свои возделываемые площади, снижать поголовье скота, получали компенсационные выплаты.

С целью приведения европейских цен на продовольствие в соответствии с мировыми, либерализации аграрного рынка было внесено предложение по сокращению закупочных цен на основные сельскохозяйственные продукты - говядину, зерно, молоко и молокопродукты. Данное предложение закономерно получило сопротивление со стороны стран ЕС – основных получателей аграрных субсидий (Испания, Греция, Франция). В восточноевропейских странах сельское хозяйство по-прежнему играет существенную роль в экономике (наиболее очевидный пример – Польша). Сохранение прежней системы субсидирования не удовлетворяло страны более богатого севера Евросоюза во главе с Германией.

Аграрная политика ЕС постоянно меняется и общий тренд последних из-

менений состоит в изменении финансовых правил субсидирования европейских фермеров – последние будут получать на свою поддержку всё меньше средств.

В обеспечении продовольственной безопасности впечатляюще успехи Китая (34/113 по шкале GFSI), долгое время остававшегося слаборазвитой аграрной страной, но на пороге XXI в. уверенно завоевывающего позиции одного из ведущих государств, достигнув целей в самообеспечении продовольственными и сельскохозяйственными товарами.

В отличие от ряда стран, включая РФ, Китай отказался от реализации практики «шоковой терапии». Аграрные реформы Китая были нацелены на удовлетворение основных потребностей населения в продовольствии, а перерабатывающей промышленности – в продуктах сельского хозяйства. Реформы были направлены не на обвальную либерализацию всей экономики, а на постепенное вхождение в рынок.

В настоящее время руководством Китая реализуется политика достижения самообеспеченности населения продовольствием с одновременным контролем рождаемости. Китай уже достиг 80% уровня обеспеченности по всем основным группам продовольствия. Главной же стратегической целью в обеспечении продовольственной безопасности Китая является дальнейшее развитие, увеличение отечественного производства продуктов питания, а также формирование всех необходимых условий для надежного обеспечения продовольствием.

Реализуемый в Китае подход к решению проблемы продовольственного обеспечения вполне согласуется с предлагаемым автором подходом обеспечения продовольственной устойчивости – сохраняя приоритет национального производства, самообеспеченности, недостающие объёмы продовольствия могут быть импортированы, прежде всего из стран ЕАЭС.

В Бразилии обеспечение продовольственной безопасности является приоритетным направлением деятельности, поскольку, несмотря на 4-е место в мире по экспорту продовольствия, в целом развитое сельское хозяйство, голодающее население в стране по-прежнему измеряется миллионами человек (в группу так

называемого «продовольственного риска», по различным оценкам, входит до трети населения страны) (63-е место по шкале GFSI).

В определенные временные интервалы правительством Бразилии использовался различный набор мер. Так, начиная с 1960 гг. он включал минимизацию цен, субсидирование кредитов, накопление правительственных запасов, наращивание финансирования сельскохозяйственных научных исследований, программ развития. С 1990 г. правительство было вынуждено перейти к режиму жёсткой экономии и обширная поддержка сельского хозяйства была значительно сокращена с введением таких мер, как приватизация, акцент на привлечение зарубежных инвестиций, либерализация торговли.

Экономическая составляющая поддержки сельского хозяйства в Бразилии включает интервенции как меру поддержки доходов как крупных, так и мелких сельхозтоваропроизводителей, предоставление кредитов с низкими процентными ставками. «Накачивание» аграрного сектора Бразилии «дешевыми» деньгами в целом позволило существенно нарастить экспортный потенциал АПК Бразилии, особенно в части такой продукции, как хлопок, сахар и соя.

Среди основных инструментов поддержки – так называемая «Выравнивающая премия, выплачиваемая производителям» в ситуации превышения рыночной цены над сложившейся на местном рынке, закупки правительством по минимальным гарантированным ценам.

Стратегические ориентиры развития сельского хозяйства страны и обеспечения продовольственной безопасности ежегодно прорабатываются в Плане развития сельского хозяйства и животноводства, а также Плане развития семейного сельского хозяйства. Фермерским хозяйствам доступны возможности реструктуризации (и даже прощения) долгов, в рамках которых кредитные платежи резко сокращаются за счёт, во-первых, увеличения длительности кредитов, во-вторых, их рефинансирования под более низкие процентные ставки.

В соответствии с Годовым отчётом ФАО-2021 «Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире» хуже всего ситуация в Африке, где от голода страдает 21% населения. Напряжённой остаётся ситуация в

странах Латинской Америки и Карибского бассейна, там процент голодающих составил 9,1%, а также в Азии с процентом голодающих 9,0%. В абсолютном выражении больше всего голодающих приходится на страны Азии (418 млн человек), это более половины от всего числа, а также Африку (282 млн чел – более 1/3). Как отмечается в Отчёте «в результате пандемии произошло серьезное отступление по ряду направлений».

В целом же, обобщая зарубежный опыт обеспечения продовольственной безопасности в различных странах, необходимо отметить, что зачастую он не может быть адаптирован к российским условиям в силу совершенно иного экономического потенциала России, усложнения политической ситуации и других факторов. Вместе с тем, можно считать, что дальнейшее развитие политики обеспечения продовольственной безопасности страны России будет, как и в ряде зарубежных стран, постепенно переходить от достижения количественных показателей производства к показателям качества пищевой продукции, её потребления в соответствии с рациональными нормами потребления.

2 АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

2.1 Анализ сельскохозяйственного производства и переработки как сфер АПК, обеспечивающих продовольственную безопасность России

Продукция сельского хозяйства Российской Федерации (в фактически действовавших ценах) за анализируемый период 2011-2020 гг. увеличилась с 3261,7 млрд руб. (в т.ч. 1558,2 млрд руб. по животноводству и 1703,5 млрд руб. по растениеводству) до 6110,8 млрд руб. (2833,9 млрд руб. и 3276,9 млрд руб. соответственно), т.е. на 2849,1 млрд руб. или 87,35% (рисунок 5).

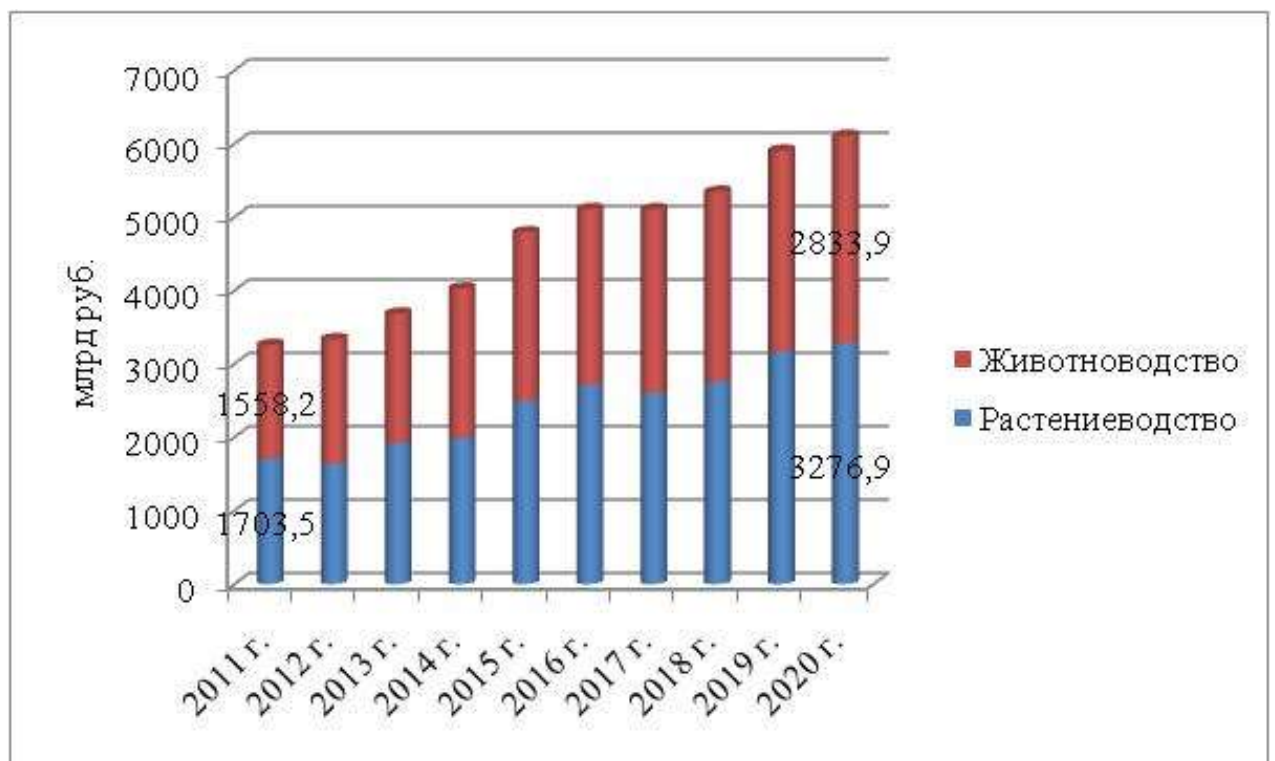

Рисунок 5 – Продукция сельского хозяйства России за 2011-2020 гг. [173]

Динамика изменений была преимущественно позитивной: в 2012 г. продукция сельского хозяйства выросла до 3399,2 млрд руб., т.е. на 77,5 млрд руб. или 2,38%; по итогам 2013 г. прирост продукции сельского хозяйства составил 347,9 млрд руб. или 10,42% (до 3687,1 млрд руб.); в 2014 г. был достигнут ру-

беж в 4 трлн руб. (4031,1 млрд руб.), что на 344 млрд руб. или 9,33% больше прошлогоднего уровня; в 2015 г. темп роста продукции сельского хозяйства был максимальным – 118,94%, что привело к получению продукции в размере 4794,6 млрд руб. (+763,5 млрд руб.); по итогам 2016 г. темп роста существенно сократился – до 106,63%, что, тем не менее, позволило получить продукцию сельского хозяйства в размере более 5 трлн руб., точнее 5112,3 млрд руб. (+317,7 млрд руб.); 2017 г. был единственным период анализируемого временного диапазона, когда было зафиксировано снижение объёма сельскохозяйственной продукции – до 5109,5 млрд руб. (на 2,8 млрд руб. или 0,05%); в 2018 г. сельскохозяйственная продукция по итогам года составила 5348,8 млрд руб., что на 239,3 млрд руб. или 4,68% больше прошлогоднего уровня; по итогам 2019 г. сельское хозяйство выпустило продукции на 5907,9 млрд руб., обеспечив прирост в размере 559,1 млрд руб. или 10,45%; в 2020 г. был достигнут новый рекорд – объём производства сельского хозяйства Российской Федерации, превышающий 6,1 трлн руб. – 6110,8 млрд руб. (+202,9 млрд руб. или 3,43%).

По большинству лет анализируемого диапазона основу совокупного сельскохозяйственного производства составляло растениеводство, продукция которой, тем не менее, однонаправленной динамики не имела. Так, по итогам 2012 г. продукция растениеводства сократилась с 1703,5 млрд руб. до 1636,4 млрд руб. (на 67,1 млрд руб. или 3,94%), что в условиях роста животноводства привело к сокращению доли растениеводства с 52,23% до 49,01% (на 3,22 п.п.). В 2013 г. был зафиксирован один из максимальных приростов производства растениеводческой продукции – до 1918,8 млрд руб., т.е. на 282,4 млрд руб. или 17,26%, что привело к восстановлению доли растениеводства на уровне 52,04% (+3,03 п.п.). В 2014 г. продукция растениеводства составила 1986,7 млрд руб., что больше прошлогоднего уровня на 67,9 млрд руб. или 3,54% (за счёт более интенсивного роста животноводческой продукции доля растениеводства сократилась до 49,28%, т.е. на 2,76 п.п.). 2015 г. обеспечил максимальный в анализируемом период темп роста растениеводства – 125,20% (до 2487,3 млрд руб., т.е. на 500,6 млрд руб.), вследствие чего (и менее интенсивного роста жив-ва)

удельный вес растениеводства возрос до 51,88% (на 2,60 п.п.). Продолжение в 2016 г. роста производства растениеводческой продукции до 2710,3 млрд руб. (на 223 млрд руб. или 8,97%) привело к росту доли растениеводства до 53,02% (+1,14 п.п.). В фактически действовавших ценах продукция растениеводства по итогам 2017 г. сократилась до 2599,7 млрд руб., т.е. на 110,6 млрд руб. или 4,08% (удельный вес растениеводства остался, тем не менее, преобладающим – 50,88%, сокращение на 2,14 п.п.). Увеличение доли растениеводства по итогам 2018 г. до 51,53% (на 0,65 п.п.) обусловлено более интенсивным (по сравнению с животноводством) увеличением – до 2756,1 млрд руб., т.е. на 156,4 млрд руб. или 6,02%. По итогам 2019 г. продукция растениеводства достигла значения в 3160 млрд руб., что больше прошлогоднего уровня на 403,9 млрд руб. или 14,65%, в силу чего удельный вес растениеводства достиг 53,49% (+1,96 п.п.). Максимальные же абсолютные и относительные значения растениеводства зафиксированы по итогам 2020 г. – 3276,9 млрд руб. растениеводческой продукции (+116,9 млрд руб. или 3,70%) и 53,62% (+0,13 п.п.) от общей величины сельскохозяйственной продукции. В целом за анализируемый период продукция растениеводства в Российской Федерации приросла на 1573,4 млрд руб. или 92,36%.

В отличие от растениеводства животноводство России стабильно имело позитивную динамику роста продукции (в фактически действовавших ценах). Например, в 2012 г. продукция животноводства составила 1702,8 млрд руб., что больше значения за 2011 г. на 144,6 млрд руб. (9,28%) и привело (в условиях уже отмечавшегося сокращения производства продукции растениеводства) к росту удельного веса животноводства с 47,77% до 50,99% (+3,22 п.п.). По причине менее интенсивного в 2013 г. роста животноводства (до 1768,3 млрд руб., т.е. на 65,5 млрд руб. или 3,85%) удельный его вес сократился до 47,96% (на 3,03 п.п.). В 2014 г. имел место максимальный темп роста животноводства – 115,61% (до 2044,4 млрд руб., на 276,1 млрд руб.) в силу чего удельный вес животноводства снова превысил 50%, составив 50,72% (+2,76 п.п.). По итогам 2015 г. был достигнут объём производства животноводческой продукции со-

ставил 2307,3 млрд руб., что больше значения годом ранее на 262,9 млрд руб. или 12,86%, однако, даже несмотря на столь значительный прирост, доля животноводства сократилась до 48,12% (на 2,60 п.п.). В 2016 г. животноводство России произвело продукции на 2402 млрд руб., обеспечив прирост в фактически действовавших ценах на 94,7 млрд руб. или 4,10%, что меньше интенсивности роста растениеводства (см. выше) и привело к сокращению доли животноводства до 46,98% (на 1,14 п.п.). За счёт продолжения роста продукции животноводства в 2017 г. (до 2509,8 млрд руб., т.е. на 107,8 млрд руб. или 4,49%) в условиях уменьшения производства продукции растениеводства произошло увеличение удельного веса животноводства до 49,12% (+2,14 п.п.). Производство животноводческой продукции в России по итогам 2018 г. составило 2592,7 млрд руб. (увеличение на 82,9 млрд руб. или 3,30%), по итогам 2019 г. – 2747,9 млрд руб. (прирост на 155,2 млрд руб. или 5,99%), в 2020 г. – 2833,9 млрд руб. (на 86 млрд руб. или 3,13%), что, однако, сопровождалось сокращением удельного веса животноводства (до 48,47% (-0,65 п.п.) в 2018 г., 46,51% (-1,96 п.п.) в 2019 г. и 46,38% (-0,13 п.п.) в 2020 г.), объясняемое отмечавшимся выше опережающим ростом растениеводства.

Однако, как показано на рисунке 6, динамика сельскохозяйственного производства в России в сопоставимых ценах существенно скромнее. Максимальный рост сельскохозяйственного производства в анализируемом диапазоне был в его начале – по итогам 2011 г., составив 123%. Уже по итогам 2012 г. произошло фактическое сокращение производства сельскохозяйственной продукции – на 4,8% (темп роста 95,2%). В дальнейшем, за исключением 2018 г., когда имело место сокращение сельскохозяйственного производства в России (на 0,2%), объём сельскохозяйственной продукции в сопоставимых ценах также увеличивался. Однако, несмотря на в целом положительную оценку роста производства сельскохозяйственной продукции в России, его темпы всё равно остаются относительно невысокими. Рынок же сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия нельзя считать насыщенным отечественной продукцией, а значит потенциал роста безусловно имеется.

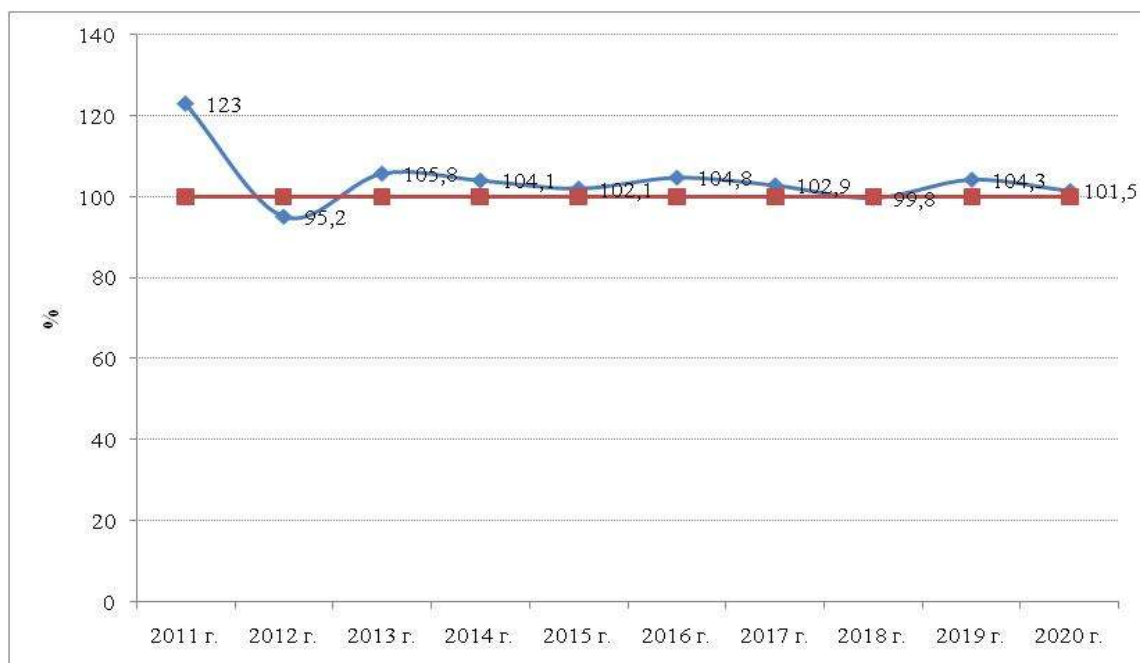

Рисунок 6 – Индексы производства продукции сельского хозяйства России за 2011-2020 гг. в сопоставимых ценах [173]

Таким образом, развитие сельскохозяйственного производства в Российской Федерации (в хозяйствах всех категорий) происходит, но ежегодные темпы роста при исключении ценового фактора уже не измеряются десятками процентов (как было в 2011 г.).

Далее рассмотрим основной производственный показатель развития растениеводства – валовой сбор (таблица 2).

Таблица 2 – Валовой сбор основных сельскохозяйственных культур в России за 2010-2020 гг., млн т [173]

Показатель	2011г.	2012г.	2013г.	2014г.	2015г.	2016г.	2017г.	2018г.	2019г.	2020г.
Зерно (в весе после доработки)	94,2	70,9	92,4	105,2	104,7	120,7	135,5	113,3	121,2	133,4
Сахарная свекла	47,6	45,1	39,3	33,5	39	51,3	51,9	42,1	54,4	33,9
Семена масличных культур	13,1	10,6	13,1	12,9	13,9	16,3	16,5	19,5	22,8	21,2
в т.ч. подсолнечник	9,7	7,5	9,8	8,5	9,3	11	10,5	12,8	15,4	13,3
сои	1,8	1,7	1,5	2,4	2,7	3,1	3,6	4	4,4	4,3
рапса озимого и ярового	1,1	0,9	1,3	1,3	1	1	1,5	2	2,1	2,6
Льноволокно	43	46	39	37	45	41	39	37	38	39
Картофель	32,7	29,5	30,2	24,3	25,4	22,5	21,7	22,4	22,1	19,6
Овощи	14,7	14,6	14,7	12,8	13,2	13,2	13,6	13,7	14,1	13,9
Плоды, ягоды и виноград	2,9	2,9	3,4	3,2	3,7	3,7	3,3	4	4,2	4,3

Валовой сбор зерна, как основной сельскохозяйственной культуры, определяющей продовольственную безопасность страны, однонаправленной динамики в анализируемом периоде не имел, однако общая повышательная тенденция в целом очевидна – за 10-летний период валовой сбор зерна увеличился с 94,2 млн т до 133,5 млн т. Максимальные значения валового сбора зерна (в весе после доработки) зафиксированы по итогам 2017 г. (135,5 млн т) и 2020 г. (133,5 млн т). Минимальное значение валового сбора зерна имело место в 2012 г. – 70,9 млн т. Основной фактор риска – нестабильность производства зерна, определяемая, безусловно, в т.ч. естественными, природно-климатическими факторами.

Значительная часть зерна, производимого на территории Российской Федерации, перерабатывается – на муку, крупу, комбикорма и другие цели. Так, в 2011 г. 50,32% (47,4 млн т) собранного зерна было направлено на переработку. В 2012 г., в условиях резкого (с 94,2 млн т до 70,9 млн т) сокращения валового сбора зерна, объёмы переработки не сократились столь же резко (с 47,4 млн т до 43,8 млн т), что привело к росту доли направляемого в переработку зерна до 61,78% (+11,46 п.п.). Однако, в дальнейшем, в условиях практически однонаправленной (за исключением 2018 г.) динамики роста переработки зерна (до 55,4 млн т в 2020 г.) доля последней сокращалась, составив по итогам 2020 г. 41,53%.

Валовой сбор сахарной свеклы отличается существенной нестабильностью. Наиболее очевидна эта нестабильность при рассмотрении значений валового сбора за 2019-2020 гг. – вслед за сбором в 54,4 млн т (максимум) в 2019 г. последовало резкое, на 20,5 млн т, сокращение – до 33,9 млн т (темп роста 62,32%). Имели место и резкие положительные изменения – в 2016 г. валовой сбор сахарной свеклы увеличился с 39 до 51,3 млн т (на 31,54%), в 2019 г. – с 42,1 млн т до 54,4 млн т (на 29,22%). Минимальный валовой сбор сахарной свеклы был зафиксирован в Российской Федерации по итогам 2014 г., составив 33,5 млн т.

Сбор семян масличных культур также не имел стабильной, однонаправ-

ленной динамики. Тем не менее, значение по итогам анализируемого периода (2020 г.) существенно (на 61,83%) больше значения по состоянию на начало анализируемого временного диапазона (21,2 млн т в 2011 г. против 21,2 млн т в 2020 г., что, однако не является экстремальными значениями – в 2012 г. сбор масличных культур составил 10,6 млн т, в 2019 г. – 22,8 млн т).

Прежде всего, речь идёт о семенах полсолнечника, валовой сбор которых в 2020 г. составил 13,3 млн т, что на 37% больше значения 2011 г. (9,7 млн т). При этом значение за 2020 г. не является рекордным – максимальное значение валового сбора семян масличных культур зафиксировано по итогам всё того же 2019 г. – указанные выше 22,8 млн т, в т.ч. 15,4 млн т – по подсолнечнику. Минимальный же размер валового сбора подсолнечника имел место в 2012 г. – 7,5 млн т.

Валовой сбор сои в Российской Федерации кратно (в 2,4 раза) вырос – по итогам 2020 г. значение составило 4,3 млн т в то время как в 2011 г. сбор был равен 1,8 млн т (минимум имел место в 2013 г. – 1,5 млн т, максимум в 2019 г. – 4,4 млн т).

Существенное, более чем в 2 раза, увеличение валового сбора прослеживается и рапсу озимому и яровому – с 1,1 млн т в 2011 г. до 2,6 (максимум) млн т в 2020 г. Минимальный валовой сбор рапса озимого и ярового был в 2012 г. – 0,9 млн т.

Валовой сбор льноволокна по итогам 2017-2020 гг. стабилизировался, в среднем составляя 38 тыс. т (в 2020 г. 39 тыс. т), однако это существенно меньше (максимальных) значений 2012, 2015 гг. (46, 45 тыс. т соответственно). Минимальная величина валового сбора – 37 тыс т – характерна для 2014 г. и 2018 гг.

Сборы такой важнейшей сельскохозяйственной культуры как картофель упали по итогам 2020 г. до 19,6 млн т, что составляет лишь 60% от значения за 2011 г. (32,7 млн т). Наибольшие провалы в сборе этой культуры прослеживаются по итогам 2014 г. (с 30,2 млн т до 24,3 млн т, т.е. на 5,9 млн т или 19,54%), 2012 г. (с 32,7 млн т до 29,5 млн т, т.е. на 3,2 млн т или 9,79%), 2016 г. (с 25,4

млн т до 22,5 млн т, т.е. на 2,9 млн т или 11,42%) и 2020 г. (с 22,1 млн т до 19,6 млн т, т.е. на 2,5 млн т или 11,31%).

Валовой сбор овощей, сложившийся по итогам 2020 г. в размере 13,9 млн т, не является минимальным (среднее значение 2014-2018 гг. равно 13,3 млн т, абсолютный минимум имел место в 2014 г., составив 12,8 млн т), однако значительно меньше начальных значений (среднее значение 2011-2013 гг. равно 14,7 млн т) и снизился по отношению к 2019 г. на 0,2 млн т).

Почти в 1,5 раза (темп роста 148,28%) увеличился в Российской Федерации валовой сбор плодов, ягод и винограда – с 2,9 млн т в 2011 и 2012 гг. до рекордных 4,3 млн т в 2020 г. Значения валового сбора плодов, ягод и винограда растут уже 3 года подряд.

Углубим проводимый анализ количественных показателей развития сельского хозяйства России в части отдельных зерновых и зернобобовых культур (таблица 3).

Таблица 3 – Валовой сбор отдельных зерновых и зернобобовых культур по Российской Федерации за 2011-2020 гг., млн т [173]

Культуры	Годы									
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Пшеница озимая и яровая	56,2	37,7	52,1	59,7	61,8	73,3	86	72,1	74,5	85,9
Рожь озимая и яровая	3	2,1	3,4	3,3	2,1	2,5	2,5	1,9	1,4	2,4
Кукуруза на зерно	7	8,2	11,6	11,3	13,1	15,3	13,2	11,4	14,3	13,9
Ячмень озимый и яровой	16,9	14	15,4	20,4	17,5	18	20,6	17	20,5	20,9
Овес	5,3	4	4,9	5,3	4,5	4,8	5,5	4,7	4,4	4,1
Просо, тыс. т	878	334	419	493	572	629	316	217	440	396
Гречиха, тыс. т	800	797	834	662	861	1187	1525	932	786	892
Рис, тыс. т	1056	1052	935	1049	1110	1081	987	1038	1099	1142
Зернобобовые	2,5	2,2	2,0	2,2	2,4	2,9	4,3	3,4	3,3	3,4

Как следует из данных таблицы 3, валовой сбор пшеницы озимой и яровой в России по итогам 2020 г. (85,9 млн т) был близок к максимальному, имевшему место в 2017 г. (86 млн т). Даже соотнося значение за 2020 г. не к минимальному (2012 г., 37,7 млн т), а именно к исходному (2011 г., 56,2 млн т) можно говорить о существенном росте валового сбора пшеницы озимой и яро-

вой – на 52,85%.

Валовой сбор ржи озимой и яровой по итогам 2020 г. по отношению к значению за 2011 г. составляет 80% (2,4 млн т против 3 млн т), однако всего лишь годом ранее валовой сбор ржи озимой и яровой составлял и вовсе 1,4 млн т (минимум), т.е. меньше половины исходного значения (не являющегося при этом максимальным (3,4 млн т в 2013 г.)).

Практически двукратное увеличение (2020 г. к 2011 г.) зафиксировано по кукурузе на зерно (13,9 млн т против 7 млн т – на 6,9 млн т или 98,57%). При этом значение 2020 г. в анализируемом временном диапазоне не является рекордным (в 2016 г. валовой сбор кукурузы на зерно составил 15,3 млн т).

В условиях крайне неустойчивой динамики (см. «просадки» в 2012, 2015, 2018 гг., минимальное значение по итогам 2012 г.) был достигнут рост валового сбора ячменя озимого и ярового – с 16,9 млн т в 2011 г. до 20,9 млн т в 2020 г. (темп роста 123,67%).

Валовой сбор овса сократился по итогам 2020 г. до 4,1 млн т, что не является минимальным значением (в 2012 г. значение составило 4 млн т), но, тем не менее, равно лишь 77% значения за 2011 г.

Резко, в 2 раза, в Российской Федерации сократился валовой сбор проса – с максимальных 878 тыс. т в 2011 г. до 396 тыс. т в 2020 г. (и минимальных 217 тыс. т в 2018 г.).

Существенной вариабельностью значений валового сбора отличается и гречиха – максимальный валовой сбор имел место по итогам 2017 г. – 1525 тыс. т, минимальный – в 2014 г. – 662 тыс. т (темп роста составил соответственно 43,41%).

Валовой сбор риса отличается, напротив, относительной стабильностью. По итогам 2020 г. сбор составил максимальные 1142 тыс. т (среднее значение за 10 лет равно 1055 тыс. т).

Валовой сбор зернобобовых в России по итогам последних лет (2018-2020 гг.) стабилизировался в размере 3,4 млн т, однако разброс минимальных и максимальных значений также существенен – 2 млн т в 2013 г. против 4,3 млн т в

2017 г.

На основе данных нижеследующей таблицы 4 оценим динамику производственных показателей животноводства Российской Федерации за период 2011-2020 гг.

Таблица 4 – Производство основных продуктов животноводства в Российской Федерации за 2011-2020 гг. (хозяйства всех категорий) [173]

Показатель	Годы									
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Шерсть (в физическом весе), тыс. т	53	55	55	56	55	56	57	55	50	52
Яйца, млрд шт.	41,1	42	41,3	41,7	42,5	43,5	44,8	44,9	44,9	44,9
Молоко, млн т	31,6	31,8	30,5	30	29,8	29,8	30,2	30,6	31,4	32,2
Скот и птица на убой (в убойном весе), млн т	7,5	8,1	8,5	9	9,5	9,9	10,3	10,6	10,9	11,2

Производство шерсти (в физическом весе) в Российской Федерации отличалось относительной стабильностью (среднее годовое значение 55 тыс. т) и даже динамикой роста в период 2011-2018 гг. (максимум в 57 тыс. т был достигнут в 2017 г.), но по итогам 2019 г. производства шерсти резко (на 9,1%) сократилось (до 50 тыс. т). Увеличение производства шерсти по итогам 2020 г. до 52 тыс. т расценивается положительно, однако исходное значение 2011 г. достигнуто не было.

В производстве яиц по итогам 2018-2020 гг. наблюдается определённая стабилизация – вот уже 3 года в России производится по 44,9 млрд шт яиц ежегодно. Наибольшие приросты объёма производства яиц имели место в 2016 и 2017 г. (с 42,5 млрд шт до 43,5 млрд шт в 2016 г. и до 44,8 млрд шт в 2017 г. соответственно). В целом за анализируемый период производство яиц в Российской Федерации возросло 3,8 млрд шт (темп роста равен соответственно 109,25%).

Производство молока, одного из контролируемых «Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации» продуктов, по итогам 2020 г. достигло максимального значения – 32,2 млн т. Прирост объёмных показателей прослеживается на протяжении последних четырёх лет (2017-2020 гг.).

Причём по итогам 2019-2020 гг. темпы прироста молока отличаются наибольшими значениями (0,8 млн т). В целом же темп роста производства молока расценивается как достаточно скромный – 101,90% и достигнут он фактически только по итогам 2020 г. (значение производства молока за 2019 г. меньше исходного значения 2011 г.).

Исключительно динамика увеличения прослеживается в величине производства скота и птицы на убой – с 7,5 млн т (в убойном весе) в 2011 г. до 11,2 млн т в 2020 г. (увеличение составило 49,33%). Однако, темпы прироста в абсолютном выражении существенно (в 2 раза) сократились – с максимальных 0,6 млн т в 2012 г. до 0,4 млн т в 2016-2017 гг. и минимальных 0,3 млн т в 2018-2020 гг.

На рисунке 7 представлена детализация динамики производства скота и птицы на убой по отдельным видам для хозяйств всех категорий по Российской Федерации за период 2011-2020 гг.

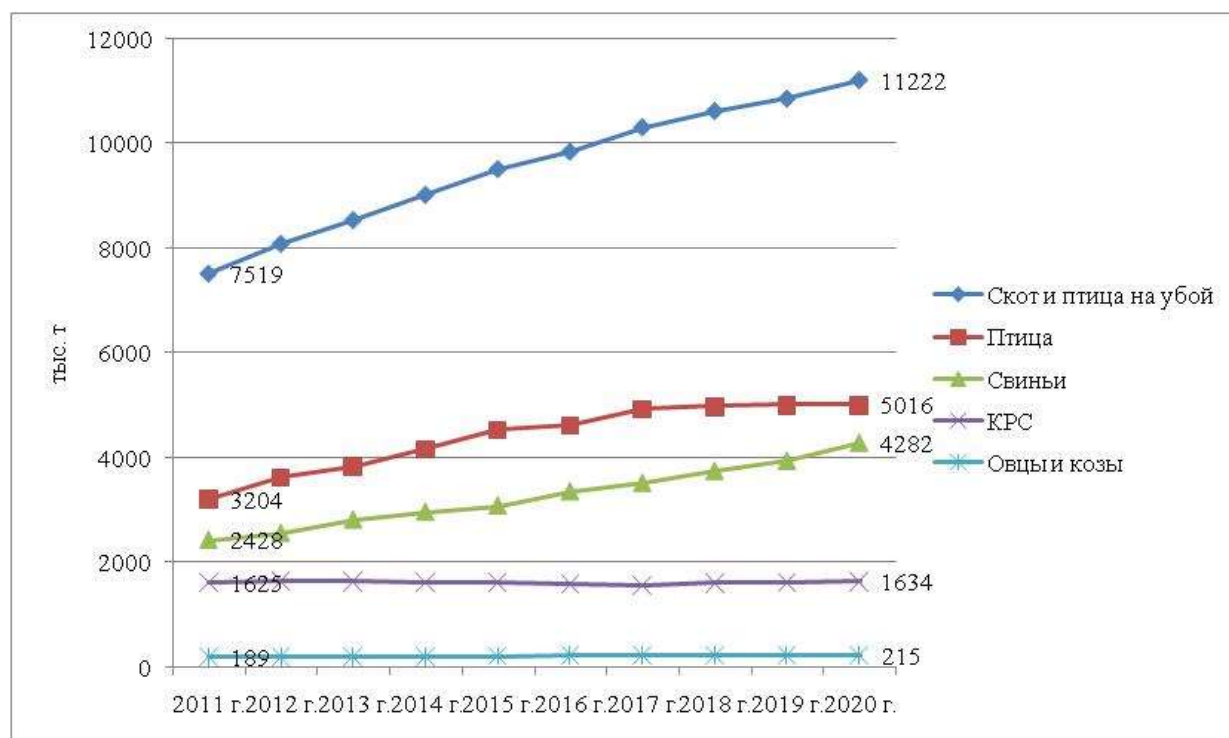

Рисунок 7 – Производство скота и птицы на убой по отдельным видам для хозяйств всех категорий по Российской Федерации за период 2011-2020 гг.

Очевидно, что основу совокупного производства скота и птицы на убой составляет производство птицы, причём как на начало анализируемого диапазона (42,61%), так и на его конец (44,70%). Непосредственно производство птицы в Российской Федерации увеличилось с 3204 тыс. т до 5016 тыс. т, т.е. на 1812 тыс. т или 56,55%. Также необходимо отметить, что темпы роста производства птицы в 2018-2020 гг. существенно замедлились (например, по итогам 2012 г. темп роста производства птицы составил 113,14%, по итогам 2020 г. – 100,04%).

Свиноводство отличается ещё более значительной интенсивностью роста – за обозначенный период производство свинины выросло с 2428 тыс. т до 4282 тыс. т, т.е. на 1854 тыс. т или 76,36%. При этом сохраняются и высокие темпы роста – по итогам 2012 г. темп роста был равен 105,40%, по итогам 2020 г. – 108,76%.

Производство мяса КРС в Российской Федерации достаточно стабильно – 1625 тыс. т в 2011 г. и 1634 тыс. т в 2020 г. Вместе с тем, в 2016-2017 гг. можно отметить некоторый провал – производство сократилось до 1589, а потом и до 1569 тыс. т.

Производство и реализация овец и коз традиционно составляет незначительную часть совокупной величины производства скота и птицы в Российской Федерации, но в целом имеет позитивную динамику роста (с 189 тыс. т до 215 тыс. т, т.е. на 36 тыс. т или 13,76%).

В целом можно заключить, что сельскохозяйственное производство, являясь основой обеспечения продовольственной безопасности (и устойчивости) Российской Федерации, развивалось и достигло роста большого числа проанализированных показателей, как в растениеводстве, так и животноводстве. Однако динамика изменений показателей развития характеризуется как крайне неустойчивая, а ряде случаев (молоко и молокопродукты) – и как недостаточная, что требует углубления анализа в части ресурсного потенциала дальнейшего развития, укрепления продовольственной безопасности страны.

2.2 Оценка ресурсного потенциала обеспечения продовольственной безопасности страны

Ресурсный потенциал обеспечения продовольственной безопасности страны оценим с использованием (продовольственного) баланса ресурсов. В состав ресурсного потенциала включаем соответственно запасы на начало года, производство и импорт (в сумме составляющие «Итого ресурсов»).

Продовольственная безопасность, как отмечалось выше, определяется в т.ч. и обеспеченностью, наличием в достаточном объёме зерна и других продовольственных (сельскохозяйственных) ресурсов.

В таблице 5 представлена динамика обеспеченности внутреннего потребления различных продовольственных групп по Российской Федерации за 2011-2020 гг., рассчитанная как отношение запасов на начало соответствующего года к среднесуточному потреблению, определённого в свою очередь делением годового объёма внутреннего потребления на 365 дней.

Таблица 5 – Продовольственная обеспеченность Российской Федерации по продовольственным группам за 2011-2020 гг., дни [173]

Показатель	Годы									
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Зерно (без продуктов переработки)	272	329	239	281	313	314	355	430	340	348
Мясо и мясопродукты	29	27	28	29	27	27	27	28	30	32
Молоко и молокопродукты	18	19	19	19	21	19	17	16	16	17
Яйца и яйцопродукты	9	9	10	10	9	9	10	10	10	11
Картофель	192	248	248	250	256	285	274	262	263	264
Овощи и бахчевые культуры	135	152	149	147	149	152	147	149	146	145
Фрукты и ягоды	68	82	89	95	84	72	73	66	72	71
Рыба и рыбопродукты	64	66	77	75	86	93	124	126	118	130

Запасы зерна в Российской Федерации, как следует из таблицы, в целом за анализируемый период существенно увеличились – если по итогам 2011 г. их величина позволяла обеспечить внутреннее потребление в течение 272 дн. (9 мес.), то по итогам 2020 г. значение приблизилось к полному году (348 дн.). В течение анализируемого диапазона обеспеченность внутреннего потребления была и как существенно ниже (239 дн. в 2013 г.), так и существенно больше (430 дней по итогам 2018 г.).

Переходящие запасы мяса и мясопродуктов были достаточно стабильны, позволяя рассчитывать на удовлетворение внутренних потребностей в нём в течение в среднем одного месяца (27-32 дн.). Обеспеченность внутреннего потребления по итогам 2018-2020 гг. непрерывно росла и достигла по итогам 2020 г. (максимальных) 32 дней.

Запасы молока и молокопродуктов, имевшиеся на начало каждого года, соответствовали в среднем 18 дням потребления (минимальное значение 16 дней, имело место в 2018-2019 гг., максимум в 21 день достигнут по итогам 2015 г.).

Запасы на начало года яиц и яйцепродуктов позволяли рассчитывать на удовлетворение внутреннего потребления в течение от 9 дней (в 2011-2012, 2015-2016 гг.) до 11 дней (2020 г.).

Несмотря на отмеченную выше ситуацию сокращения производства картофеля в Российской Федерации, обеспеченность последним остаётся достаточно высокой – 264 дня по итогам 2020 г. Данное значение не является максимальным (в 2016 г. оно составило 285 дн.), однако существенно больше начального уровня (2011 г. – 192 дн.) и среднего значения за 2011-2020 гг. (254 дн.).

По итогам 2020 г. по овощам и продовольственным бахчевым культурам обеспеченность составила 145 дней против 135 дней в 2011 г. при наличии существенно больших значений внутри анализируемого диапазона (максимум 152 дн. зафиксирован по итогам 2012 г., среднее значение составило 147 дн.).

Фруктов и ягод хватило бы на удовлетворение внутреннего потребления в течение в среднем за 2011-2020 гг. 77 дней (максимальное значение в 95 дн.

имело место в 2014 г., минимальное значение в 66 дн. зафиксировано по итогам 2018 г.). По итогам 2020 г. обеспеченность фруктами и ягодами составила 71 день.

В наибольшей степени обеспеченность в днях выросла по рыбе и рыбопродуктам – с 64 дн. по итогам 2011 г. до 130 дн. по итогам 2020 г., т.е. более чем в 2 раза. При этом, за исключением 2014 г., динамика была исключительно позитивной. Наибольший прирост имел место в 2017 г. – с 93 дн. до 124 дн. (на 31 день).

Далее перейдём к изучению основного элемента ресурсного потенциала – производства, рассматривая его в тесной связке с внутренним потреблением. Детализация данного анализа по федеральным округам позволит установить «рассогласованность» мест производства и потребления, доказывая необходимость выравнивания продовольственной безопасности страны в региональном аспекте.

Структура производства и внутреннего потребления зерна по федеральным округам представлена в таблице 6 (здесь и далее в составе внутреннего потребления в ряде случаев выделяются наиболее крупные направления потребления), на основе значений которых определена самообеспеченность (продовольственная независимость) регионов.

Таблица 6 – Структура производства и потребления зерна по федеральным округам, уровень продовольственной независимости (2020 г.), % [173]

Федеральный округ	Производство	Внутреннее потребление	Производственное потребление	Переработка	Самообеспеченность
Центральный	23,60	32,32	18,80	38,54	128,97
Северо-Западный	0,92	3,35	1,05	4,41	48,44
Южный	31,07	12,36	16,27	10,50	444,27
Северо-Кавказский	10,66	5,17	7,23	4,25	364,57
Приволжский	17,37	25,37	29,73	23,45	120,93
Уральский	3,10	6,29	6,67	6,05	87,23
Сибирский	12,76	14,05	18,24	12,13	160,41
Дальневосточный	0,51	1,09	2,02	0,68	82,98
Итого / в сред. *	100	100	100	100	176,66*

Таким образом, безусловным лидером в производстве (сборе) зерна является Южный федеральный округ (ЮФО), обеспечивающий чуть менее 1/3 (31,07%) всего производства (сбора), однако лишь 12,36% произведённого зерна потребляется внутри ЮФО, производственное потребление (на семена, на корм скоту и птице) составляет в округе 16,27%, а перерабатывается в ЮФО лишь 10,50% произведённого зерна. Обозначенные факты обусловили получение значения самообеспеченности по этому федеральному округу в максимальном размере – 444,27%.

Неоспоримым лидером внутреннего потребления зерна является ЦФО, доля которого равна 32,32%. Также ЦФО является лидером и в переработке зерна – 38,54% в то время как произведено в ЦФО «лишь» 23,60% от общероссийского значения. Тем не менее, ЦФО является самодостаточным – 128,97%.

В наибольшей степени производственное потребление зерна осуществляется в Приволжском федеральном округе – 29,73%. Показатели ПФО высоки и в части переработки – на округ приходится 23,45% перерабатываемого сельскохозяйственными производителями, предприятиями-изготовителями продуктов переработки зерна. В целом в ПФО осуществляется потребление более ¼ (25,37%) годового сбора зерна, в то время как собрано 17,37% (2020 г.). Даже с учётом обозначенных обстоятельств, уровень продовольственной независимости ПФО по зерну больше 100% (120,93%).

Сибирский федеральный округ занимает 4-е место по доле производства (12,76%), внутреннего (14,05%), в т.ч. производственного (18,24%), потребления и 3-е место (опережая ЮФО) по доле перерабатываемого зерна (12,13% против 10,50% у ЮФО). Уровень самообеспеченности СФО равен 160,41%.

Северо-Кавказский федеральный округ обеспечивает 10,66% общего валового сбора зерна в Российской Федерации, но внутри СКФО потребляется лишь 5,17%. Производственное потребление в СКФО составляет 7,23%, перерабатывается 4,25% всего объёма. Высокое значение продовольственной независимости по зерну (364,57%) во многом и определяется незначительной величиной использования зерна непосредственно на месте (в СКФО).

В Уральском федеральном округе (УФО) собирается 3,10% всего зерна России, но потребляется уже 6,29%. Доля УФО в части производственного потребления 6,67%, переработки – 6,05%. УФО не является самодостаточным регионом, уровень самообеспеченности зерном равен 87,23%.

Расхождения в относительной значимости производства и переработки зерна прослеживаются и по Северо-Западному федеральному округу (например, доля производства 0,92%, доля переработки – 4,41%), а также Дальневосточному федеральному округу, но в целом значимость этих федеральных округов в обеспечении продовольственной безопасности России по зерну и продуктам его переработки существенно ниже. Самообеспеченность СЗФО является минимальной – 48,44% (разница со значением по ЮФО составляет 395,83 п.п.), по ДФО она составляет 82,98%.

По мясу и мясопродуктам наибольшее расхождение в доле производства и потребления характерно для ЦФО (таблица 7) – в нём производится 39,27% всей мясной продукции, а потребляется только 29,91% (детализация потребления не представлена, т.к. 99% внутреннего потребления – это личное потребление и расхождение имеет место только в сотых долях процента). Закономерно, что в сложившихся условиях, уровень самообеспеченности мясом и мясопродуктами по этому федеральному округу максимальный (131,50%).

Таблица 7 – Структура производства и потребления мяса и мясопродуктов по федеральным округам, уровень продовольственной независимости (2020 г.), % [173]

Федеральный округ	Производство	Внутреннее потребление	Самообеспеченность
Центральный	39,27	29,91	131,50
Северо-Западный	7,31	9,73	75,25
Южный	8,73	11,26	77,61
Северо-Кавказский	6,39	5,70	112,42
Приволжский	20,98	19,19	109,49
Уральский	6,47	7,55	85,72
Сибирский	9,05	11,09	81,73
Дальневосточный	1,80	5,57	32,27
Итого / в сред. *	100	100	100,14*

По итогам 2020 г. самообеспеченность мясом и мясoproдуктами в целом по России составила 100,14%, однако только 3 федеральных округа – уже рассмотренный ЦФО, а также СКФО и ПФО, являются самодостаточными.

Вторым по значениям удельных весов производства и внутреннего потребления является ПФО – в нём производится 20,98% всей мясной продукции и потребляется 19,19%. Продовольственная независимость ПФО по мясной продукции составляет 109,49%.

Однако второе место по уровню самообеспеченности мясной продукцией принадлежит СКФО со значением 112,42%. В СКФО производится 6,39% мясной продукции, но потребляется 5,70%, создавая соответственно основу для её вывоза за пределы региона.

Отличительной особенностью оставшихся федеральных округов Российской Федерации является не только сам по себе факт продовольственной зависимости, но и значения самообеспеченности – они существенно ниже 100%, вплоть до 32,27% по ДФО.

В СФО производится 9,05% всей мясной продукции, но потребляется 11,09%, уровень самообеспеченности при этом равен 81,73%.

В УФО самообеспеченность несколько выше – 85,72% при доле производства в 6,47% от общероссийского значения и 7,55% общероссийского потребления.

Доля других федеральных округов также является значимой. Так, СЗФО и ЮФО обеспечивают производство мясной продукции в размерах 7,31% и 8,73% от общероссийского, а потребление в данных округах равно 9,73% и 11,26% соответственно.

Разница максимального и минимального значений самообеспеченности по мясу и мясным продуктам уже не так значительна по сравнению с размахом вариации по зерну (99,23 п.п. против 395,83 п.п.), однако всё равно свидетельствуют о наличии существенных рисков неравномерности в обеспечении продовольственной безопасности на региональном уровне.

Переходя к оценке продовольственной безопасности по молоку и моло-

копродуктам в разрезе федеральных округов (таблица 8), необходимо отметить, что пороговый уровень самообеспеченности не выдерживается и в целом по России, составляя по итогам 2020 г. 84,03%. Лишь два федеральных округа – ПФО и СКФО – имеют уровень самообеспеченности более 100%.

Таблица 8 – Структура производства и потребления молока и молокопродуктов по федеральным округам, уровень продовольственной независимости (2020 г.), % [173]

Федеральный округ	Производство	Внутреннее потребление	Личное потребление	Самообеспеченность
Центральный	19,41	25,14	25,83	64,86
Северо-Западный	6,21	10,28	10,76	50,76
Южный	11,71	10,13	10,44	97,12
Северо-Кавказский	8,51	6,86	6,84	104,28
Приволжский	30,99	23,73	22,53	109,74
Уральский	6,20	7,08	7,30	73,64
Сибирский	13,94	12,11	11,66	96,75
Дальневосточный	3,02	4,66	4,65	54,45
Итого / в сред. *	100	100	100	84,03*

Лидер по производству молока и молокопродуктов в Российской Федерации – ПФО. На его долю приходится 30,99% всего производства по России. При этом внутри федерального округа на личные цели потребляется 22,53% всего личного потребления по России. В ПФО наибольший объём производственного потребления молока и молокопродуктов (1167,4 тыс. т в 2020 г.), поэтому в данном округе проценты внутреннего и личного потребления отличаются в большей степени, чем по другим федеральным округам (см., например, ДФО, где разница составляет лишь сотую процента).

Также выходит на самообеспеченность по молоку и молочным продуктам СКФО (104,28%), однако его доля в общем производстве намного меньше – 8,51%, а удельный вес в потреблении ещё меньше (за счёт чего и обеспечивается выход на самообеспеченность) – 6,86%.

Вторым по значимости федеральным округом в части производства и потребления (внутреннего, личного) является ЦФО, где производится 19,41% все-

го молока в России, а потребляется – более $\frac{1}{4}$. Таким образом, округ может закрыть собственные потребности в молочной продукции только на 64,86%.

Ситуация близка к достижению самообеспеченности в ЮФО и СФО, где значения продовольственной независимости по молочной продукции составили в 2020 г. 97,12% и 96,75% соответственно. Это и крупные производители молочной продукции (11,71% и 13,94% соответственно), и её потребители (10,13% и 12,11%), в т.ч. на личные цели (10,44% и 11,66%).

От поставок извне зависит УФО – в нем производится 6,20% молока, но потребляется 7,08% от всего объёма.

В наибольшей степени зависимость от внешних поставок молока прослеживается по СЗФО и ДФО, где уровень самообеспеченности равен 50,76% и 54,45% соответственно.

Лишь три федеральных округа из восьми выходят на самообеспеченность по яйцам и яичным продуктам (таблица 9) – ПФО, УФО и СФО. При этом самообеспеченность яйцами и яичными продуктами в целом по Российской Федерации не достигается (97,37%).

Таблица 9 – Структура производства и потребления яиц и яичных продуктов по федеральным округам, уровень продовольственной независимости (2020 г.), % [173]

Федеральный округ	Производство	Внутреннее потребление	Личное потребление	Самообеспеченность
Центральный	22,65	28,40	27,23	77,63
Северо-Западный	9,91	9,95	10,19	96,93
Южный	10,83	11,53	12,06	91,44
Северо-Кавказский	3,43	5,50	5,42	60,73
Приволжский	25,63	20,02	20,16	124,61
Уральский	10,81	8,94	8,64	117,80
Сибирский	13,77	10,98	11,26	122,17
Дальневосточный	2,97	4,68	5,06	61,90
Итого / в сред. *	100	100	100	97,37*

Обозначенные 3 федеральных округа обеспечивают более половины (50,22%) совокупного производства в Российской Федерации яиц и яичных

продуктов. Потребление же в этих округах составляет 39,94%, личное потребление – 40,06%.

Лидером по показателям доли в совокупном производстве яиц и яичных продуктов, а также самообеспеченности является ПФО – 25,63% и 124,61% соответственно. Однако, наибольшее потребление – внутреннее, а также личное – сосредоточено в ЦФО – 28,40% и 27,23% (наибольший объём производственного потребления яиц имеет место как раз в ЦФО – 1769,1 тыс. т по итогам 2020 г.).

СФО обеспечивает 13,77% всего производства яиц и яичной продукции, имея при этом долю в совокупном внутреннем потреблении в размере 10,98%, в личном – 11,26%. Самообеспеченность СФО яичной продукцией также достаточно велика – 122,17%.

Доля УФО в совокупном производстве яиц и яйцепродуктов составляет 10,81%, что при меньшем потреблении (8,94% от потребления по России), привело к самообеспеченности (117,80%).

Относительно близки к достижению самообеспеченности СЗФО (производство 9,91% от общего объёма и 9,95% от общего потребления) и ЮФО (10,83% и 11,53% соответственно) – их продовольственная независимость составила 96,93% и 91,44%.

Самое крупное потребление яиц и яйцепродуктов, как уже отмечалось, в ЦФО. Собственным производством оно в должной мере (100%) не обеспечено, что привело к получению уровня продовольственной независимости в размере 77,63%.

Однако, намного более напряжённая ситуация в СКФО и ДФО, где самообеспеченность яйцами и яйцепродуктами равна 60,73% и 61,90% – потребление яичной продукции может быть в полной мере обеспечено только за счёт поставок из других регионов.

При рассмотрении продовольственной безопасности по картофелю необходимо отметить, что внутреннее потребление картофеля хотя и имеет в своей основе всё-таки личное потребление (57,56% по итогам 2020 г. в целом по Рос-

сийской Федерации), но существенную часть занимает также производственное потребление (35,98%) (доля потерь по итогам 2020 г. составила 6,46%). В силу этого, во внимание следует принимать значения показателей не только внутреннего потребления в целом, но и личного, а также производственного потребления (таблица 10).

Таблица 10 – Структура производства и потребления картофеля по федеральным округам, уровень продовольственной независимости (2020 г.), % [173]

Федеральный округ	Производство	Потребление			Самообеспеченность
		Внутреннее	Производственное	Личное	
Центральный	29,97	27,85	29,75	25,60	96,00
Северо-Западный	4,68	6,57	4,29	8,23	63,62
Южный	6,79	7,50	4,84	9,65	80,72
Северо-Кавказский	5,24	5,81	4,84	6,99	80,33
Приволжский	26,81	25,50	30,05	22,45	93,80
Уральский	8,57	8,48	7,57	8,69	90,11
Сибирский	13,33	13,02	13,94	12,44	91,34
Дальневосточный	4,60	5,27	4,71	5,94	77,97
Итого / в сред. *	100	100	100	100	89,20*

Таким образом, самообеспеченность картофелем не прослеживается ни по одному федеральному округу (а также, соответственно, и в целом по России). Наибольшее значение самообеспеченности имеет место по ЦФО – 96% (больше порогового значения «Доктрины продовольственной безопасности», равного 95%). В ЦФО производится 29,97% всего картофеля России, но и потребление внутри округа также является наибольшим, составляя 27,85%. Также в ЦФО больше всего расходуется картофеля на личное потребление – 25,60% от общероссийского значения.

ПФО больше всех других федеральных округов использует картофель в рамках производственного потребления (30,05% при 29,75% по ЦФО). Больше четверти всего российского картофеля расходуется в ПФО в рамках внутреннего потребления в целом. Тем не менее, за счёт того, что в ПФО производится 26,81% всего картофеля России самообеспеченность ПФО составила 93,80%.

На третьем месте по производству и всем видам потребления картофеля находится СФО – в нём производится 13,33% всего картофеля, потребляется 13,02%, в т.ч. производственное потребление составляет 13,94% общероссийского значения, личное потребление – 12,44% совокупного объёма. Пороговый уровень не достигается, значение равно 91,34%.

В УФО производится 8,57% всего картофеля, потребляется 8,48%, при этом доля производственного потребления УФО в общероссийском значении составляет 7,57%, личного потребления – 8,69%. Продовольственная независимость УФО по картофелю равна 90,11%.

Примерно равная самообеспеченность картофелем прослеживается по ЮФО и СКФО – 80,72% и 80,33%, производящие 6,79% и 5,24% всего картофеля России, но потребляющие его в большем размере – 7,50% и 5,81% соответственно. Удельный вес личного потребления ещё выше – 9,65% и 6,99% соответственно.

Наименьшие значения самообеспеченности картофелем прослеживаются по ДФО (77,97%) и СЗФО (63,62%). Производство картофеля в данных округах представлено в незначительных размерах – 4,60% и 4,68% от валового сбора. Потребление же, особенно личное, существенно выше, составляя 5,94% и 8,23% соответственно.

Соответственно, риски продовольственной безопасности по картофелю состоят не только в том, что не выдерживается общий пороговый уровень самообеспеченности, но в том, что полная самообеспеченность не достигается ни по одному федеральному округу, а пороговое значение «Доктрины» соблюдается только в ЦФО.

Разброс значений самообеспеченности по овощам и продовольственным бахчевым культурам расценивается как очень высокий – от 37,09% в СЗФО и 38,86% в ДФО до 127,74% в СКФО и 170,48% в ЮФО (таблица 11). Первенство ЮФО и СКФО объяснимо тем, что в данных федеральных округах производится 30,80% и 16,14% всех овощей и продовольственных бахчевых культур в целом по России, в то время как потребляется лишь 15,60% и 10,91%.

Таблица 11 – Структура производства и потребления овощей и продовольственных бахчевых культур по федеральным округам, уровень продовольственной независимости (2020 г.), % [173]

Федеральный округ	Производство	Внутреннее потребление	Самообеспеченность
Центральный	16,74	24,98	57,84
Северо-Западный	3,32	7,74	37,09
Южный	30,80	15,60	170,48
Северо-Кавказский	16,14	10,91	127,74
Приволжский	21,07	19,55	93,03
Уральский	3,69	6,70	47,47
Сибирский	6,06	9,68	54,05
Дальневосточный	2,18	4,84	38,86
Итого / в сред. *	100	100	86,33*

Пороговое значение «Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» в 90% выдерживается ПФО, в котором уровень самообеспеченности составил по итогам 2020 г. 93,03%.

Потребление жителями ЦФО овощей и бахчевых культур (личное потребление составляет основу внутреннего потребления овощей и бахчевых культур) в размере $\frac{1}{4}$ общероссийского уровня при том, что в ЦФО производится только 16,74% овощей и фруктов закономерно привело к выходу на самообеспеченность округа в размере 57,84%.

СФО имеет продовольственную независимость по овощам и продовольственным бахчевым культурам в размере 54,05%, производя 6,06% всех овощей и продовольственных бахчевых культур в Российской Федерации, но потребляя 9,68%.

Схожая ситуация в УФО – самообеспеченность округа овощами и бахчевыми равна 47,47% при доле в производстве в размере 3,69%, но при доле потребления в размере 6,70%.

Аутсайдерами в части обеспеченности овощами и бахчевыми, как и в случае с картофелем, являются ДФО и СЗФО – производство овощей и бахчевых в данных федеральных округах составляет лишь 38,86% и 37,09% их же внутреннего потребления.

Только один федеральный округ России – СКФО – выходит самообеспеченность по фруктам и ягодам, имея значение 107,55% (таблица 12).

Таблица 12 – Структура производства и потребления фруктов и ягод по федеральным округам, уровень продовольственной независимости (2020 г.), % [173]

Федеральный округ	Производство	Внутреннее потребление	Личное потребление	Самообеспеченность
Центральный	16,73	25,04	27,65	28,33
Северо-Западный	3,35	8,56	9,57	16,58
Южный	28,86	18,66	13,62	65,58
Северо-Кавказский	26,38	10,40	7,33	107,55
Приволжский	16,97	16,95	18,58	42,44
Уральский	3,60	7,46	8,52	20,46
Сибирский	3,25	8,13	9,28	16,97
Дальневосточный	0,87	4,80	5,46	7,67
Итого / в сред. *	100	100	100	42,40*

Доля СКФО в общероссийском производстве фруктов и ягод даже меньше, чем у ЮФО – 26,38% против 28,86%, однако вывоз, включая экспорт, в 2020 г. в СКФО составил 386,2 тыс. т, в то время как по ЮФО он был равен уже 1104,7 тыс. т. Пороговое значение «Доктрины продовольственной безопасности» по фруктам и ягодам (60%) ЮФО выдерживается, составляя 65,58%. Доля внутреннего, в т.ч. личного, потребления в данных федеральных округах значительно меньше, чем доля производства – 18,66% и 13,62% по ЮФО, 10,40% и 7,33% по СКФО.

В силу в т.ч. естественных, объективных причин, природно-климатических особенностей, уровень самообеспеченности фруктами и ягодами в других федеральных округах значительно меньше. Так, ЦФО потребляет больше четверти всех фруктов и ягод по России в рамках внутреннего потребления, а его жители съедают 27,65% всех фруктов и ягод. Производя при этом лишь 16,73% всех фруктов и ягод, ЦФО имеет уровень самообеспеченности в размере 28,33%. Доля ДФО в совокупном производстве фруктов и ягод меньше 1%, но потребление, удовлетворяемое за счёт ввоза из других регионов и импорта, составляет около 5% (4,80% по внутреннему потреблению и 5,46% от

общей величины личного потребления).

Уровень самообеспеченности ПФО соответствует общероссийскому уровню (42,44% и 42,40%). В ПФО производится 16,97% всего объёма фруктов и ягод с долей внутреннего потребления 16,95% и личного потребления 18,58%.

Примерно одинаковый, низкий уровень самообеспеченности фруктами и ягодами прослеживается по УФО, СФО и СЗФО – 20,46%, 16,97% и 16,58% соответственно. Однако и доля этих федеральных округов в совокупном производстве невелика – 3,60%, 3,25% и 3,35% соответственно (при доле личного потребления 8,52%, 9,28% и 9,57% соответственно).

Таким образом, ситуация в части фруктов и ягод является наиболее сложной, фактическое значение всё ещё существенно отличается не только от полной самообеспеченности, независимости, но и от порогового значения «Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».

Третьей составляющей ресурсного потенциала обеспечения продовольственной безопасности является импорт продовольствия, доля которого в общей величине ресурсов характеризуется данными таблицы 13.

Таблица 13 – Доля импорта в ресурсном потенциале обеспечения продовольственной безопасности (устойчивости) Российской Федерации по продовольственным группам за 2011-2020 гг., % [173]

Показатель	Годы									
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Зерно (без продуктов переработки)	0,48	0,92	1,09	0,57	0,48	0,54	0,33	0,20	0,15	0,19
Мясо и мясопродукты	24,56	23,41	20,94	16,48	11,63	10,46	8,88	7,11	6,15	5,04
Молоко и молокопродукты	19,39	20,44	22,86	22,26	19,90	19,28	17,97	16,76	16,92	17,15
Яйца и яйцопродукты	2,69	3,02	3,10	3,92	3,98	3,85	3,51	3,55	4,42	3,88
Картофель	3,59	1,72	1,83	2,53	2,34	2,30	3,29	3,11	1,92	2,07
Овощи и бахчевые культуры	12,73	11,07	11,82	12,22	10,73	9,58	10,60	9,75	9,52	8,72
Фрукты и ягоды	60,27	58,99	56,04	52,60	54,45	53,65	56,06	53,58	50,80	49,57
Рыба и рыбопродукты	27,21	27,95	28,32	27,54	16,63	15,65	15,60	16,32	16,74	16,07

По зерну, как уже отмечалось, Российской Федерацией достигнуты наибольшие успехи в обеспечении продовольственной безопасности и всё-таки имеющиеся импортные поставки (0,4 млн т в 2020 г.) не носят сколько-нибудь критического характера.

Доля импортных поставок мяса и мясопродуктов за анализируемый период сократилась с 24,56% до 5,04%, т.е. на 19,52 п.п. Проблемы обеспечения продовольственной безопасности по мясу и мясным продуктам сохраняются, особенно, как обозначено выше, в региональном разрезе, но в целом продовольственная обеспеченность мясом возросла.

Преодолеть импортную зависимость по молоку и молокопродуктам России не удаётся – несмотря на в целом снижение доли импорта в ресурсном потенциале, его уровень всё ещё существенен – 17,15% по итогам 2020 г. против 19,39% в 2011 г., 20,44% в 2012 г., 22,86% в 2013 г. и 22,26% в 2014 г.

Несмотря на имеющиеся успехи в российском производстве яиц и яичных продуктов, доля импортных поставок в анализируемом периоде возросла на 1,19 п.п. – с 2,69% до 3,88%.

Обратная ситуация прослеживается по картофелю – доля импорта в общей сумме ресурсов снизилась за 10 лет с 3,59% до 2,07%, т.е. на 1,52 п.п.

Положительные сдвиги в ситуации импортозамещения прослеживаются по овощам и бахчевым культурам, доля импорта которых в общей сумме ресурсов снизилась с 12,73% до 8,72%, т.е. на 4,01 п.п., фруктам и ягодам (с 60,27% до 49,57%, т.е. на 10,70 п.п.), рыбе и рыбопродуктам (с 27,21% до 16,07%, т.е. на 11,14 п.п.).

Таким образом, ресурсный потенциал Российской Федерации в целом позволяет обеспечить стабильность на продовольственном рынке за счёт созданных запасов, однако производство и использование продовольствия в России отличаются территориальной разобщённостью, что требует разработки механизма выравнивания продовольственной безопасности. Всё ещё значительная часть потребления молока, овощей и продовольственных бахчевых культур, фруктов и ягод удовлетворяется за счёт импортных поставок продовольствия.

2.3 Оценка уровня обеспеченности населения России продовольствием

В «Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации» отмечается, что «высокие стандарты жизнеобеспечения», а значит и обеспечения населения России качественным, физически и экономически доступным продовольствием в том числе, являются «условием реализации стратегического национального приоритета» (которым названо «повышение качества жизни российских граждан»), «одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности страны». Оценим обеспеченность населения России продовольствием по основным продовольственным группам.

Потребление зерна на личные цели (фонд потребления) традиционно незначительно, составляя лишь 0,1 млн т, что составляет незначительную долю как от объёма производства (по итогам 2020 года – 0,07%), так и от величины использования (0,08%), внутреннего потребления (0,12%).

Как уже отмечалось, удельный вес личного потребления мяса и мясопродуктов по Российской Федерации за период 2011-2020 гг. стабильно превышал 99% (по итогам 2020 г. – 99,59%). Уровень самообеспеченности мясом и мясопродуктами по итогам 2020 г. впервые за анализируемый период 2011-2020 гг. в Российской Федерации достиг 100% (рисунок 4) (при пороговом значении по мясу и мясопродуктам (в пересчёте на мясо), равном 85%).

На начало анализируемого временного периода – 2011 год – уровень самообеспеченности мясом и мясопродуктами в Российской Федерации составлял лишь 73,98% (при величине производства 7515,7 тыс. т и внутреннем потреблении 10158,6 тыс. т). Как следует из рисунка 8, динамика производства была намного более интенсивнее, чем внутреннего потребления – 149,31% против 110,31% и по итогам 2020 г. был зафиксирован максимальный объём производства мяса и мясопродуктов 11222 тыс. т при величине внутреннего потребления в размере 11206,4 тыс. т.

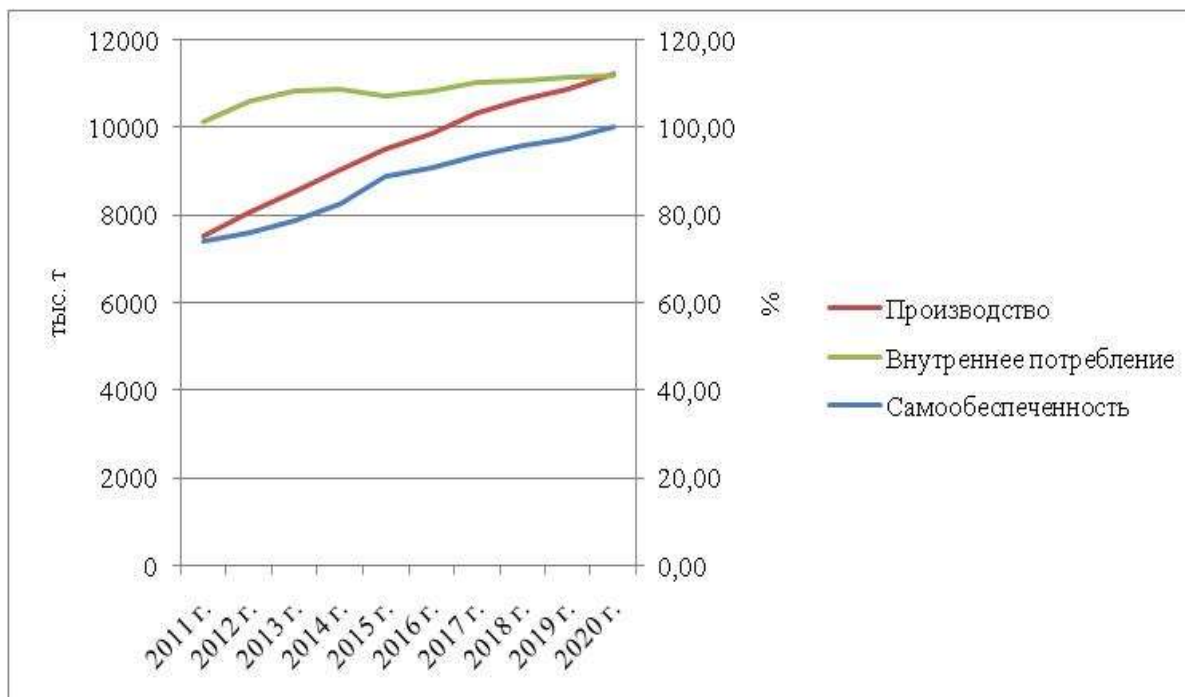

Рисунок 8 – Самообеспеченность Российской Федерации мясом и мясопродуктами за период 2011-2020 гг. [173]

При этом практически половина (49%) личного потребления мяса и мясопродуктов приходится всего на 2 (из 8) федеральных округа – ЦФО и ПФО (рисунок 9).

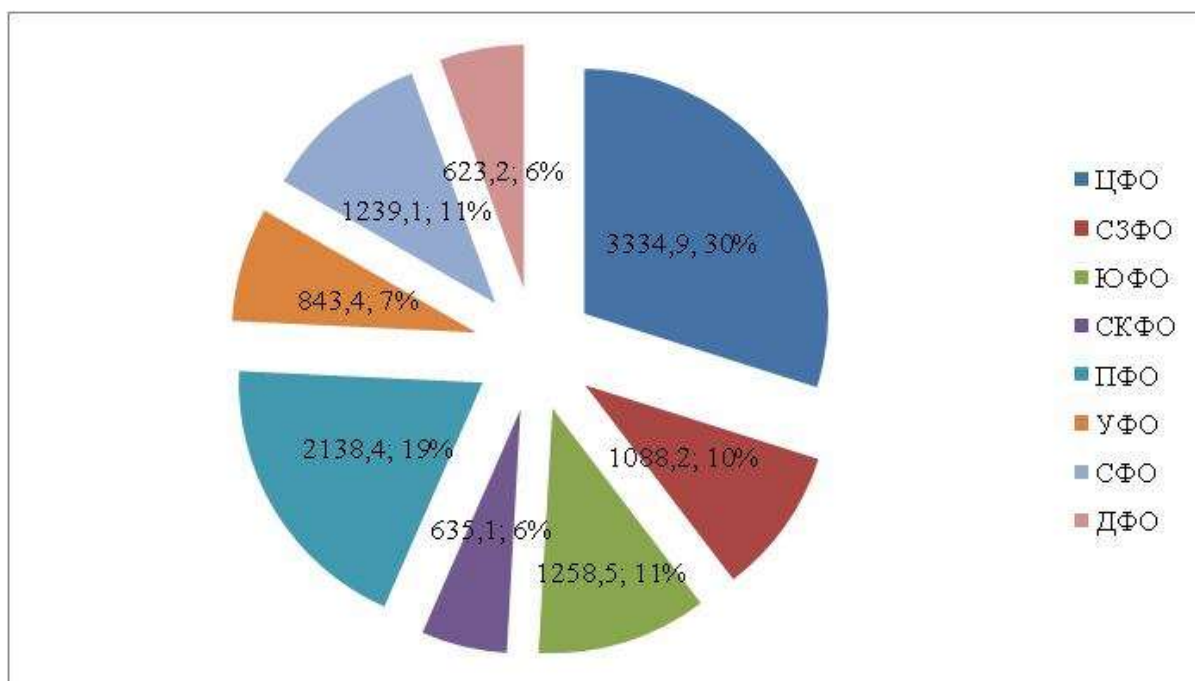

Рисунок 9 – Структура личного потребления мяса и мясопродуктов в Российской Федерации по итогам 2020 г., тыс. т, % [173]

Потребление мяса и мясопродуктов (в пересчёте на мясо) по итогам 2020 г. составило в Российской Федерации 76 кг на душу населения, что больше как значения на начало анализируемого диапазона (в 2011 г. оно составило 71 кг), так и в более ранние периоды (в 1990 г. – 75 кг, в 1995 г. – 55 кг, в 2000 г. – 45 кг (абсолютный минимум)).

В разрезе федеральных округов наибольшее среднедушевое потребление мяса и мясопродуктов (включая субпродукты второй категории и жир-сырец) по итогам 2020 г. характерно для Центрального и Северо-Западного федеральных округов (рисунок 10).

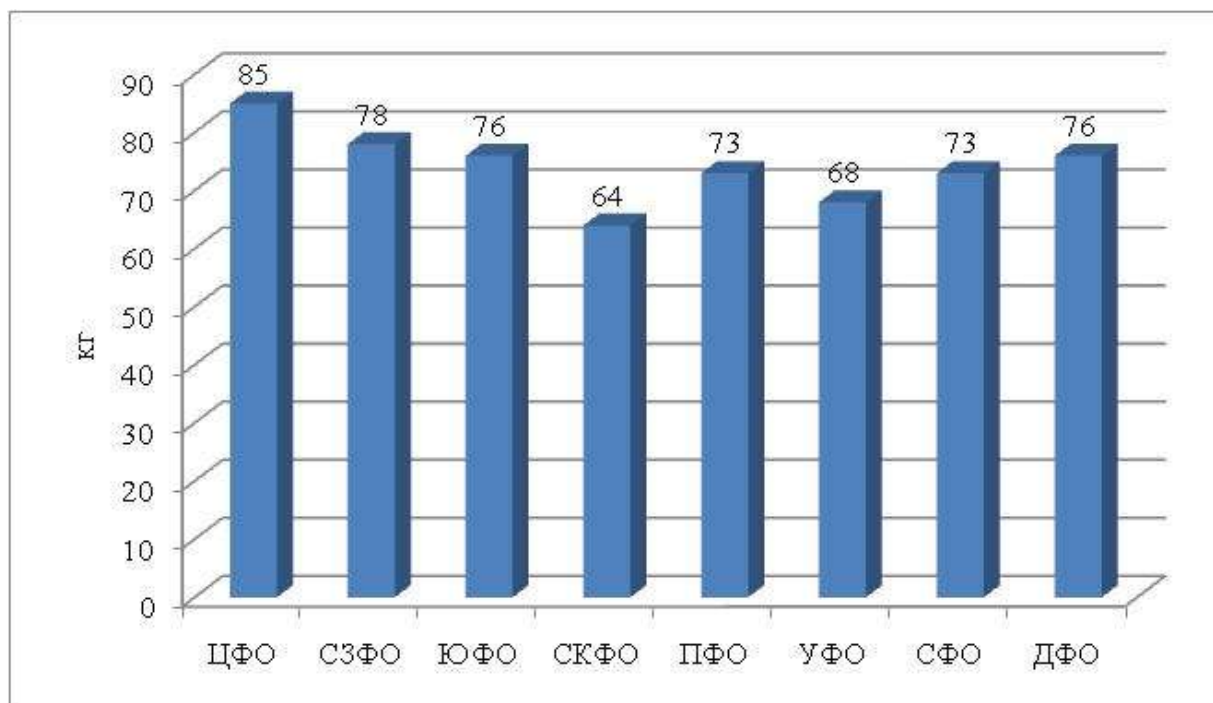

Рисунок 10 – Потребление мяса и мясопродуктов на душу населения в Российской Федерации по федеральным округам (2020 г.), кг [173]

Таким образом, разница между максимальным и минимальным значениями достаточно велика – 21 кг, что составляет 24,71% от максимального значения и 32,81% – от минимального, что свидетельствует о высокой актуальности проработки вопросов выравнивания среднедушевого потребления. Рекомендуемая рациональная норма потребления мясопродуктов (73 кг) не удовлетворяется в СКФО и УФО. Граничные значения характерны для ПФО (несмотря на

2-е место в рамках абсолютного значения личного потребления по округам) и СФО.

Личное потребление молока и молочных продуктов также составляет основу внутреннего потребления (в среднем 91% за период 2011-2020 гг.).

Среднедушевое потребление молока и молочных продуктов, согласно рациональным нормам потребления [8], должно составлять 325 кг. Фактические значения, агрегированные на рисунке 11 в пятилетние периоды (за исключением 1990 г.), значительно ниже.

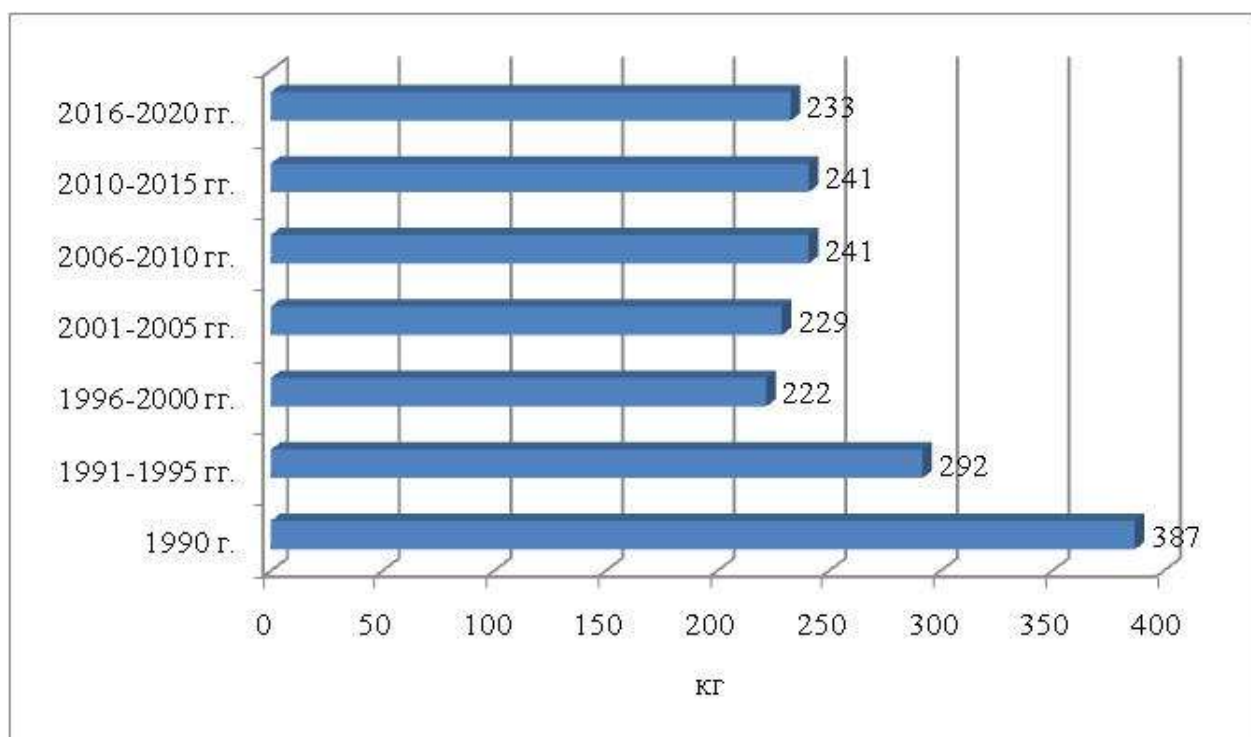

Рисунок 11 – Фактическое среднедушевое потребление в Российской Федерации молока и молочных продуктов за 1990-2020 гг., кг [173]

Установленная норма потребления перестала выдерживаться в период 1991-1995 гг. (точнее – начиная с 1992 г.). Фактическое потребление молока и молочных продуктов имело разнонаправленную динамику, сократившись в период 1996-2000 гг. до минимума в 222 кг, далее сформировалась динамика увеличения (до 229 кг по итогам 2001-2005 гг. и 241 кг по итогам 2006-2015 гг.), однако период 2016-2020 гг. характеризуется сокращением среднедушевого потребле-

ния до 233 кг.

Самообеспеченность Российской Федерации молоком и молочными продуктами имела резкий прирост в период 2013-2018 гг., когда уровень показателя (самообеспеченности) увеличился с 77,07% до 83,90%, т.е. на 6,83 п.п. (рисунок 12). Рост продолжился и далее – в 2019 г. самообеспеченность России молоком и молокопродуктами достигла 83,94% (+0,04 п.п.), в 2020 г. – 84,03% (+0,09 п.п.). Однако, очевидно, что сложившихся по итогам последних двух лет темпов прироста явно недостаточно для выхода в кратко- и среднесрочной перспективе на пороговое значение «Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».

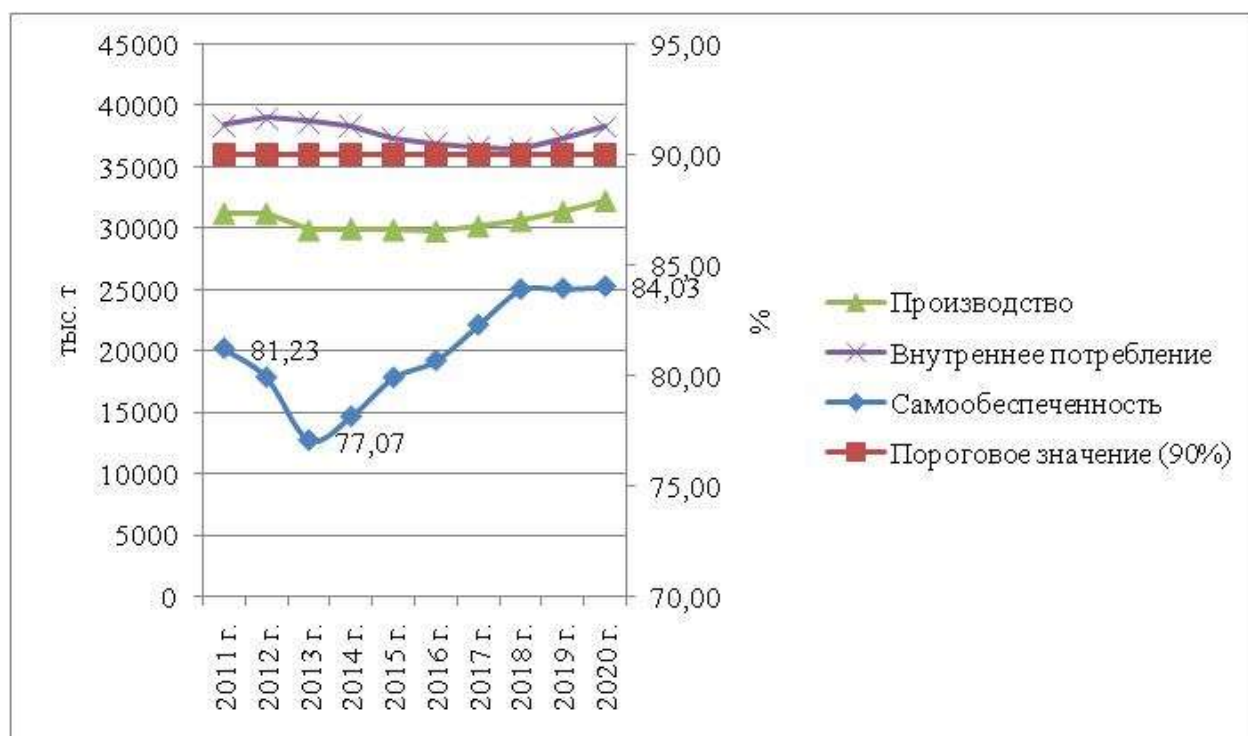

Рисунок 12 – Динамика самообеспеченности Российской Федерации молоком и молочными продуктами и факторов, её определяющих за 2011-2020 гг. [173]

Производство молока и молокопродуктов достаточно чутко реагировало на изменения внутреннего потребления, что особенно заметно по итогам 2013 г. Тем не менее, разрыв между производством и внутренним потреблением, закрываемый за счёт импорта, свидетельствует о наличии потенциальных воз-

возможностей наращивания объёмных показателей.

Лидером по величине потребления молока и молокопродуктов на личные цели является Центральный федеральный округ – 9087,9 тыс. т (таблица 14), что составляет 25,83% общего потребления (на втором месте Приволжский федеральный округ с 22,53%), однако наибольшее среднедушевое потребление молока и молокопродуктов зафиксировано в Приволжском и Северо-Западном федеральных округах (83,69% и 83,38% соответственно; от рациональной нормы потребления). Наименьшее потребление молока и молокопродуктов имеет место в Дальневосточном федеральном округе – 201 кг, что против рациональной нормы потребления в 325 кг составляет лишь 61,85%.

Таблица 14 – Потребление молока и молокопродуктов по федеральным округам (2020 г.) [173]

Федеральный округ	Личное потребление, всего, тыс. т	Среднедушевое потребление, кг	Потребление к норме, %
Центральный	9087,9	231	71,08
Северо-Западный	3784,5	271	83,38
Южный	3671,4	223	68,62
Северо-Кавказский	2406,9	242	74,46
Приволжский	7927,4	272	83,69
Уральский	2566,7	208	64,00
Сибирский	4101,9	240	73,85
Дальневосточный	1636,4	201	61,85

Таким образом, ситуация в части обеспечения продовольственной безопасности по молоку и молокопродуктам критична не только в аспекте самообеспеченности, она усугубляется и тем, что не выдерживается и требование рациональной нормы потребления. Причём разрыв достигает по регионам десятки процентов (разница по СЗФО и ДФО равна 21,84 п.п.).

Сокращение удельного веса потребления яиц и яичных продуктов на личные цели (с 92,45% в 2011 г. до 89,98% в 2020 г.) определяется не непосредственно сокращением личного потребления (напротив, оно увеличилось с 38909,7 млн шт. до 41505,3 млн шт.), а опережающим ростом производственного потребления (с 3079,7 млн шт. до 4498,9 млн шт., т.е. на 46,08%).

Пороговые значения «Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации» по яйцам и яйцепродуктам не обозначены. Ситуация в части производства яиц в Российской Федерации характеризуется относительной стабильностью, насыщением рынка, высоким уровнем самообеспеченности (в среднем за 2011-2020 гг. уровень самообеспеченности составил 97,39%, в т.ч. за 2020 г. – 97,37%). Тем не менее, по рисунку 13 можно проследить, что рост внутреннего потребления не всегда сопровождался адекватным увеличением (внутреннего, российского) производства, что привело к существенному увеличению импорта – с 1169,6 млн шт. в 2011 г. до 2134 млн шт. в 2019 г. (т.е. в 1,82 раза) и 1868,2 млн шт. в 2020 г. (на 59,73% по отношению к 2011 г.).

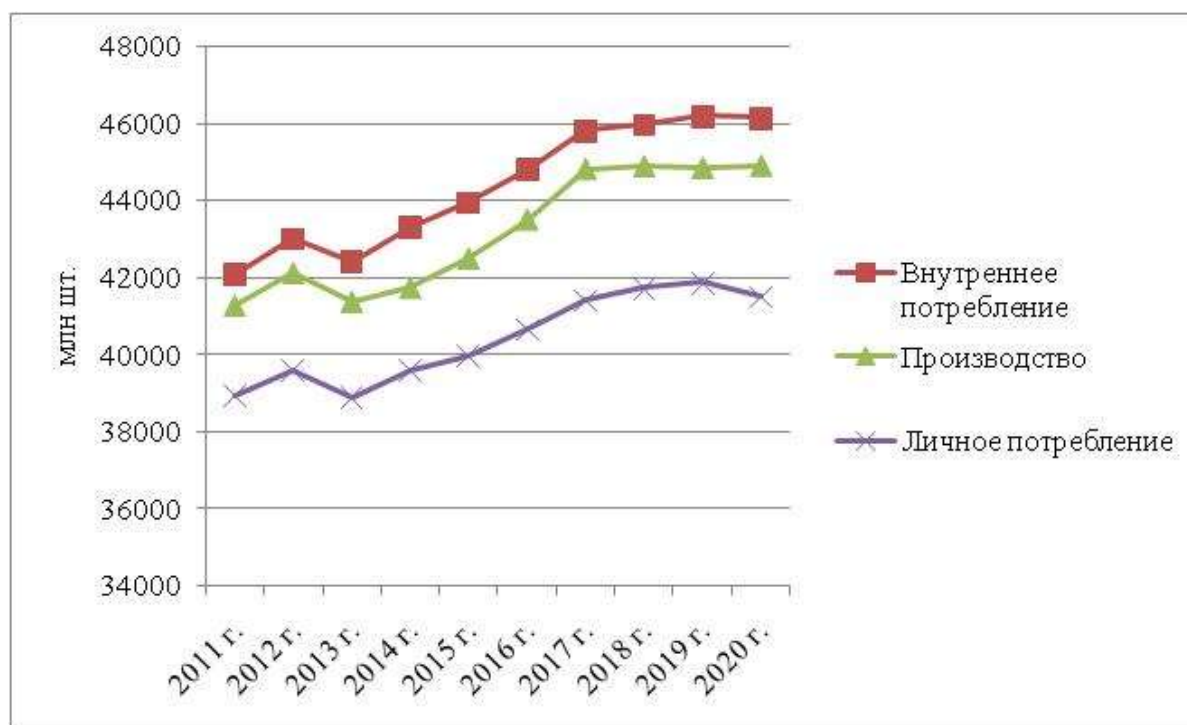

Рисунок 13 – Производство и потребление яиц и яичных продуктов в Российской Федерации за 2011-2020 гг., млн шт. [173]

Основное личное потребление яиц и яичных продуктов традиционно приходится на ЦФО и ПФО, доля которых в совокупном потреблении составляет 27,23% и 20,16% соответственно. Однако, лидерами в части среднестатистического потребления яиц и яичных продуктов являются СЗФО и ЮФО (рисунок

14), в которых оно составляет 303 и 304 яиц в год при рациональной норме потребления 260 яиц в год. Невыполнение условия рациональной нормы потребления прослеживается по двум федеральным округам – прежде всего, СКФО (226 яиц в год на человека), а также ДФО (258 яиц в год на человека).

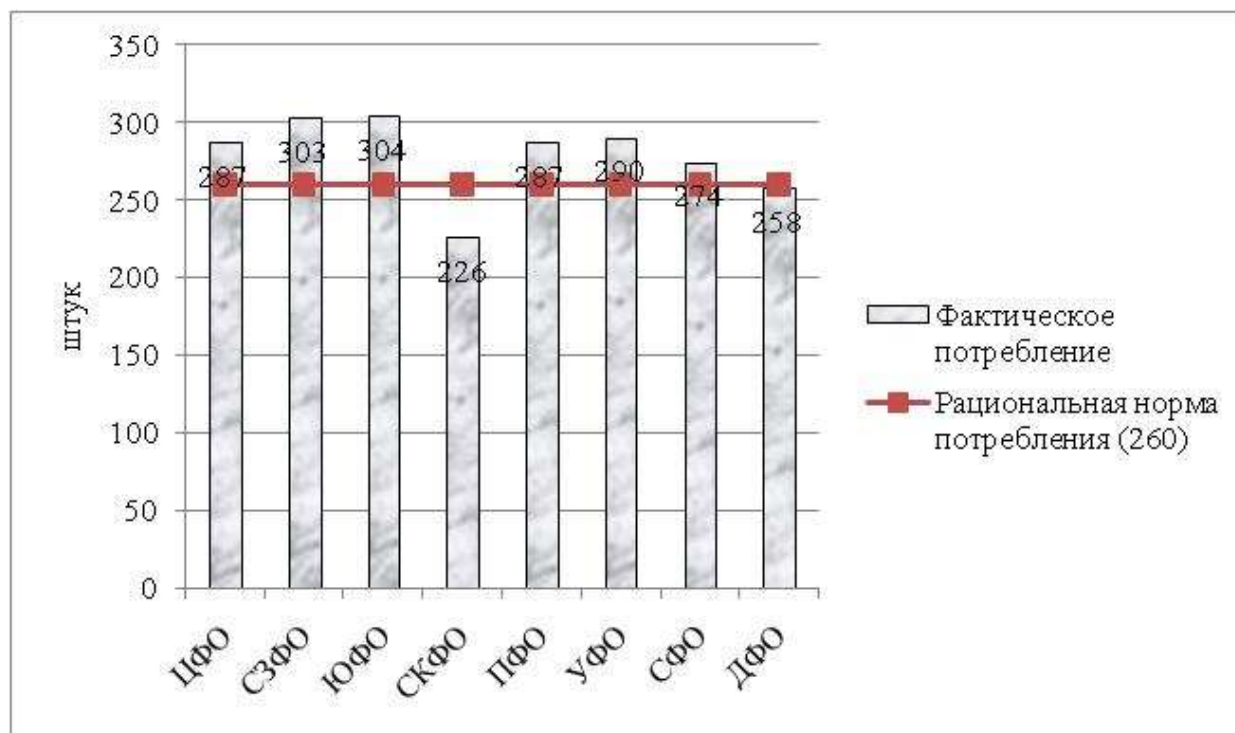

Рисунок 14 – Потребление яиц в Российской Федерации по округам в среднем за год на человека (2020 г.), шт. [173]

Фактически можно утверждать, что рациональная норма потребления яиц (260 шт. в год) выдерживается в Российской Федерации начиная с 2009 г., хотя и имеет разнонаправленную динамику (минимальное значение потребления яиц в Российской Федерации имело место в 1996 г., когда потребление яиц составило 208 шт. на человека).

Более половины произведённого в России картофеля традиционно расходуется на личные цели (личное потребление). Так, за период 2011-2020 гг. средний удельный вес личного потребления картофеля во внутреннем потреблении составил 55,03%. Начиная с 2016 г. сформировалась тенденция роста доли личного потребления – с 53,71% в 2015 г. до 54,49% в 2016 г. (на 0,78 п.п.),

до 55,50% в 2017 г. (на 1,01 п.п.), до 55,69% в 2018 г. (+0,19 п.п.), до 56,20% в 2019 г. (на 0,51 п.п.), до 57,56% в 2020 г. (на 1,36 п.п.).

«Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации» по картофелю задано пороговое значение в размере 95%. Невыполнение установленного требования имело место и ранее (см. 2016, 2017 гг.), но столь низкое значение (89,20% в 2020 г.) получено в анализируемом периоде 2011-2020 гг. впервые (рисунок 15).

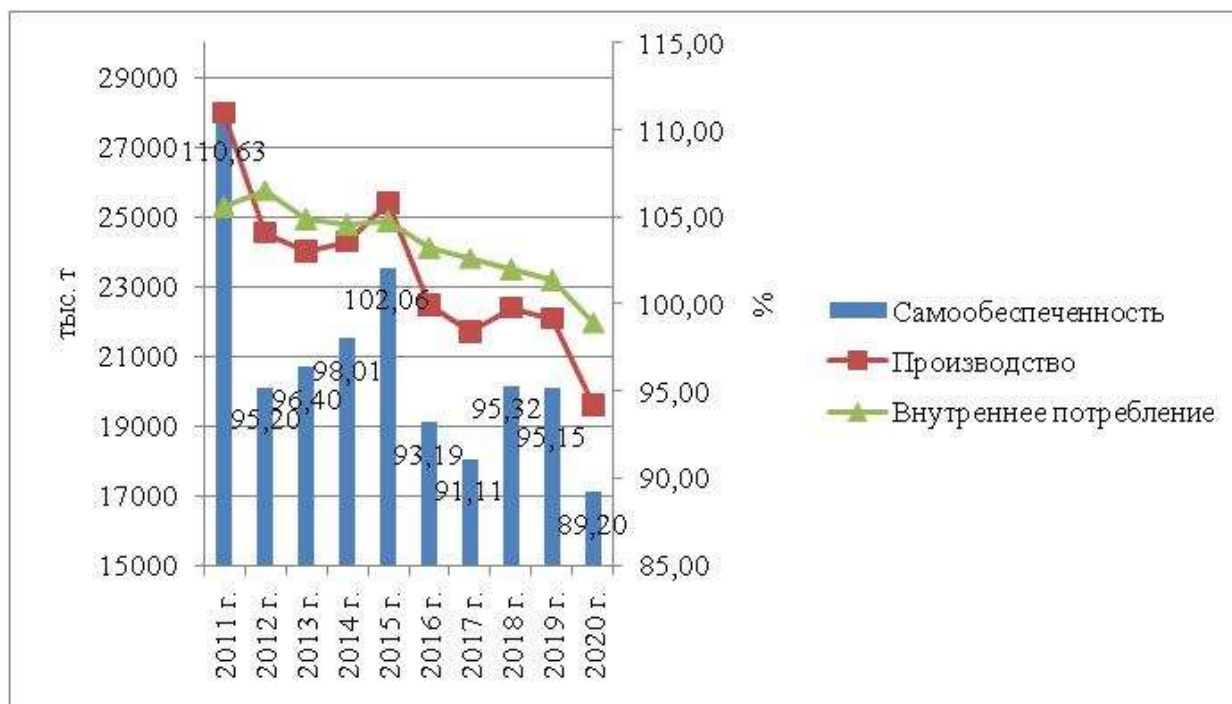

Рисунок 15 – Самообеспеченность Российской Федерации картофелем за период 2011-2020 гг. [173]

Прежде всего, необходимо отметить, что сокращается и непосредственно внутреннее потребление картофеля (прежде всего, производственное – с 10217,6 тыс. т в 2011 г. до 7909,5 тыс. т в 2020 г., сокращение на 22,59%; личное потребление картофеля сократилось с 13788,7 тыс. т в 2011 г. до 12651,7 тыс. т в 2020 г., т.е. на 8,25%). Резкие спады сбора картофеля зафиксированы по итогам 2012 г. (с 27984,7 тыс. т до 24542,6 тыс. т, на 12,3%), 2016 г. (с 25405,7 тыс. т до 22463 тыс. т, на 11,58%), 2020 г. (с 22074,9 тыс. т до 19607,2 тыс. т, на 11,18%). Более интенсивное падение внутреннего производства картофеля по

сравнению с его внутренним потреблением и привело к получению неудовлетворяющего пороговому значению уровня. Вместе с тем, выпадающие объёмы производства картофеля были «успешно» замещены импортом картофеля, который увеличился с 48,9 тыс. т в 2011 г. до 556,4 тыс. т в 2020 г., т.е. более чем в 11 раз.

Фактические значения потребления картофеля в Российской Федерации выше рациональной нормы потребления только по трём федеральным округам – Приволжскому (97 кг на душу населения), Сибирскому и Дальневосточному (по 92 кг на человека) (рисунок 16). Меньше всего потребляют картофеля в Северо-Западном и Южном федеральных округах.

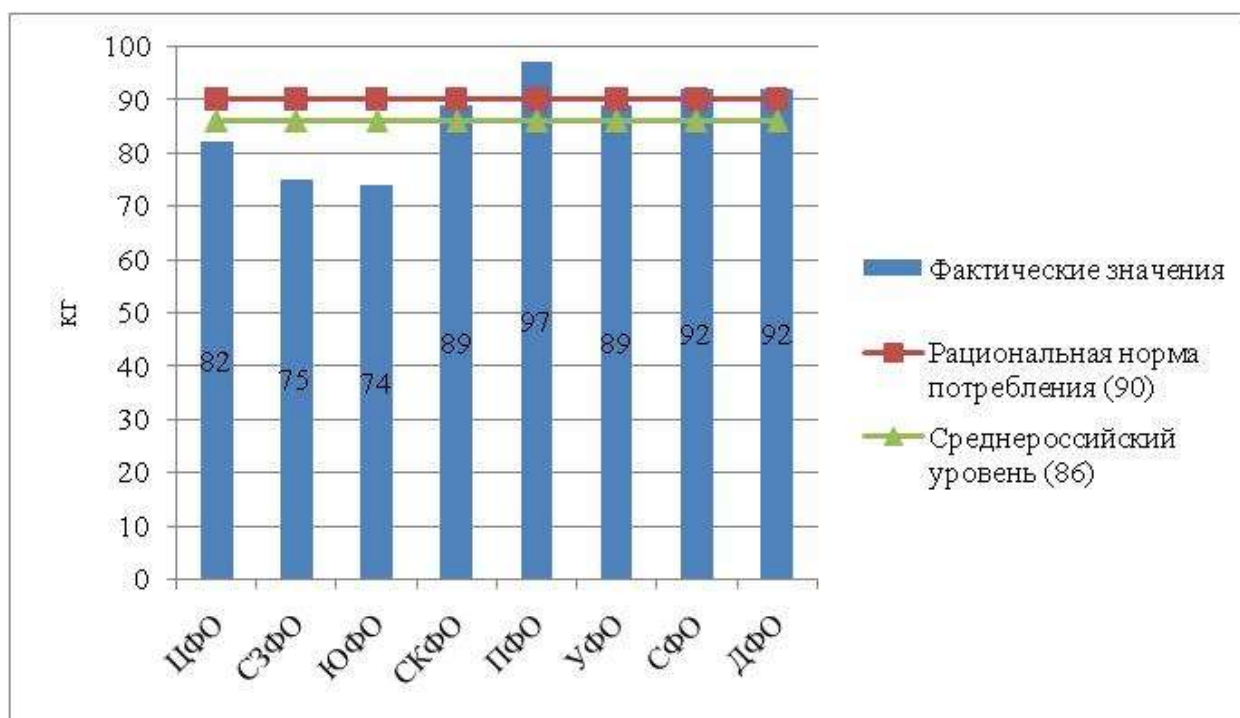

Рисунок 16 – Потребление картофеля в Российской Федерации по федеральным округам в среднем за год (2020), кг на чел. [173]

Согласно «Рекомендуемым рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания» [8], россияне должны потреблять в среднем за год не менее 140 кг овощей и бахчевых культур (личное потребление овощей и бахчевых культур составляет большую часть, например по итогам 2020 г. оно составило 87,46%). Статисти-

ческие же данные позволяют констатировать, что в ретроспективе, начиная с 1990 г., фактическое потребление овощей и бахчевых ни разу не было даже близким к обозначенному значению рациональной нормы потребления (рисунок 17), а в 2019-2020 гг. принимало максимальные значения в размерах 108 и 107 кг соответственно.

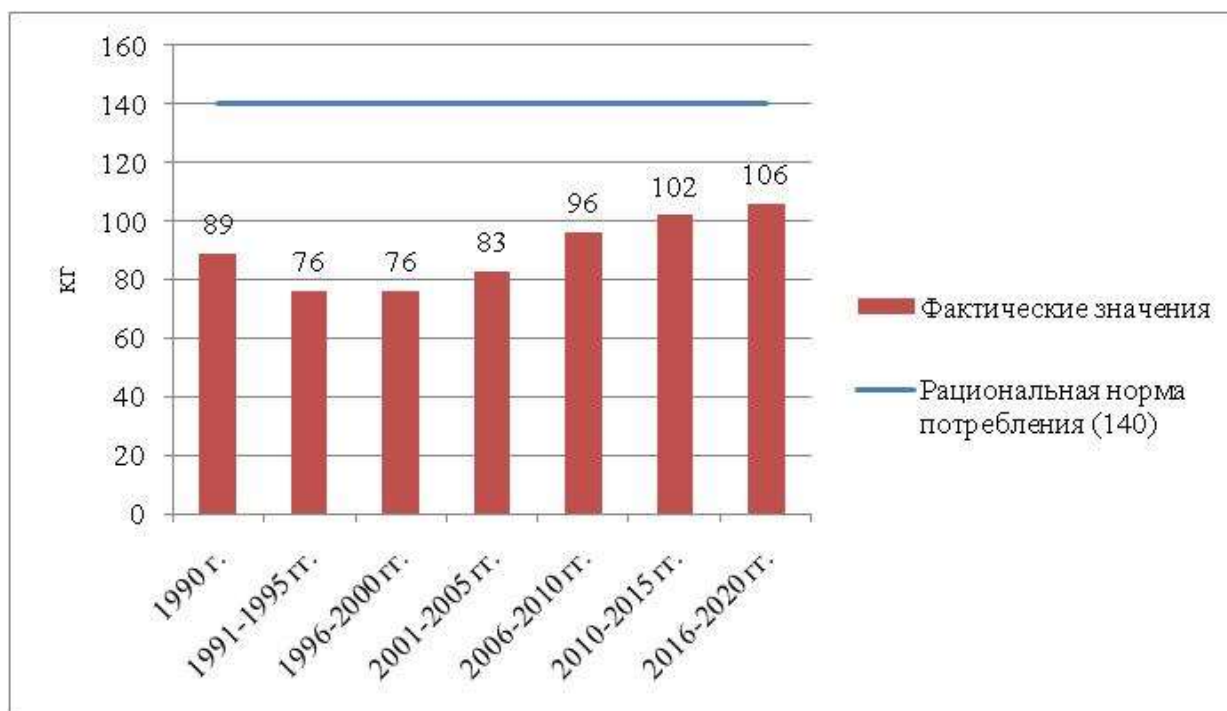

Рисунок 17 – Среднее потребление в Российской Федерации овощей и бахчевых культур за 1990-2020 гг. [173]

Углубление анализа среднедушевого потребления овощей и бахчевых культур в части федеральных округов выявило, что в некоторых из них среднедушевое потребление овощей и бахчевых всё-таки превышает рациональные нормы потребления. Вполне ожидаемо, что таковыми федеральными округами стали Северо-Кавказский и Южный федеральные округа (169 и 143 кг/чел. соответственно), как климатически более приспособленные к выращиванию последних. В остальных федеральных округах потребление овощей и бахчевых культур существенно меньше – 100 кг/чел. в Центральном федеральном округе, 98 кг/чел. – в Приволжском, 95 кг/чел. – в Северо-Западном и Дальневосточном, 92 кг/чел. – в Сибирском и 91 кг/чел. – в Уральском федеральном округе.

Пороговое значение продовольственной независимости по овощам и бахчевым «Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации» установлено в размере 90%. Отечественное производство и внутреннее потребление (личное, производственное, потери) овощей и продовольственных бахчевых культур в целом характеризуется как устойчивое, стабильное (рисунок 18).

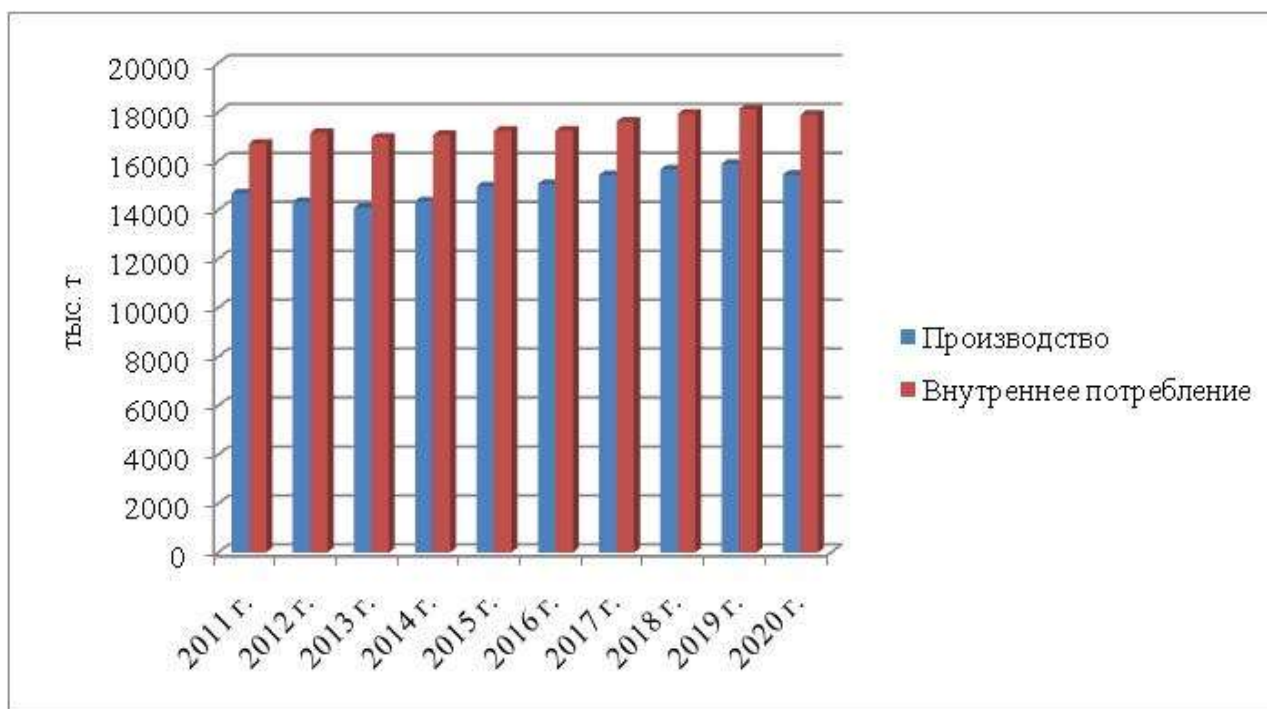

Рисунок 18 – Динамика производства и внутреннего потребления овощей и бахчевых культур в Российской Федерации за 2011-2020 гг. [173]

Названные факторы обусловили и относительную стабильность значений показателя продовольственной независимости, в среднем составивших по итогам 2011-2020 гг. 86,16% (в т.ч. за 2020 г. 86,33%). Тем не менее, пороговое значение «Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» не достигается (максимум в 87,72% наблюдался по итогам 2019 г.).

Несмотря на существенный рост производственного потребления фруктов и ягод (с 860 тыс. т в 2011 г. до 1222,4 тыс. в 2020 г., т.е. на 362,4 тыс. т или 42,14%) основу совокупного использования (потребления) последних составляет всё-таки личное потребление – 87,42% по итогам 2020 г. и 88,51% в среднем за период 2011-2020 гг. Более чем 1,5-кратный рост производства фруктов и

ягод за период с 2011 по 2020 гг. (с 2842,2 тыс. т до 4344,2 тыс. т) в условиях менее выраженного внутреннего (и, в частности, личного) потребления (с 9390,4 тыс. т в 2011 г. до 10245,5 тыс. т в 2020 г.) позволил увеличить уровень продовольственной независимости России с 30,27% до 42,40% (рисунок 19), что, однако, по-прежнему существенно ниже порогового значения (60%).

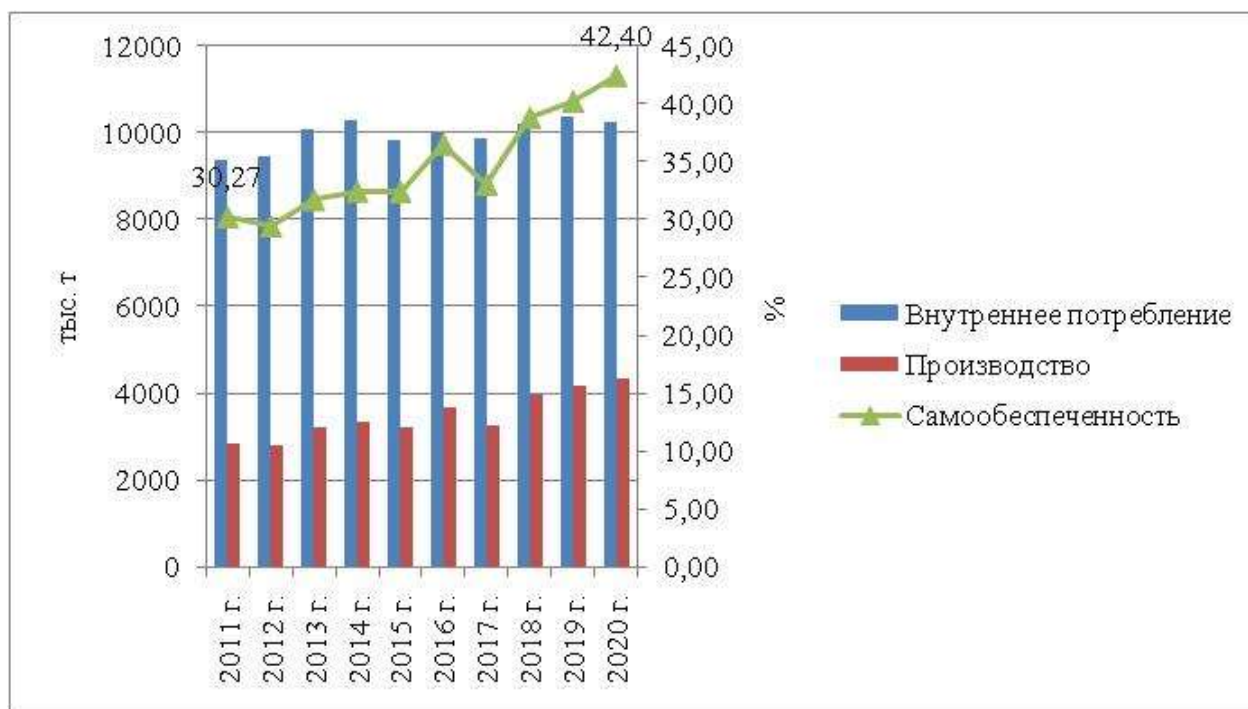

Рисунок 19 – Внутреннее потребление и производство фруктов и ягод в Российской Федерации за 2011-2020 гг. [173]

Рациональная норма потребления фруктов и ягод установлена в размере 100 кг на человека. Ни в одном из федеральных округов, включая Южный и Северо-Кавказский, обозначенная норма не достигается (74 и 66 кг соответственно). Выше среднероссийского уровня (61 кг) потребление фруктов и ягод в Центральном (63 кг), Уральском (62 кг) федеральных округах. Потребление фруктов и ягод в Северо-Западном федеральном округе соответствует общероссийскому уровню. «Аутсайдерами» в потреблении фруктов и ягод являются жители Дальневосточного, Приволжского и в особенности Сибирского федеральных округов (60, 57 и 49 кг на человека соответственно).

Несмотря на одну из самых неудовлетворительных ситуаций в части со-

ответствия рациональным нормам потребления пороговому значению «Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации», в целом потребление фруктов и ягод россиянами значительно возросло – с 35 кг в 1990 г., 28 кг в 1994 г. и минимальных 27 кг в 1999 г. до 61 кг в 2020 г. (максимумы зафиксированы в 2013-2014 гг. – 63 кг/чел.). Иными словами, ситуация в части потребления населением России фруктов и ягод хотя и продолжает оставаться неудовлетворительной с точки зрения рациональных норм потребления, тем не менее, достигнут существенный прогресс.

Потребление рыбопродуктов «Рациональными нормами потребления» установлено в размере 22 кг на человека в год. Динамика значений среднего фактического потребления негативна (рисунок 20).

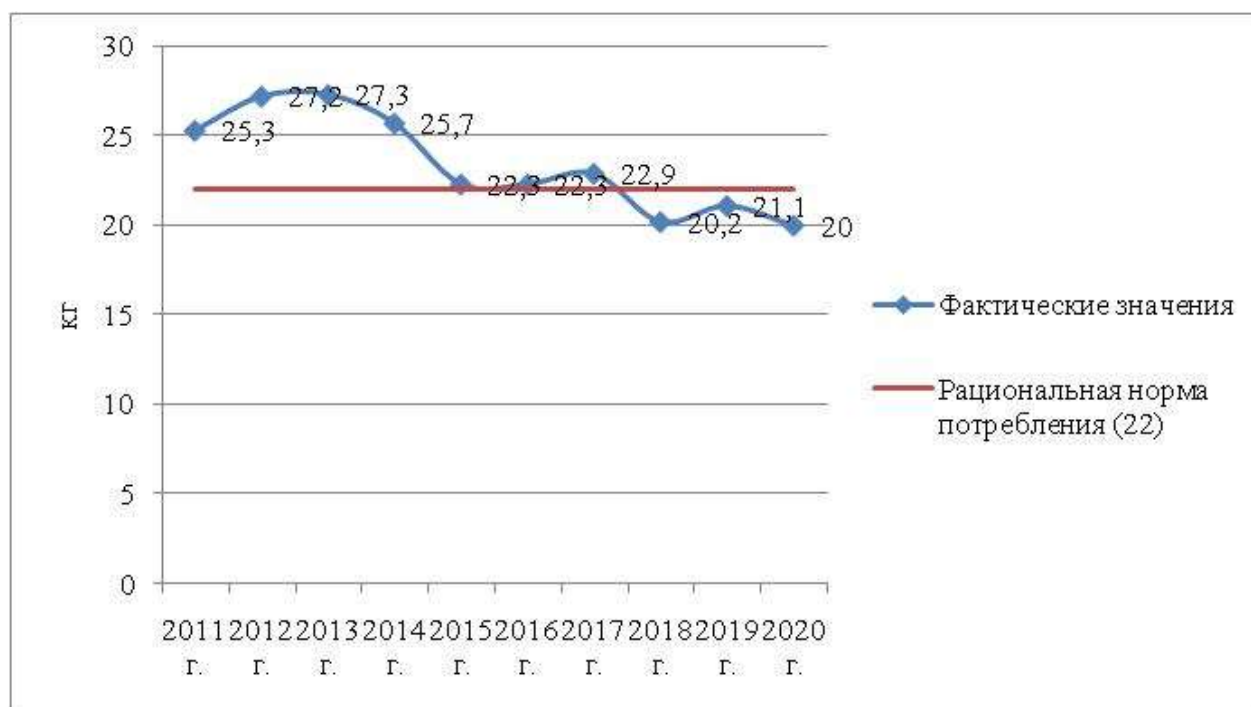

Рисунок 20 – Среднедушевое потребление рыбопродуктов в Российской Федерации за 2011-2020 гг. [173]

При этом, уровень самообеспечения в Российской Федерации рыбопродуктами был стабильно высок: 118,37% в 2011 г. (при пороговом значении 85%), 112,61% в 2012 г. (сокращение на 5,76 п.п.), 112,54% в 2013 г. (-0,06 п.п.), 115,08% в 2014 г. (+2,53 п.п.), 132,77% в 2015 г. (+17,69 п.п.), 140,62% в 2016 г.

(+7,85 п.п.), 138,64% в 2017 г. (-1,97 п.п.), 158,55% в 2018 г. (+19,90 п.п.), 152,81% в 2019 г. (-5,73 п.п.) и максимальные 160,72% в 2020 г. (+7,91 п.п.). В целом за период уровень самообеспеченности увеличился на 42,35 п.п.

Деятельность рыболовецких организаций характеризуется всё более выраженными смещением акцента на экспорт. Так, в 2018 и 2020 гг. экспортные поставки рыбы и рыбопродуктов в живом весе (весе сырца) превысили объёмы личного потребления (3132 тыс. т против 2969 тыс. т в 2018 г. и 3142 тыс. т против 2934 тыс. т в 2020 г.).

Не все позиции, по которым в Российской Федерации имеется превышение норм потребления, могут расцениваться положительно. Так, среднелюдовое потребление сахара в Российской Федерации в 2011-2020 гг. составляло 39-40 кг в то время как «Рациональными нормами» предусматривается лишь 8 кг на человека в год. Среднее фактическое потребление масла растительного за 2011-2020 гг. было равно 13,8 кг при норме потребления 12 кг. Рациональная норма потребления хлебных продуктов в размере 96 кг существенно превышает – среднее фактическое потребление за 2011-2020 гг. составило 117 кг.

Таким образом, можно констатировать, что обеспечение населения России продовольствием существенно улучшилось. Однако, рациональные нормы потребления по ряду значимых позиций (молоко и молокопродукты, овощи и бахчевые, фрукты и ягоды и др.) по-прежнему не выдерживаются, ряд позитивных фактов ещё не получили устойчивого закрепления в динамике, а превышение фактического потребления сахара, хлебных продуктов над рациональными нормами потребления не может расцениваться однозначно положительно. Полученные результаты свидетельствуют о высокой актуальности обоснования перспективных направлений укрепления продовольственной безопасности России.

3 ОБОСНОВАНИЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ УКРЕПЛЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

3.1 Концептуальные основы формирования и функционирования механизма обеспечения продовольственной устойчивости

Проведенный анализ обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации за 2011-2020 гг. свидетельствует о том, что, даже с учётом достигнутых успехов, полная самообеспеченность, продовольственная независимость России в кратко- и среднесрочной перспективе невозможны. Целевые ориентиры, на авторский взгляд, должны быть смещены скорее на продовольственную устойчивость, опирающуюся, как уже указывалось, на продовольственную независимость, но отнюдь не исключаящую импортные поставки из стран с единой аграрной политикой.

Стратегия коллективной продовольственной безопасности состоит в обеспечении стабильного развития АПК и обеспечении продовольственной устойчивости каждой страны-участника. По причине своей значимости в обеспечении национальных интересов каждой из стран она требует принятия соответствующих решений на межгосударственном уровне.

Импорт сельскохозяйственной, продовольственной продукции из стран ЕАЭС будет заполнять вакуум, сформировавшийся в результате нехватки отечественных продуктов питания.

Принимая во внимание объективную невозможность и нецелесообразность полной самообеспеченности, учитывая риски санкционного противостояния и в целом налаженные экономические связи с рядом стран-участников региональных (межгосударственных) экономических союзов (прежде всего, Беларусь, Казахстан), автором был научно обоснован концептуальный подход формирования и функционирования механизма обеспечения продовольственной устойчивости Российской Федерации, основные положения которого представлены на рисунке 21.

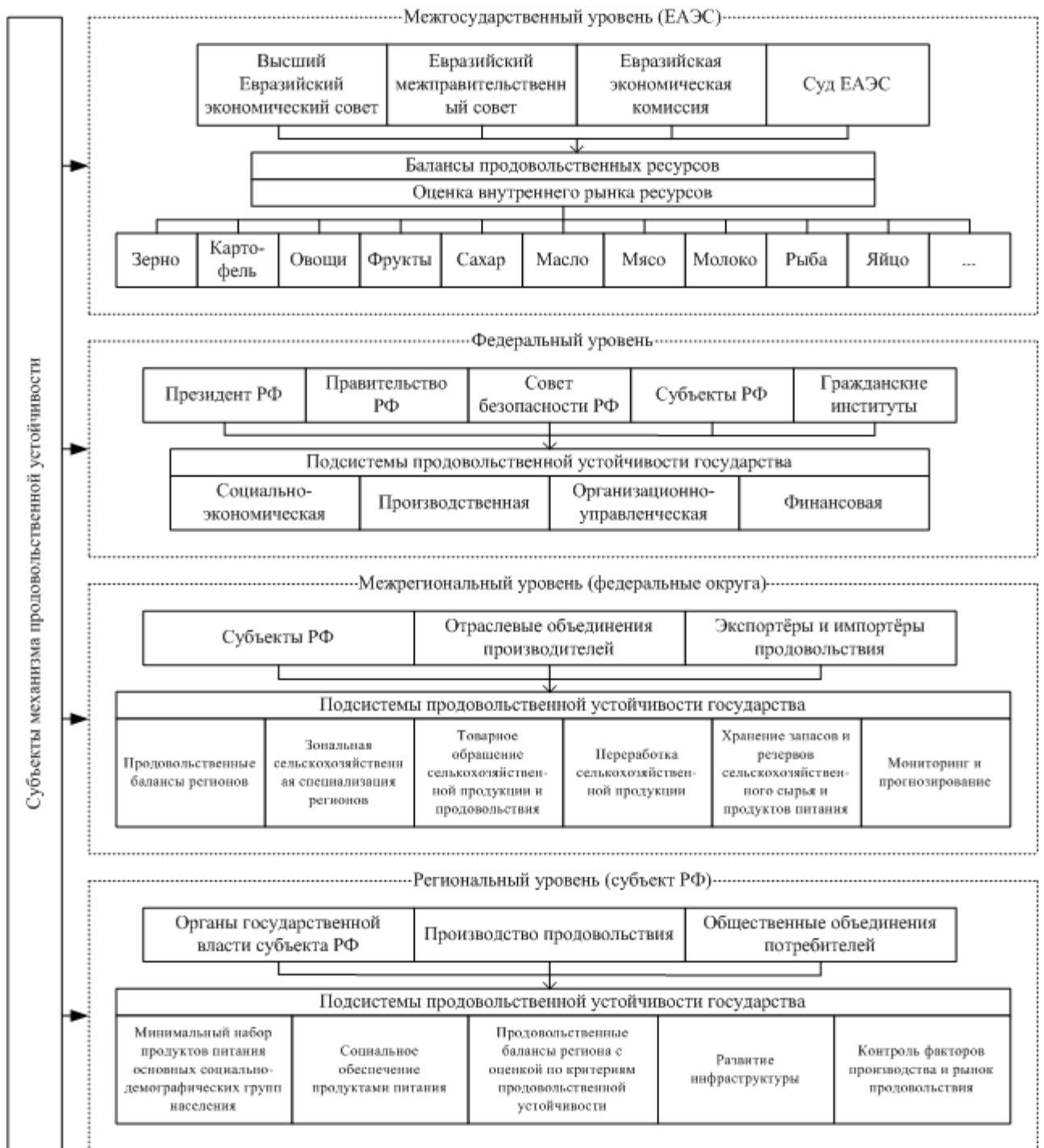

Рисунок 21 – Механизм обеспечения продовольственной устойчивости России
[разработано автором]

Принципиальным отличием предлагаемого автором механизма обеспечения продовольственной устойчивости Российской Федерации является выделение четырёх уровней: не только федерального, межрегионального (федеральные округа) и уровня субъектов, но и межгосударственного (на уровне ЕАЭС). Разработку совместных прогнозов спроса и предложения государств-членов

необходимо осуществлять по агрегированным товарным позициям (зерно, мясо, молоко и др.) и по отдельным видам сельскохозяйственной продукции и продовольствия, в том числе в целях определения объемов тарифных квот.

При разработке индикативных показателей и прогнозов спроса и предложения необходимо учитывать соответствующие программы государств-членов и ориентироваться на повышение конкурентоспособности производимой продукции на внутреннем и внешнем рынках, обеспечение продовольственной устойчивости.

Необходимо проводить постоянный мониторинг ситуации в агропромышленном комплексе государств-членов, который позволит оценивать степень достижения индикативных показателей и состояние продовольственной устойчивости, разрабатывать предложения о необходимости корректировки индикативных показателей и программ развития агропромышленного комплекса с учетом изменения макроэкономических показателей и рыночной конъюнктуры [9, 10].

Применение вводимых автором показателей продовольственной устойчивости и продовольственной напряжённости приводит к получению оценок, неочевидных при использовании традиционных показателей.

Например, коэффициент самообеспеченности мясом и мясопродуктами по итогам 2020 г. впервые (в рамках анализируемого диапазона) достиг 100%, составив 100,14% (в ситуации, как уже указывалось, достижения самообеспеченности только тремя федеральными округами из восьми).

Углубление анализа за 2020 г. в части импорта мяса и мясопродуктов (648 тыс. т), в т.ч. из стран ЕАЭС (237 тыс. т), экспорта (609 тыс. т) с расчётом предлагаемых автором коэффициентов существенно сокращает градус оптимизма:

- коэффициент продовольственной устойчивости (мясо и мясопродукты):

$$(11222 - 609 + 237) / 11206 * 100 = 96,82 (\%);$$

- коэффициент продовольственной напряжённости (мясо и мясопродукты):

$$(648 - 237) / 11206 * 100 = 3,67 (\%).$$

Очевидно, что один из путей преодоления сложившейся ситуации - сокращение экспортных поставок мяса и мясопродуктов при наличии соответствующей кризисной ситуации.

Также можно сделать вывод, что импортные поставки мяса и мясопродуктов не закрываются поставками из «дружественных» стран ЕАЭС, т.е. риски недостаточного обеспечения мясом и мясопродуктами сохраняются, а оптимистические оценки достижения самообеспеченности Российской Федерации мясом и мясопродуктами преждевременны.

Вопросы обеспечения продовольственной безопасности, устойчивости выходят за рамки отдельных государств, являясь неременной составной частью международной интеграции.

Необходимо отметить, что имеет место существенная концентрация поставок мяса и мясопродуктов (коды ТН ВЭД ЕАЭС: 0201 «Говядина свежая и охлаждённая», 0202 «Говядина замороженная», 0207 «Мясо и пищевые субпродукты домашней птицы») на одной стране – Беларуси, удельный вес которой составил по итогам 2020 г. 95,47% (поставки говядины свежей и охлаждённой имели место из всех стран ЕАЭС, замороженной – за исключением Армении, мяса и пищевых субпродуктов домашней птицы – из Беларуси и Казахстана).

В части продовольственной безопасности по молоку и молокопродуктам, как было выявлено выше в процессе анализа, ситуация хуже – уровень самообеспеченности в целом по стране составил 84,03% при достижении 100%-го уровня продовольственной независимости только в СКФО и ПФО. Однако рассчитанный показатель самообеспеченности никак не учитывает объёмы импорта и экспорта, что достаточно важно в части обеспечения продовольственной устойчивости.

При рассмотрении ситуации в части продовольственной устойчивости (а не продовольственной независимости) установлено, что объёмы экспорта молока и молочных продуктов по итогам 2020 г., равные 707,2 тыс. т, многократно меньше размера импортных поставок (7044,4 тыс. т). Импортные поставки из стран ЕАЭС (0401 «Молоко и сливки несгущённые», 0402 «Молоко и сливки

сгущённые и сухие», 0403 «Пахта, йогурт, кефир», 0404 «Молочная сыворотка», 0405 «Масло сливочное» и 0406 «Сыры и творог»), составившие, согласно статистике ЕАЭС, в 2020 г. 940,4 составляют получается лишь 13,35%.

Используя также данные по производству молока и молочных продуктов в Российской Федерации (32225,1 тыс. т), внутреннему потреблению (38348,5 тыс. т), определим значения коэффициентов:

- коэффициент продовольственной устойчивости (молоко и молокопродукты):

$$(32225,1 - 707,2 + 940,4) / 38348,5 * 100 = 84,64 (\%);$$

- коэффициент продовольственной напряжённости (молоко и молокопродукты):

$$(7044,4 - 940,4) / 38348,5 * 100 = 15,92 (\%).$$

При этом, что важно, основная часть поставок молока и молокопродуктов 875 тыс. т) снова сконцентрирована на Беларуси – 93,05%. Известная нестабильность политических взглядов руководителя этой страны создаёт определённые риски, но в целом, всё же можно констатировать, что оценка продовольственной устойчивости Российской Федерации по молоку и молокопродуктам даже несколько выше оценки продовольственной независимости (84,64% против 84,03%, разрыв составил получается 0,61 п.п.).

Продовольственный баланс Российской Федерации по картофелю за 2020 г. характеризуется производством в размере 19607,2 тыс. т, внутренним потреблением (производственное потребление, потери, личное потребление) в размере 21981 тыс. т (что и привело к получению самообеспеченности в размере 89,20%) при экспорте 556,4 тыс. т и импорте 748,8 тыс. т. Импорт же картофеля из стран ЕАЭС в РФ составил: Армения 9798 т, Беларусь 106852 т, Кыргызстан 902 т (всего 117552 т).

Значения коэффициентов:

- коэффициент продовольственной устойчивости (картофель):

$$(19607,2 - 556,4 + 117,6) / 21981 * 100 = 87,20 (\%);$$

- коэффициент продовольственной напряжённости (картофель):

$$(748,8 - 117,6) / 21981 * 100 = 2,87 (\%).$$

Оценим, прежде всего, разрыв значений коэффициентов продовольственной независимости (89,20%) и продовольственной устойчивости (87,20%). Разница в 2 п.п. определяется тем, что осуществлённый в 2020 г. экспорт картофеля не был перекрыт его импортом из стран ЕАЭС. Более того, не включение в расчёт экспортных поставок российского картофеля (556,4 тыс. т) и использование импорта из стран ЕАЭС всё равно не приводит к достижению 100%-го уровня обеспеченности (89,74%).

Внутреннее потребление картофеля в 2020 г., равно как и в целом в период 2016-2020 гг., обеспечивалось в т.ч. сокращением переходящих запасов картофеля. За 5 лет уровень запасов на конец года сократился с 18818,1 тыс. т до 13716,4 тыс. т, т.е. на 5101,7 тыс. т, из которых 42,76% (2181,4 тыс. т) приходится на 2020 г.

Однако, даже опуская особенности 2020 г., проведённый анализ выявил важную рисковую составляющую рынка картофеля – существующий разрыв между фактическими значениями отечественного производства и картофеля и его внутренним потреблением Россия, как выясняется, не сможет закрыть за счёт импорта картофеля даже из такой ориентированной на этот продукт страны, как Беларусь.

Предваряя рассмотрение ситуации обеспечения внутреннего потребления в России яиц и яичных продуктов, отметим сокращение по итогам 2020 г. переходящего запаса (с 1347,5 млн шт. до 1283,4 млн шт.). Внутреннее потребление (производственное, личное, потери) в размере 46125 млн шт. и экспорт яиц и яичных продуктов в размере 717,2 млн. шт были перекрыты не только использованием ранее накопленного запаса, но и отечественным производством, давшим в 2020 г. результат в 44909,6 млн шт. и импортом в размере 1868,2 млн шт., в т.ч. из стран ЕАЭС 1769,2 млн шт. (94,70%). Армения поставила 6,0 млн шт. (0,34%), Беларусь 1003,9 млн шт. (56,74%), Казахстан 759,3 млн шт. (42,92%). Большая диверсифицированность поставок яиц и яичных продуктов из стран ЕАЭС (рисунок 22) оценивается, безусловно, положительно.

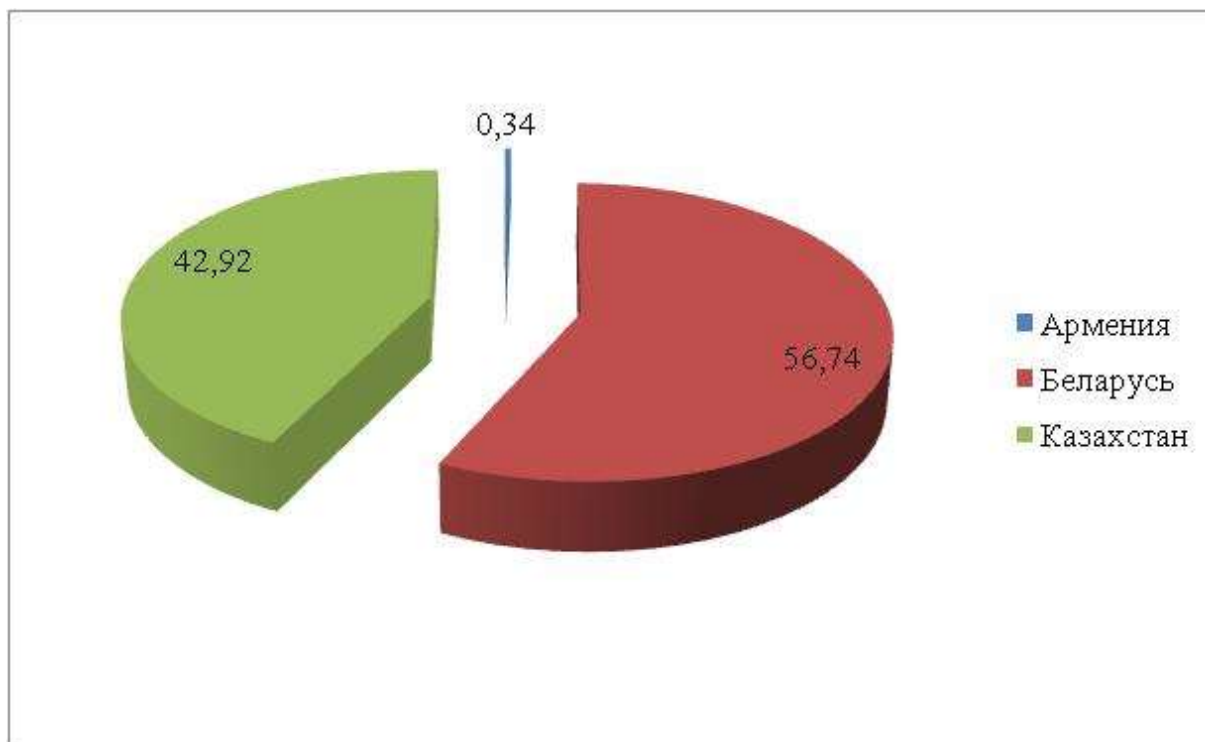

Рисунок 22 – Структура импортных поставок яиц и яичных продуктов в РФ по странам ЕАЭС за 2020 г., % [170]

Соответственно, продовольственная устойчивость Российской Федерации по яйцам и яичным продуктам характеризуется следующими значениями коэффициентов:

- коэффициент продовольственной устойчивости (яйца и яичные продукты):

$$(44909,6 - 717,2 + 1769,2) / 46125 * 100 = 99,65 (\%);$$

- коэффициент продовольственной напряжённости (яйца и яичные продукты):

$$(1868,2 - 1769,2) / 46125 * 100 = 0,21 (\%).$$

Таким образом, ранее выявленная, в целом положительная оценка продовольственной безопасности по яйцам и яичным продуктам, характерная для Российской Федерации (но, как показал анализ, отнюдь не всех её регионов), дополняется и положительной оценкой продовольственной устойчивости – импорт яиц и яичных продуктов вполне может дополнить вакуум яичного рынка, возникающий из-за недостаточного собственного производства и экспортных

поставок. Дальнейшая реализация стратегии импортозамещения, с трудностями, но реализуемая в нашей стране, позволит в перспективе заполнить этот вакуум именно отечественной продукцией.

Самообеспеченность овощами и продовольственными бахчевыми культурами в целом по России составила, как выявлено в предыдущем разделе исследования, 86,33% (самообеспеченность в размере более 100% наблюдалась в ЮФО и СКФО) при следующих значениях продовольственного баланса России: производство 15448,1 тыс. т, внутреннее потребление 17893,8 тыс. т, экспорт 320,2 тыс. т, импорт 2157,6 тыс. т.

Импорт овощей и бахчевых культур в РФ осуществлялся из всех без исключения стран ЕАЭС и составил по итогам 2020 г. 253,6 тыс. т, что от общей величины импорта составляет лишь 11,75%. Удельный вес поставок из Армении составил при этом 12,1%, Беларуси – 66,3%, Казахстана – 11,6%, Кыргызстана – 9,9%.

Представленные значения дают возможность констатировать, что ситуация в части обеспечения продовольственной устойчивости, детализирующей ситуацию продовольственного обеспечения страны, даже хуже, чем можно сделать вывод на основе показателя самообеспеченности овощами и продовольственными бахчевыми культурами, поскольку:

- коэффициент продовольственной устойчивости (овощи и бахчевые культуры):

$$(15448,1 - 320,2 + 253,6) / 17893,8 * 100 = 85,96 (\%);$$

- коэффициент продовольственной напряжённости (овощи и бахчевые культуры):

$$(2157,6 - 253,6) / 17893,6 * 100 = 10,64 (\%).$$

Несмотря на положительную динамику самообеспеченности по фруктам и ягодам (увеличение с 30,27% по итогам 2011 г. до 42,40% в 2020 г.), ситуация остаётся по-прежнему неудовлетворительной, о чём, в частности, свидетельствует и сохраняющаяся высокая доля импортной составляющей в ресурсном потенциале (см. таблицу 14). При значительном разрыве российского производ-

ства (сбора) фруктов и ягод и их внутреннего потребления (4344,2 тыс. т против 10245,5 тыс. т) имеет место экспорт продукции в размере 281,9 тыс. т при импорте 6238,5 тыс. т.

Однако поставки фруктов и ягод (коды ТН ВЭД ЕАЭС 0808 «Яблоки, груши и айва, свежие», 0809 «Абрикосы, вишня, черешня, персики, сливы и терн, свежие», 0810 «Фрукты свежие прочие», 0811 «Фрукты замороженные») из стран ЕАЭС сравнительно общей величины импорта невелики – 221,0 тыс. т.

По этой причине можно говорить о высоких рисках по фруктам и ягодам не только в части продовольственной безопасности, но и продовольственной устойчивости:

- коэффициент продовольственной устойчивости (фрукты и ягоды):

$$(4344,2 - 281,9 + 221) / 10245,5 * 100 = 41,81 (\%);$$

- коэффициент продовольственной напряжённости (фрукты и ягоды):

$$(6238,5 - 221) / 10245,5 * 100 = 58,73 (\%).$$

На Беларуси «замыкаются» поставки и фруктов и ягод – доля обозначенной страны по итогам 2020 г. в поставках в Российскую Федерацию – 59,23%. Удельный вес поставок из Казахстана – 28,64%, Армении – 11,90%, Кыргызстана – 0,23%.

«Беларусоцентризм» не характерен для импортных поставок из ЕАЭС по коду ТН ВЭД 0302 «Рыба свежая или охлаждённая» - 83,97% всех поставок приходится на Армению, а также 0303 «Рыба мороженая» - 68,93% приходится на Казахстан и 21,76% - на Беларусь. Тем не менее, определяющим (89,56%) является удельный вес этой страны в поставках по коду 0305 «Рыба сушеная, соленая, копчёная, переработанная другим способом». Вместе с тем, необходимо ещё раз подчеркнуть, что по зерну и рыбе Российской Федерацией достигнута полная самообеспеченность.

Таким образом, по итогам 2020 г. получены следующие значения коэффициентов продовольственной независимости (самообеспеченности), устойчивости и напряжённости – таблица 15.

Таблица 15 – Оценка продовольственной независимости, устойчивости и напряжённости Российской Федерации за 2020 г., % [173]

Наименование продовольственной группы	Коэффициент независимости (самообеспеченности)	Коэффициент пр устойчивости	Коэффициент продовольственной напряжённости
Мясо и мясопродукты	100,14	96,82	3,67
Молоко и молокопродукты	84,03	84,64	15,92
Картофель	89,20	87,20	2,87
Яйца и яичные продукты	97,37	99,65	0,21
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	86,33	85,96	10,64
Фрукты и ягоды	42,40	41,81	58,73

Только в 2-х ситуациях из 6 (по молоку и молокопродуктам, а также яйцам и яичным продуктам) значение коэффициента продовольственной устойчивости выше коэффициента продовольственной независимости (самообеспеченности). Это определяется, как уже указывалось, превышением суммы импорта соответствующей продукции из стран ЕАЭС суммы экспорта этой продукции.

Соответственно, в части обеспечения внутреннего потребления России (производственное, личное потребление) по мясу и мясным продуктам, картофелю, овощам и бахчевым продовольственным культурам, а также фруктам и ягодам, ситуация обратная – осуществляя экспортные поставки, сельхозтоваропроизводители ослабляли продовольственную устойчивость страны, поскольку эти поставки не компенсировались импортными поставками из стран ЕАЭС.

Дополнительным, но очень существенным фактором риска, является концентрация импортных поставок продовольствия из одной страны – Беларуси. Этому, безусловно, способствуют и объективные факторы сравнительно более высокого развития АПК этой страны, и намного более тесная историческая, культурная связь белорусского и русского народов. Задача получения равных долей стран ЕАЭС в импортных поставках продовольствия и не ставится, но «яйца явно сложены в одну корзину» (за исключением, что любопытно, как раз таки яиц и яичных продуктов).

Рассмотрим институциональную основу обеспечения продовольственной устойчивости России как страны-участника ЕАЭС.

Высший Евразийский экономический совет (далее также Высший совет) представляет собой орган политического, а не экономического руководства, принимающий решения стратегического развития ЕАЭС (Никол Пашинян от Республики Армения, Александр Лукашенко от Республики Беларусь, Касым-Жомарт Токаев от Республики Казахстан, Садыр Жапаров от Кыргызской Республики и Владимир Путин от Российской Федерации). Евразийский межправительственный совет (также Межправительственный совет) состоит из 5 глав правительств стран-членов (Никол Пашинян, Роман Головченко, Аскар Мамин, Акылбек Жапаров и Михаил Мишустин), что свидетельствует о том, что Межправительственный совет нацелен на учёт, отражение интересов каждой страны-участника ЕАЭС.

Евразийская экономическая комиссия, в соответствии с Договором о создании ЕАЭС [1], определяется регулирующим, исполнительно - распорядительным органом, т.е. основным регулятором отношений, складывающихся в сфере экономической интеграции, а значит и продовольственной устойчивости.

Вместе с тем, реализация исполнительно-распорядительных функций Евразийской экономической комиссией, включающей в себя Совет Комиссии (Мгер Григорян, Игорь Петришенко, Алихан Смаилов, Арзыбек Кожошев и Алексей Оверчук) и Коллегию ЕЭК (председатель – Михаил Мясникович, представители от России – Сергей Глазьев, Член Коллегии (Министр) по интеграции и макроэкономике, Андрей Слепнёв – Член Коллегии (министр) по торговле) сопряжена с огромным недостатком – полноценным наднациональным органом Коллегия ЕЭК всё-таки не является – её решения (акты) могут быть отменены (изменены) Советом Комиссии, а акты ЕЭК и вовсе отменены Межправительственным советом.

Отсутствие полноправного наднационального органа будет тормозить вопросы обеспечения продовольственной устойчивости стран-участников ЕАЭС. Определяется сложившееся положение, во-первых, страхом повторения прак-

тики СССР с его жёсткой централизацией управления, во-вторых, опытом ЕС, где сосредоточение управленческих функций (но и полномочий) в едином, наднациональном центре во множестве случаев и является корнем проблем Европейского союза.

Сохранение значительной степени суверенности в условиях функционально «слабого» наднационального органа управления объяснимо стремлением оставить реальные рычаги управления продовольственной безопасностью каждой страны, но, как показывает настоящее исследование, обеспечение продовольственной устойчивости будет требовать поиска оптимального соотношения национальности и наднациональности в достижении устойчивости продовольственного обеспечения стран-участников ЕАЭС.

Система обеспечения продовольственной устойчивости на федеральном уровне определяется (федеральными) законами, соответствующими указами и распоряжениями Президента, постановлениями Правительства, решениями Совета Безопасности, нормативными актами нижестоящих органов, рекомендациями гражданских институтов. В результате будет обеспечиваться развитие подсистем продовольственной устойчивости государства: социально-экономической, производственной, организационно-управленческой, финансовой, получение следующих эффектов:

- проведение единой государственной политики в области обеспечения продовольственной устойчивости и снижения продовольственной напряжённости;
- разработка и реализация целевых программ по обеспечению продовольственной устойчивости и снижению продовольственной напряжённости;
- управление государственными запасами продовольствия, обеспечение их контроля, сохранности, потребления, а также своевременного и полного обновления;
- организация сбора, систематизации, оценки и анализа данных о снабжении населения продуктами питания, потреблении последних (в том числе в региональном разрезе), получения ретроспективных и перспективных (прогноз-

ных) оценок обеспечения продовольственной устойчивости страны.

В сферу обязанностей органов управления на межрегиональном уровне, уровне федеральных округов (органы управления субъектов РФ, отраслевые объединения производителей, экспортёры и импортёры продовольствия) входят контроль и анализ продовольственных балансов регионов, зональная сельскохозяйственная специализация регионов, мониторинг и прогнозирование, переработка сельскохозяйственной продукции, её товарное обращение, хранение запасов и резервов продуктов питания, сельскохозяйственного сырья.

Государственные органы власти, на региональном уровне заняты обеспечением продовольственной устойчивости и поддержкой сельхозтоваропроизводителей и переработчиков сельскохозяйственного сырья, осуществляют контроль факторов производства, занимаются развитием инфраструктуры, оценивают продовольственные балансы регионов по критериям продовольственной устойчивости и напряжённости, прорабатывают вопросы социального обеспечения продуктами питания, определяют минимальный набор продуктов питания основных социально-демографических групп населения.

Органы исполнительной власти на межрегиональном и региональном уровнях:

- разрабатывают целевые региональные программы обеспечения продовольственной устойчивости и снижения продовольственной напряжённости и финансируют их реализацию (полностью или частично);

- реализуют государственную политику обеспечения продовольственной устойчивости и снижения продовольственной напряжённости с учётом региональных особенностей;

- координируют деятельность работающих «на местах» государственных органов, обеспечивающих продовольственную устойчивость (и снижение продовольственной напряженности) в регионе.

Контроль обеспечения продовольственной устойчивости возлагается наряду с государственными структурами на общественные организации и объединения.

Разработка и реализация мер по обеспечению продовольственной устойчивости и снижению продовольственной напряжённости требуют научного обеспечения. Оно должно включать в себя целевые исследования по формированию экономического механизма и инфраструктуры сельскохозяйственного производства, экспортно-импортных операций, разработки нормативной базы продовольственного обеспечения страны, снижения её продовольственной зависимости за счёт различных составляющих ресурсного потенциала обеспечения продовольственной устойчивости России.

3.2 Методический подход государственной поддержки обеспечения продовольственной безопасности страны в региональном разрезе

Разнообразие территории России по природно-климатическим условиям, производственно-экономическому потенциалу, инфраструктурному обеспечению является ключевой причиной неравномерности регионов страны в уровне продовольственной безопасности. Данная неравномерность обуславливается различиями в возможностях и масштабах сельскохозяйственного производства, с одной стороны, и в спросе на продукты питания – с другой. Все эти факторы приводят к появлению одной из основных региональных проблем – продовольственного обеспечения региона.

В современных условиях, лишь помощь государства позволит решить проблему неравномерности в уровне продовольственной независимости в субъектах РФ, так как большинство вышеназванных факторов носят объективный характер и не зависят от внутренних региональных усилий.

Продовольственная независимость региона (ПН) рассчитывается как отношение производства к потреблению.

$$\text{ПН} = \text{ПР} / \text{ПТР}, \quad (3)$$

где ПР – объем внутреннего производства определенного вида продукции в

регионе;

ПТР – объем внутреннего потребления определенного вида продукции в регионе.

Нами был произведен расчет продовольственной независимости для субъектов РФ за 2020 г. по основным видам продуктов питания: картофель, овощи и бахчевые культуры, фрукты и ягоды, мясо и мясные продукты, молоко и молокопродукты, яйца (Приложение А). В таблице 16 данные агрегированы по федеральным округам.

Таблица 16 – Продовольственная независимость России, федеральных округов России по основным видам продукции в 2020 г. [173]

Федеральный округ	Картофель	Овощи и бахчевые	Фрукты и ягоды	Мясо и мясные продукты	Молоко и молочные продукты	Яйца	Сред. (геом.)
ЦФО	96,00	57,84	28,33	131,50	64,86	77,63	68,59
СЗФО	63,62	37,09	16,58	75,25	50,76	96,93	49,37
ЮФО	80,72	170,48	65,58	77,61	97,12	91,44	92,39
СКФО	80,33	127,74	107,55	112,42	104,28	60,73	96,06
ПФО	93,80	93,03	42,44	109,49	109,74	124,61	90,64
УФО	90,11	47,47	20,46	85,72	73,64	117,80	63,42
СФО	91,34	54,05	16,97	81,73	96,75	122,17	65,77
ДФО	77,97	38,86	7,67	32,27	54,45	61,90	36,91
РФ в целом	89,20	86,33	42,40	100,14	84,03	97,37	80,27

Как следует из представленной таблицы, а также Приложения А, наилучшие значения продовольственной безопасности характерны для СКФО - исчисленный по формуле средней геометрической уровень продовольственной независимости региона составляет 96,06%, что обусловлено соблюдением требований самообеспеченности по овощам и бахчевым культурам, фруктам и ягодам, мясу и мясным продуктам, а также молоку и молочным продуктам. Требование по самообеспеченности в рамках СКФО не выдерживается по картофелю (только Республика Дагестан полностью обеспечивает внутреннее потребление собственным производством) и яйцам и яичным продуктам (ни один из регионов СКФО требованию самообеспеченности не удовлетворяет, наилучшее значение у Кабардино-Балкарской Республики – 93,93%, наихудшее в Республике Ингу-

шестия – 25,13%).

В целом высокое среднее значение продовольственной независимости характерно для ЮФО – 92,39%. Однако, одной из причин достижения обозначенного уровня является высокий уровень самообеспеченности овощами и бахчевыми культурами (преимущественно за счёт Астраханской области, а также, в меньшей степени, Волгоградской области) в ситуации, когда по всем другим продовольственным группам самообеспеченность не достигается. Очень слабые позиции продовольственной безопасности характерны для г. Севастополя (за исключением фруктов и ягод).

Относительные высокие значения продовольственной независимости ПФО по молоку и молочным продуктам (за счёт Республики Мордовия, Удмуртской Республики, Кировской области), яйцам (Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Пермский край), а также мясу и мясным продуктам (Республики Марий Эл, Мордовия, а также Пензенская область) были во многом нивелированы высочайшей зависимостью регионов ПФО от внешних поставок фруктов и ягод (в меньшей степени это характерно для Республики Марий Эл), а также недостаточной самообеспеченностью по картофелю (за исключением Республики Марий Эл, Республики Мордовия, Удмуртской Республики, а также Нижегородской области) и овощам и бахчевым культурам (кроме Республики Марий Эл, Республики Мордовия, Оренбургской и Саратовской областей).

Позиции остальных федеральных округов в обеспечении собственной продовольственной независимости гораздо слабее. Безусловный интерес представляет ЦФО, как основной потребитель продовольственной продукции. Только по одной продовольственной группе – мясу и мясным продуктам - требование самообеспеченности выдерживается – 131,50%. Достигнуто это за счёт развития мясного производства в таких регионах, как Белгородская область, где уровень самообеспеченности максимален – 906,01%, Тамбовской области, где производство превышает внутреннее потребление в 5,32 раза, Курской области – в 5,17 раза, Брянской области – в 4,21 раза, Липецкой области – в 3,38 раза и ряда других. Сравнительно высокое значение самообеспеченности ЦФО по

картофелю достигнуто благодаря успехам картофелеводческих организаций Брянской области (самообеспеченность 168,20%), Тульской области (150,64%), Тамбовской области (133,48%), Липецкой области (134,25%), Орловской области (127,85%) и др.

Успехи в производстве яиц и яичных продуктов организаций ряда областей ЦФО – Костромской (самообеспеченность 344,96%), Ярославской (319,33%), Рязанской (260,89%) и ряда других (см. Приложение А) имеют место в ситуации относительной неразвитости этого производства в Московской (4,63%), Тверской (30,83%), Тамбовской (33,94%) областях, что и привело к недостижению самообеспеченности в целом по ЦФО. Выход на самообеспеченность Липецкой области по фруктам и овощам (101,35%) не дал, естественно, возможности выйти на продовольственную независимость всему федеральному округу (28,33%). Липецкая и Белгородская области также вышли на самообеспеченность по овощам и бахчевым (171,19% и 128,73%), однако значение по ЦФО в целом равно лишь 57,84%. Успехи областей ЦФО в части продовольственной безопасности по молоку и молочным продуктам многочисленны, однако тот факт, что в целом ЦФО на требуемый уровень не вышел объясняется огромнейшей значимостью основного потребителя – г. Москвы.

«Узким» местом в обеспечении продовольственной безопасности СФО (равно и большинства других федеральных округов) является продовольственная обеспеченность фруктами и ягодами (16,97%), овощами и бахчевыми (54,05%) с максимальными значениями самообеспеченности по овощам и бахчевым в Республике Хакасия и Омской области (58,48% и 55,96%), по фруктам и ягодам – в Республике Хакасия, Омской и Кемеровской областях (34,13%, 28,40% и 26,94% соответственно). Производство яиц (и самообеспеченность) в СФО развито практически во всех регионах (кроме Республик Алтай, Тыва и Хакасия). Самообеспеченность в производстве молока и молочных продуктов имеется в таких регионах СФО, как Алтайский край (158,54%), Республика Алтай (110,30%) и Омская область (109,20%). На продовольственную независимость по мясу и мясным продуктам в СФО вышли Республика Алтай

(115,79%), Алтайский край (133,31%), Омская область (102,43%) и особенно Томская область (158,37%). Успехи картофелеводства Красноярского края и Кемеровской области (в части самообеспеченности – 101,66% и 111,43% соответственно) недостаточны, чтобы «вытянуть» весь СФО, где самообеспеченность составила 91,34%.

УФО в части обеспечения продовольственной безопасности может «похвастаться» только самообеспеченностью в производстве яиц и яичных продуктов (117,80%), достигаемой Свердловской (101,08%), Тюменской (140,17%) и Челябинской (130,16%) областями (исключение составляет лишь Курганская область с 42,44%), а также продовольственной независимостью Челябинской области в производстве мяса и мясных продуктов (142,42%), не позволившей, однако, выйти УФО на самообеспеченность мясом в целом (85,72%). Пороговое значение самообеспеченности по картофелю (95%) достигается только одной областью УФО – Свердловской (95,68%). В производстве молока и молочных продуктов, овощей и бахчевых культур и в особенности фруктов и ягод внутреннее потребление абсолютно не соответствует производственным показателям.

СЗФО, несмотря на высокую самообеспеченность ряда областей по яйцам и яичным продуктам (Ленинградская область – 412,04%, Вологодская область – 153,73%), молоку и молочным продуктам (Вологодская область – 178,64%, Ленинградская область – 112,59%, Псковская область – 101,45%), мясу и мясным продуктам (Псковская область – 400,60%, Новгородская область – 268,76%, Ленинградская область – 178,14%, Калининградская область – 99,46%), овощам и бахчевым (Новгородская область – 137,17%), картофелю (Новгородская область – 123,23%, Псковская область – 110,04%, Калининградская область – 98,71%) не достигла 100%-ой обеспеченности ни по одной из обозначенных продуктовых групп (96,93%, 50,76%, 75,25%, 37,09% и 63,62% соответственно). Самообеспеченность фруктами и ягодами составила 16,58%.

Позиция ДФО в обеспечении продовольственной безопасности – наихудшая – самообеспеченность по включенным в расчёт продовольственным

группам в целом 36,91% и минимальная по фруктам и овощам (7,67%), мясу и мясным продуктам (32,27%). Максимальное среднее значение самообеспеченности имеет место по картофелю – 77,97% (имеется даже один регион - Республика Бурятия – где достигнута полная (101,21%) самообеспеченность). Достаточно близки к продовольственной независимости по картофелю также Камчатский край (92,33%), Амурская область (96,44%) и Сахалинская область (95,04%). В производстве молока и молочных продуктов максимальные значения самообеспеченности прослеживаются по Забайкальскому краю (98,06%) и Амурской области (79,91%). Производство яиц и яичных продуктов в наибольшей степени близко к самообеспеченности в Сахалинской области (производство от внутреннего потребления здесь составляет 91,93%), Хабаровском крае (81,59%), Магаданской области (79,45%) и Камчатском крае (78,48%). Учитывая суровые климатические условия, закономерными представляются минимальные значения самообеспеченности регионов ДФО фруктами и ягодами (максимум в Еврейской автономной области – 24,29%).

Таким образом, проведённый анализ позволил отчётливо выделить главную особенность обеспечения продовольственной безопасности (и устойчивости) Российской Федерации, заключающуюся в неравномерном распределении продовольственной безопасности по регионам. В связи с этим первостепенной задачей руководства федерального и регионального руководства страны должно стать выравнивание уровня продовольственной безопасности. Нами предложен следующий коэффициент выравнивания (K_v):

$$K_v = \text{РНП} / \text{ПТР}, \quad (4)$$

где РНП – рациональная норма потребления определенного вида продукции (в соответствии с [8]).

ПТР - фактическое потребление определенного вида продукции.

Данный коэффициент показывает во сколько раз рациональная норма потребления определенной продукции превышает ее фактическое потребление в

регионе. Если его значение превышает 1, то регион нуждается в выравнивании, если меньше 1 – не нуждается. Выполненный расчёт коэффициента выравнивания для субъектов РФ выявил, что ни в одном регионе (Приложение Б) коэффициент не равняется и не достигает своего порогового значения. Это означает то, что одновременно по всем исследуемым продуктам питания ни в одном федеральном округе (таблица 17) не соблюдаются рациональные нормы питания.

Таблица 17 – Коэффициенты выравнивания по федеральным округам и в целом по России по основным видам продукции в 2020 г. [разработано автором]

Федеральный округ	Картофель	Овощи и бахчевые	Фрукты и ягоды	Мясо и мясные продукты	Молоко и молочные продукты	Яйца	Сред. (геом.)
ЦФО	1,61	1,34	1,28	0,96	1,14	1,03	1,21
СЗФО	1,68	1,36	1,27	1,04	1,08	1,09	1,24
ЮФО	1,69	1,13	1,29	0,98	1,22	1,03	1,20
СКФО	1,28	1,11	1,12	1,15	1,09	1,14	1,15
ПФО	1,62	1,40	1,30	1,07	1,24	1,10	1,28
УФО	1,89	1,42	1,26	1,03	1,25	1,15	1,31
СФО	1,39	1,52	1,45	1,10	1,32	1,13	1,31
ДФО	1,68	1,68	1,48	1,10	1,37	1,18	1,40
РФ в целом	1,59	1,35	1,30	1,03	1,20	1,09	1,25

Наименьшее среднее (среднегеометрическое) значение коэффициента выравнивания прослеживается по СКФО, значит, фактическое потребление картофеля, овощей и бахчевых, фруктов и ягод, мяса и мясных продуктов, молока и молочных продуктов, яиц и яичных продуктов в данном федеральном округе в наименьшей степени отличается от рациональных норм потребления, наиболее близко к ним.

Больше всего близко к рациональным нормам потребление в СКФО молока и молочных продуктов – коэффициент выравнивания равен 1,09, причём в Чеченской Республике, Республике Дагестан и Республике Ингушетия, он и во все меньше единицы (0,86, 0,91 и 0,98 соответственно), а значит фактическое потребление в среднем выше нормы. Относительно небольшое значение коэффициента выравнивания по овощам и бахчевым (1,11) обусловлено благоприятной оценкой фактического их потребления в Республиках Дагестан и Ингу-

шетия (0,90 и 0,95). В целом Республика Дагестан обладает одними из наилучших значений показателей – фактические значения не соответствуют рекомендуемым только по мясу и мясопродуктам (1,05). Коэффициент выравнивания меньше единицы по 3-м продовольственным группам из 6 у Республики Ингушетия – по овощам и бахчевым культурам (0,95), мясу и мясным продуктам (0,92), молоку и молочным продуктам (0,98).

ЮФО имеет среднее значение коэффициента выравнивания 1,20, в т.ч. по мясу и мясным продуктам 0,98, что определяется превышением среднедушевого фактического потребления населением мяса и мясных продуктов по отношению к рациональным нормам потребления сразу в нескольких регионах ЮФО – Краснодарском крае, Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях (0,97, 0,91, 0,95 и 0,94 соответственно). Все регионы ЮФО потребляют значительно меньше по сравнению с рациональными нормами потребления картофеля, овощей и бахчевых, молока и молочных продуктов (ни в одном из регионов коэффициент выравнивания не принял значение меньше единицы). В г. Севастополе в 2020 г. фактическое потребление фруктов и ягод даже превышало нормативный уровень, а больше или соответствует нормативному потреблению яиц в Ростовской, Астраханской областях, а также Краснодарском крае.

Наилучшие показатели в потреблении мяса и мясных продуктов в ЦФО, где коэффициент выравнивания составил 0,96, в т.ч. Смоленской области – 0,69, Тульской области – 0,82, Белгородской области – 0,85, Тверской области – 0,90, Московской области – 0,93, г. Москве – 0,95 и др. Хотя в целом потребление яиц и яичных продуктов в ЦФО нормативному уровню не соответствует (коэффициент выравнивания равен 1,03), в ряде регионов рациональные нормы потребления выдерживаются – Смоленской (0,93), Рязанской, Воронежской (0,95), Белгородской и Московской (0,96) и других областях ЦФО. Соответствует рациональным нормам потребление молока и молочных продуктов в Смоленской области. Других фактов соответствия фактического потребления рациональным нормам по итогам 2020 г. в ЦФО не установлено.

В СЗФО потребление основных продуктов питания рациональным нор-

мам в целом не соответствует и имеются лишь отдельные случаи удовлетворения нормативных требований. Прежде всего речь идет о соответствии фактического потребления мяса и мясных продуктов в Калининградской (0,89), Ленинградской (0,96) и Новгородской (0,98) областях, Республике Карелия (0,95), потреблении в Вологодской области молока и молочных продуктов в объеме, соответствующем рациональным нормам питания (0,93) (а также достаточном близком к рациональным нормам потреблении молока в Санкт-Петербурге), потреблении яиц и яичных продуктов также в достаточном объеме в Республике Карелия (0,91) и Новгородской области (коэффициент выравнивания составил ровно 1,00).

Ни в одном из регионов ПФО рациональные нормы потребления картофеля (1,62), овощей и бахчевых культур (1,40), фруктов и ягод (1,30), молока и молочных продуктов (1,24), а также яиц и яичных продуктов (1,10) не выдерживаются. Обозначенные нормы удовлетворяются в потреблении мяса и мясных продуктов, но только в ряде его (ПФО) регионов – Республике Башкортостан (0,93), Республике Мордовия (0,99), Нижегородской и Оренбургской областях (0,90 и 0,87 соответственно), а также Саратовской области (1,00).

УФО и СФО имеют одинаковый средний уровень соответствия фактического потребления рациональным нормам – 1,31. При этом, как в УФО зафиксирован лишь единичный фактически случай соответствия фактического потребления рациональным нормам (Тюменская область имеет коэффициент выравнивания в размере 0,87), так и в СФО, несмотря на существенно большее количество субъектов (10 против 4), такой случай единичен (коэффициент выравнивания по мясу и мясным продуктам в Иркутской области составил 1,00).

Даже в ДФО, вечном аутсайдере проводимых расчётов продовольственной безопасности, устойчивости и напряжённости, число случаев удовлетворения рациональным нормам больше – опять же по мясу и мясным продуктам фактическое потребление соответствовало (пусть и за счёт ввоза извне) рациональным нормам в Республике Саха (Якутия) (0,96), Камчатском крае (0,95), Магаданской и Сахалинской областях (0,88 и 0,94 соответственно). Тем не ме-

нее, степень несоответствия «Рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания» в ДФО наиболее критическая – 1,40.

В целом же можно констатировать, что в части соответствия питания рациональным нормам потребления, ситуация в целом и тем более по регионам представляется даже ещё более критической, нежели в контексте обеспечения продовольственной независимости, поскольку затрагивает интересы каждой российской семьи, большая часть из которых, как выяснилось, не получает в достаточном размере фруктов и ягод, овощей и др.

Формально наиболее острая ситуация сложилась в области соответствия рациональным нормам потребления в России картофеля. Однако, здесь необходимо отметить всё-таки положительный факт смещения потребления части продуктов питания (в частности картофеля) в пользу более дорогих продуктов (как показывает анализ – мяса и мясопродуктов). Данное утверждение находит своё подтверждение на примере г. Москвы с коэффициентом выравнивания 2,10 (2020 г.), т.е. средний житель самого богатого города России потребляет в 2,1 раза картофеля меньше, чем предусмотрено рациональными нормами.

Выравнивание регионов по продовольственной независимости должно происходить с помощью субсидирования. Опираясь на вышеперечисленные показатели, рассчитывается необходимый для выравнивания объем государственной поддержки ($ГП_{\text{в}}$) по формуле:

$$ГП_{\text{в}} = \sqrt[n]{\frac{K_1}{ПН_1} \times \frac{K_2}{ПН_2} \dots \times \frac{K_n}{ПН_n}} \times ГП_{\text{факт}} \times 100\%, \quad (4)$$

где n – количество исследуемых продуктов питания;

$ГП_{\text{факт}}$ – фактический объем господдержки сельского хозяйства в регионе;

$ПН$ – уровень продовольственной независимости;

K – значение коэффициента выравнивания.

Соответственно, появляется возможность рассчитать сумму государственной поддержки, необходимой для выравнивания регионов по уровню продовольственной независимости по каждому субъекту Российской Федерации (Приложение В), а также по федеральным округам (рисунок 23).

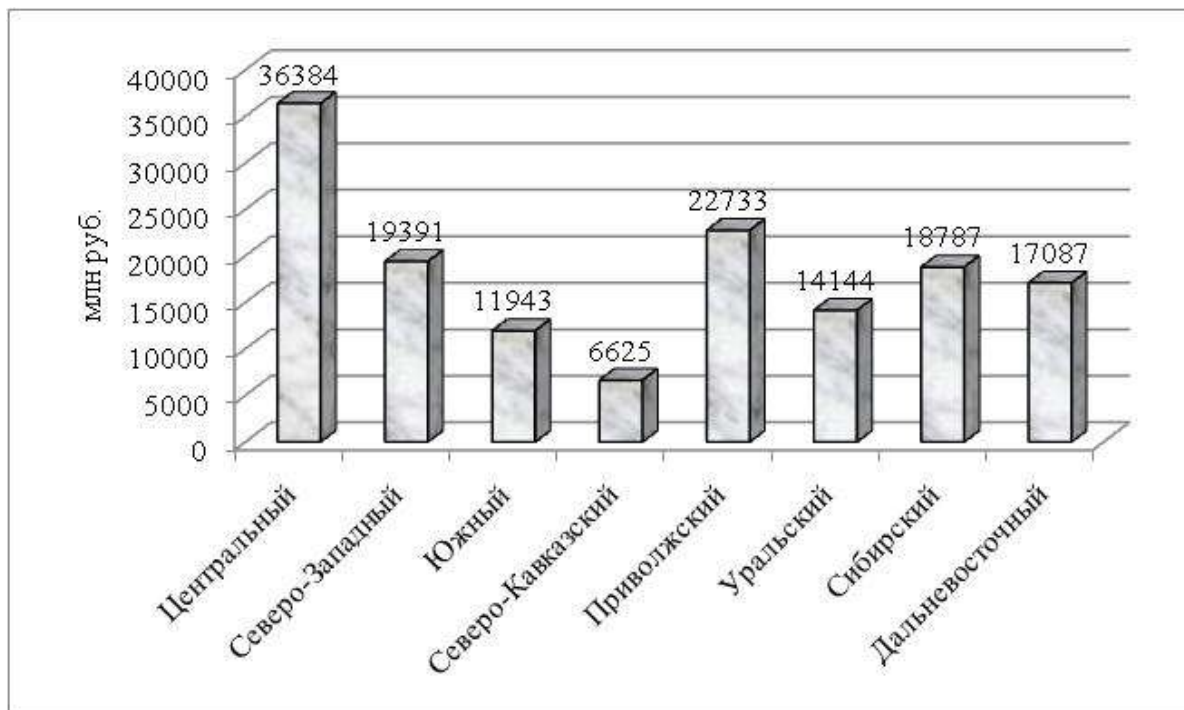

Рисунок 23 – Объем господдержки по федеральным округам РФ, необходимый для выравнивания уровня продовольственной безопасности [разработано автором]

Таким образом, наибольший объем требуемого субсидирования приходится на Центральный (36384 млн руб.), Приволжский (22733 млн руб.), Северо-Западный (19391 млн руб.) и Сибирский (18787 млн руб.) федеральные округа (2/3 от общей величины государственной поддержки). В целом гораздо лучшие значения продовольственной независимости и фактического потребления основных продуктов питания в СКФО, ЮФО и их регионах закономерно привели к тому, что требуемое для выравнивания ситуации продовольственной безопасности финансирование здесь гораздо меньше (6625 млн руб. и 11943 млн руб. соответственно).

Необходимо отметить, что предложенная методика позволяет сосредоточить финансовые ресурсы на развитии определенных отраслей АПК, продовольственная безопасность по которым находится на низком уровне, допускает

(с небольшими корректировками расчёта в части числа множителей, используемой степени) возможность использования с иным набором продуктов питания.

3.3 Прогнозирование параметров системы обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации

Одним из документов, определяющих продовольственную безопасность страны, является «Долгосрочная стратегия развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года» [6] (далее также «Стратегия»), относимая в соответствии со ст. 11 Федерального закона от 28.06.2014 N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» к документам стратегического планирования, разрабатываемым в рамках целеполагания, под которым понимается «определение направлений, целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности РФ» [3]. В «Стратегии» указано: «производство зерна составляет основу агропромышленного комплекса Российской Федерации и является наиболее крупной подотраслью сельского хозяйства, от развития которой в значительной степени зависит продовольственная безопасность страны» [6]. Таким образом, «Стратегия» является одним из основополагающих документов по обеспечению продовольственной безопасности Российской Федерации. Вместе с тем, к некоторым его исходным предпосылкам имеется ряд существенных замечаний.

Стратегические ориентиры развития зерновой подотрасли РФ на период до 2035 г. определены в трёх сценариях: оптимистическом, базовом и пессимистическом. Каждый из них основан на ряде соответствующих предпосылок, рассматриваемых в том числе далее. Применение формулы (3) к прогнозным показателям «Стратегии» позволило получить следующие значения самообеспеченности РФ зерном на период до 2035 года (рисунок 24). По всем без исключения сценариям прогнозируется прирост самообеспеченности (однако, интенсивность прироста различна – по оптимистическому сценарию – на 10,82 п.п., по базовому – 23,09 п.п., по пессимистическому – 8,68 п.п.).

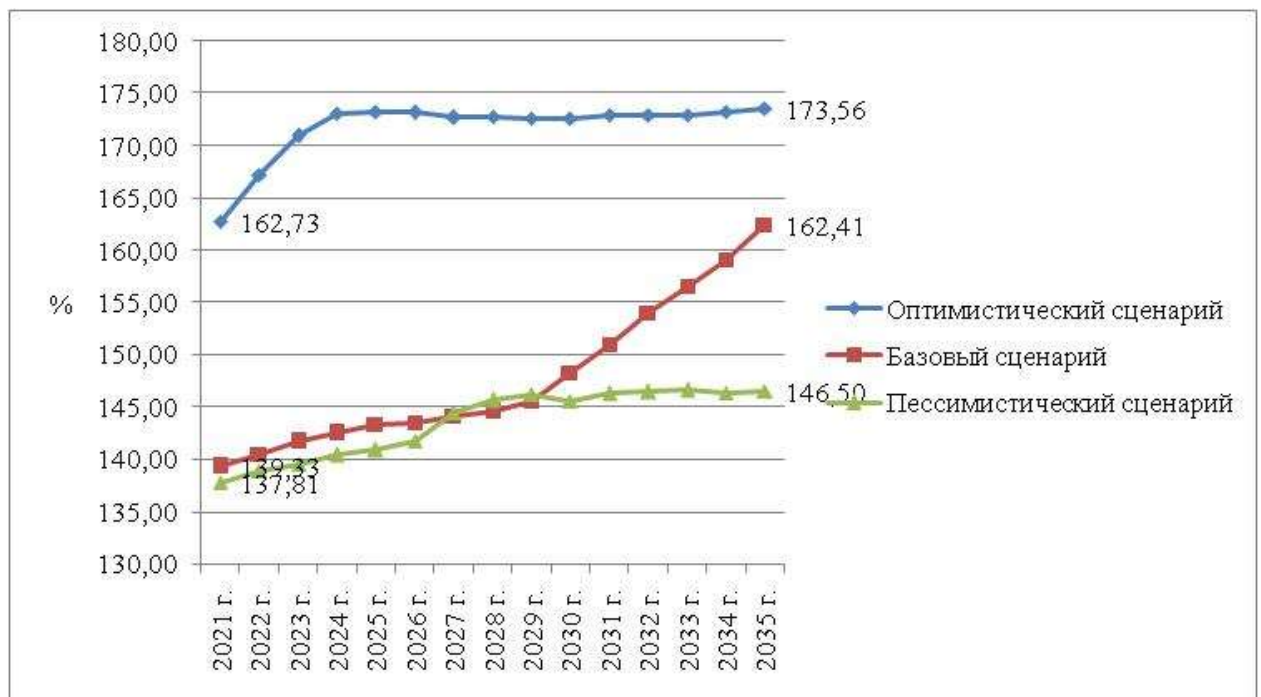

Рисунок 24 – Прогноз самообеспеченности Российской Федерации зерном на период до 2035 г. по оптимистическому, базовому и пессимистическому сценариям [разработано автором]

Вопросы критического характера возникают ко всем без исключения сценариям, однако в наибольшей степени – к базовому (особую актуальность разбору базового сценария придаёт то, что он фактически расценивается как целевой). В «Стратегии» указано, что «базовый сценарий соответствует базовому сценарию социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период, разработанному Министерством экономического развития Российской Федерации» [6]. Речь идёт о «Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 г.» [122]. Также в «Стратегии»: «в качестве базового сценария развития глобального рынка сельскохозяйственной продукции выбран умеренно позитивный» [6]. При этом: «в связи с тесной интеграцией Российской Федерации в международный рынок зерна цены мирового рынка оказывают влияние на формирование цен на внутреннем рынке» [6], что подчёркивает зависимость зерновой подотрасли России от мировой конъюнктуры.

Однако, самообеспеченность Российской Федерации зерном в 2027-2029

гг. по базовому сценарию, несмотря на его «умеренно позитивную» природу, будет ниже пессимистических оценок (144,11% против 144,50% в 2027 г., 144,57% и 145,69% в 2028 г., 145,62% и 146,26% в 2029 г.).

По рисунку 1 можно проследить «провал» в обозначенный период значений базового сценария, сопровождающийся при этом ничем подкреплённым улучшением по пессимистическому сценарию. Начиная же с 2029г. прогнозные темпы роста самообеспеченности по базовому сценарию намного более позитивны, чем даже по оптимистическому сценарию (темп роста самообеспеченности Российской Федерации зерном по базовому сценарию в 2035 г. составит 111,53% в сравнении со значением за 2029 г. в то время как темп роста самообеспеченности по оптимистическому сценарию за тот же интервал времени составит лишь 100,58%). Таким образом, можно сделать вывод, что оптимистический сценарий не является в полной мере оптимистическим в сравнении с базовым (как уже отмечалось, прирост самообеспеченности по базовому сценарию составит 23,09 п.п., в то время как по оптимистическому «только» 10,82 п.п.), а пессимистический сценарий в обозначенный выше период 2027-2029 гг. даже оптимистичнее основного (базового).

Неочевидными являются и причины, обусловившие вариабельность результатов соотношений производства и использования зерна (в данном случае величина использования зерна включает и экспорт) по различным сценариям (рисунок 25). Соотношение производства и использования зерна по оптимистическому и пессимистическому сценариям, как следует из представленного рисунка, в целом достаточно стабильно и резких изменений в динамике не имело. По базовому же сценарию экстремальные значения соотношений производства и использования зерна зафиксированы по итогам 2025-2026, 2028 и 2030 гг. (1,006-1,009), а также 2034-2035 гг. (0,995 и 0,985 соответственно). «Всплески» значений определяются закладываемыми в базовый сценарий значительными приростами производства зерна в условиях достаточно стабильного (роста) использования зерна. Падение же значений показателя в 2034-2035 гг. объясняется более интенсивным прогнозным ростом экспорта.

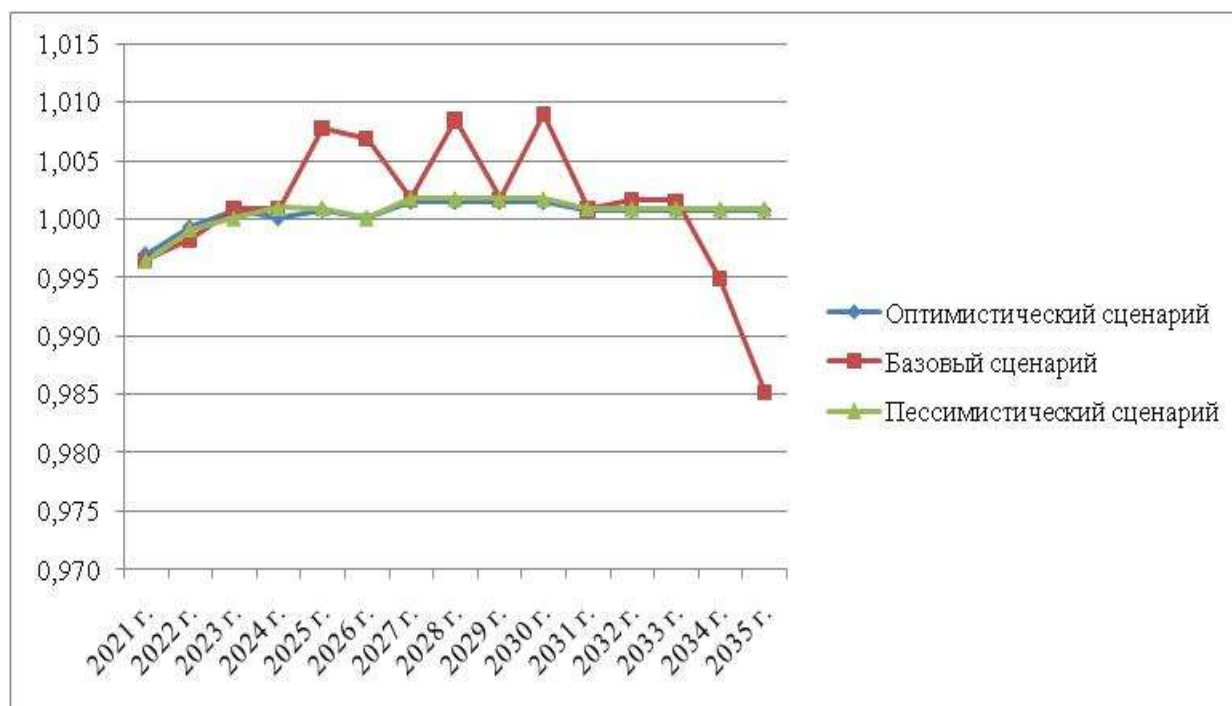

Рисунок 25 – Прогноз соотношения производства и использования зерна в Российской Федерации на период до 2035 г. по оптимистическому, базовому и пессимистическому сценариям [разработано автором]

В пояснениях к базовому сценарию «Долгосрочной стратегии развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года» (раздел V «Прогнозный баланс ресурсов и использования зерна в Российской Федерации при базовом сценарии») указано, что прогнозный баланс «...отражает ожидаемые объёмы производства, внутреннего потребления, экспорта, импорта, потерь и запасов зерна на начало и конец соответствующего года» [6]. Функция запасов зерна состоит в гарантировании внутреннего потребления на определённый период времени. Автором выполнен расчёт обеспеченности запасов зерна по каждому из сценариев следующим образом:

- 1) рассчитано внутреннее потребление зерна по каждому году (использование минус экспорт);
- 2) определено среднеедневное потребление (число дней в году принято равным 365 дней);
- 3) как отношение запасов на начало года к среднеедневному потреблению определена обеспеченность запасов зерна в днях.

Полученные результаты (рисунок 26) свидетельствуют о полной идентичности оптимистического и пессимистического сценариев и существенной изменчивости результатов по базовому сценарию. Так, по оптимистическому и пессимистическому сценариям обеспеченность зерном, начиная с 2023 г. и по 2035 г., будет составлять 345 дней (против 347 дней в 2021 г. и 346 дней в 2022 г.). Однако, по базовому сценарию запасы зерна в Российской Федерации в период до 2032 г. будут непрерывно наращиваться – до 348 дней по итогам 2026 г., 352 дней к концу 2027 и 2028 гг., 355 дней по итогам 2029-2030 гг., 359 дней к концу 2029 г. и 360 дней в 2032 г. Далее прогнозируется сокращение обеспеченности зерном – до 359 дней по итогам 2033-2034 гг. и 356 дней – к концу 2035 г.

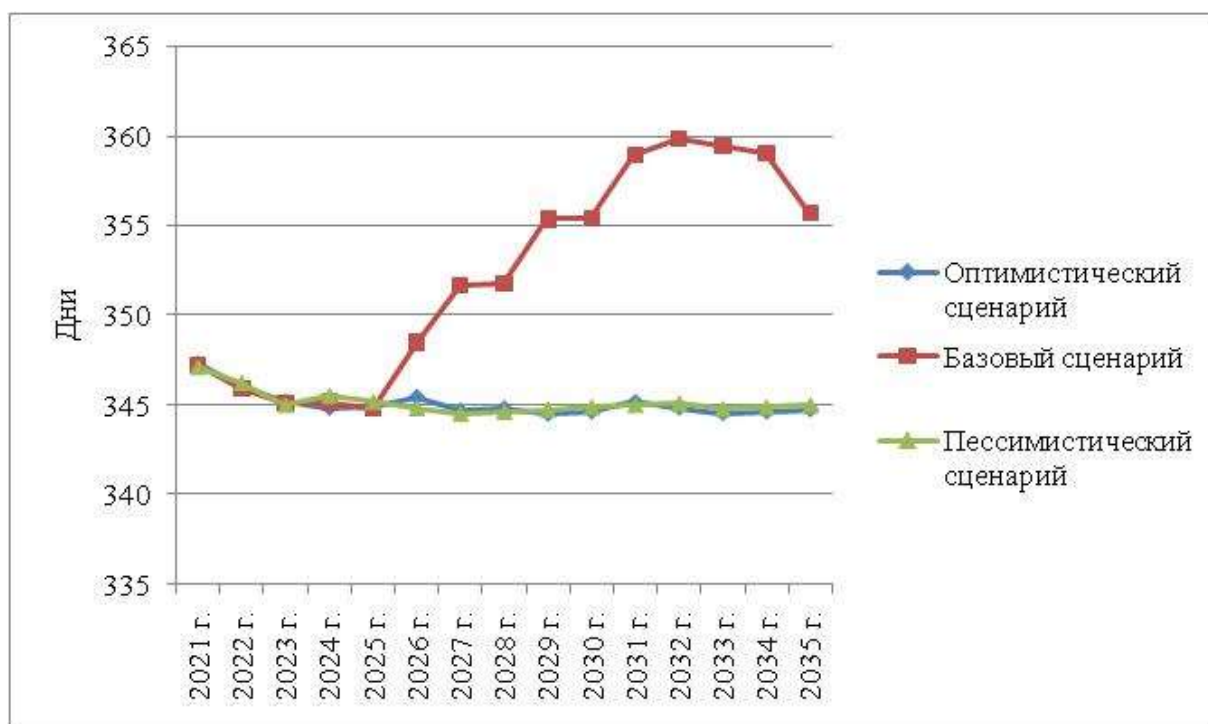

Рисунок 26 – Прогноз обеспеченности Российской Федерации запасами зерна в днях на период до 2035 г. по оптимистическому, базовому и пессимистическому сценариям [разработано автором]

Необходимо согласиться с тем, что в самом факте увеличения обеспеченности государства зерном как стратегическим ресурсом нет ничего предосуди-

тельного. Однако, как представляется автору, в документе стратегического характера, коим является «Стратегия», все существенные изменения ключевых показателей должны быть определены с большей ясностью предпосылок, факторов изменений.

Оценивая предпосылки базового сценария «Долгосрочной стратегии развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года» [6] как в определённой степени спорные, неочевидные, автором предлагается реализация вероятностного (взвешенного) сценария, базирующегося на различных сочетаниях удельных весов оптимистического и пессимистического сценариев (таблица 18).

Таблица 18 – Комбинации вариантов вероятностного сценария развития зернового комплекса России до 2035 г., % [разработано автором]

Сценарий	Вариант			
	I	II	III	IV
Оптимистический	20	40	60	80
Пессимистический	80	60	40	20

Предусматривая и в дальнейшем отвергая потенциально возможные умозаключения, выводы о том, что базовый сценарий «Стратегии» и есть определённый компромисс оптимистического и пессимистического сценариев, автором был составлен прогнозный расчёт самообеспеченности Российской Федерации зерном на период до 2035 г. по базовому сценарию и «усреднённом» сценарию, сформированному из 50%-ой вероятности оптимистического и 50%-ой вероятности пессимистического сценариев (рисунок 27).

Реализация базового сценария предполагает, как следует из рисунка 27, достаточно резкий, начиная с 2029 г., прирост самообеспеченности РФ зерном, что не находит подтверждения в «промежуточном», усреднённом сценарии, а по итогам 2035 г. уровень самообеспеченности РФ зерном в базовом сценарии даже превысит усреднённые значения (162,41% против 160,03%, несмотря на то, что по итогам 2021 г. прогнозировался разрыв в 10,94 п.п.).

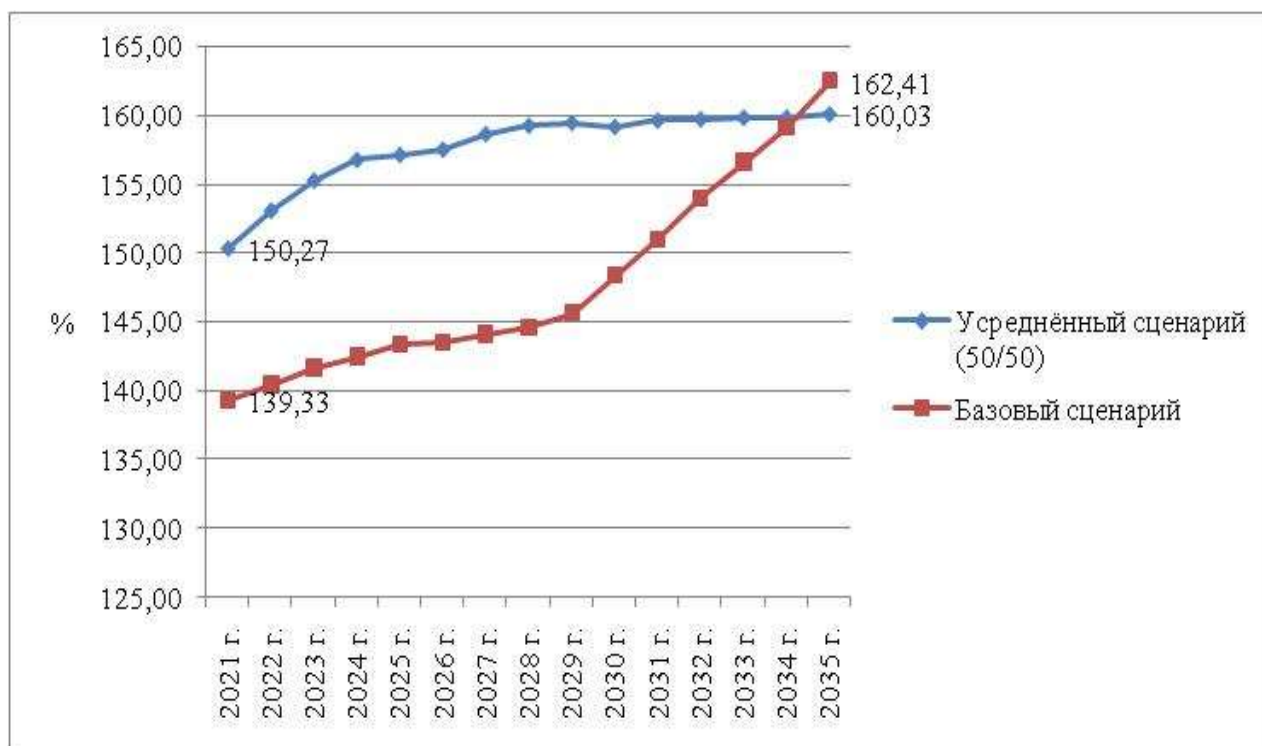

Рисунок 27 – Прогноз самообеспеченности Российской Федерации зерном на период до 2035 г. по базовому и «усреднённому» (50/50) сценариям
[разработано автором]

Снова обращаясь к описанным в «Стратегии» предпосылкам базового сценария, можно обнаружить, что заданный рост будет достигнут за счёт «оптимизации посевных площадей и введения в оборот неиспользуемых земель» (с увеличением посевных площадей до 50 млн га против фактических 47,9 млн га по итогам 2020 г.), «повышения средней урожайности зерновых и зернобобовых культур до 31,4 ц/га» [6] (фактическое значение по итогам 2020 г. составило 28,6 ц/га), «за счёт борьбы с сорными растениями, вредными насекомыми и фитопатогенами» [6], использования «достаточного количества сельскохозяйственной техники высокой производительности, в том числе тракторов, зерноуборочных комбайнов и другой необходимой техники» [6], а также ряда других мер.

В деловой печати подчеркивается факт, что «базовый прогноз стал фактически целевым» [37]. Однако, проведённый анализ позволяет считать базовый вариант требующим если не доработки, то по крайней мере уточнения исходных предпосылок.

На основе прогнозных значений «Стратегии», а также в соответствии с обозначенными вариантами вероятностного подхода были получены следующие прогнозные значения уровня самообеспеченности (рисунок 28).

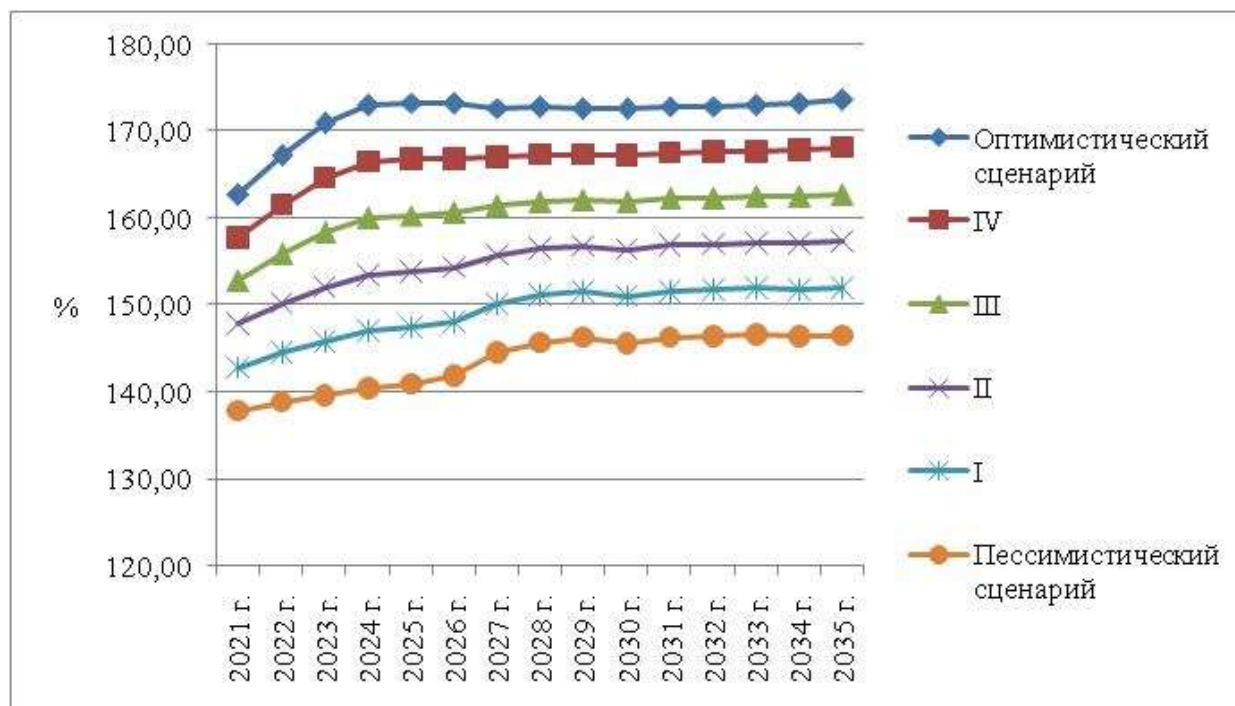

Рисунок 28 – Прогноз самообеспеченности Российской Федерации зерном на период до 2035 г. по оптимистическому, вероятностному (в 4-х вариантах) и пессимистическому сценариям [разработано автором]

Рассматривая динамику показателя самообеспеченности по оптимистическому сценарию необходимо отметить, что он «особенно оптимистичен» только в период по 2024 г., когда уровень самообеспеченности увеличится по прогнозу с 162,73% до 173,01% (на 10,28 п.п., в т.ч. по итогам 2022 г. на 4,43 п.п., по итогам 2023 г. – на 3,74 п.п., по итогам 2024 г. – на 2,11 п.п.). В целом же за период с 2021 г. по 2035 г. увеличение составит 10,82 п.п. (до 173,56%). Это означает, что в трехлетний период с 2021 г. по 2024 г. будет достигнуто 94,91% совокупного прироста (10,28 п.п. из 10,82). Учитывая тот факт, что именно на период до 2024 г. поставлены амбициозные (но в целом достижимые) задачи по наращиванию экспорта, можно сделать предположение, что в основу базового сценария (по крайней мере отчасти) были заложены не столько реальные пред-

посылки, сколько стремление к тому, чтобы учесть в «Стратегию» «майские указы» Президента РФ В.В. Путина.

Применительно к пессимистическому сценарию основным замечанием можно считать его, как представляется, недостаточную пессимистичность, выражающуюся, согласно «Стратегии» ни много, ни мало в «спаде экономики, снижении уровня государственной поддержки, увеличении частоты проявления неблагоприятных погодных условий (засухи либо наводнения в ряде регионов)» [6].

Рост же показателя самообеспеченности (в 1,06 раза) даже в пессимистическом сценарии ожидается за счёт отставания темпа роста внутреннего потребления за период с 2021 г. по 2035 г. (107,54%) по сравнению с темпом роста производства за тот же период (114,31%) в условиях роста экспортных поставок на 30,16% (в свою очередь темп роста использования зерна в целом составит по прогнозу 113,81%).

Целесообразность применения вероятностного (взвешенного) подхода обусловлена тем, что, в соответствии с опросами экспертного сообщества, объективными факторами развития зерновой подотрасли, возможными осложнениями внешнеполитического характера, определяется вероятность того или иного «крайнего» сценария (оптимистического или пессимистического), на основе чего будет применён соответствующий вариант вероятностного подхода, а значит дана более адекватная оценка будущему развитию зерновой подотрасли в частности, а также в целом продовольственной безопасности Российской Федерации.

Ещё одним свидетельством условной «непригодности» базового сценария является тот факт, что на разных временных интервалах его значения «пробивали» уровни пессимистического, усреднённого сценариев, двух вариантов (I и II) вероятностного подхода, а по итогам 2035 г. были близки к III варианту вероятностного сценария (рисунок 29). Как представляется, базовый сценарий, тем более претендующий на роль «целевого», не должен иметь столь существенной нестабильности в части близости к оптимистическому или пессими-

стическому сценариям развития. Фактически, упомянутый в «Стратегии» тезис об «умеренно позитивной» основе базового сценария при изучении продовольственной безопасности Российской Федерации подтверждения не находит (за исключением 2034-2035 гг.).

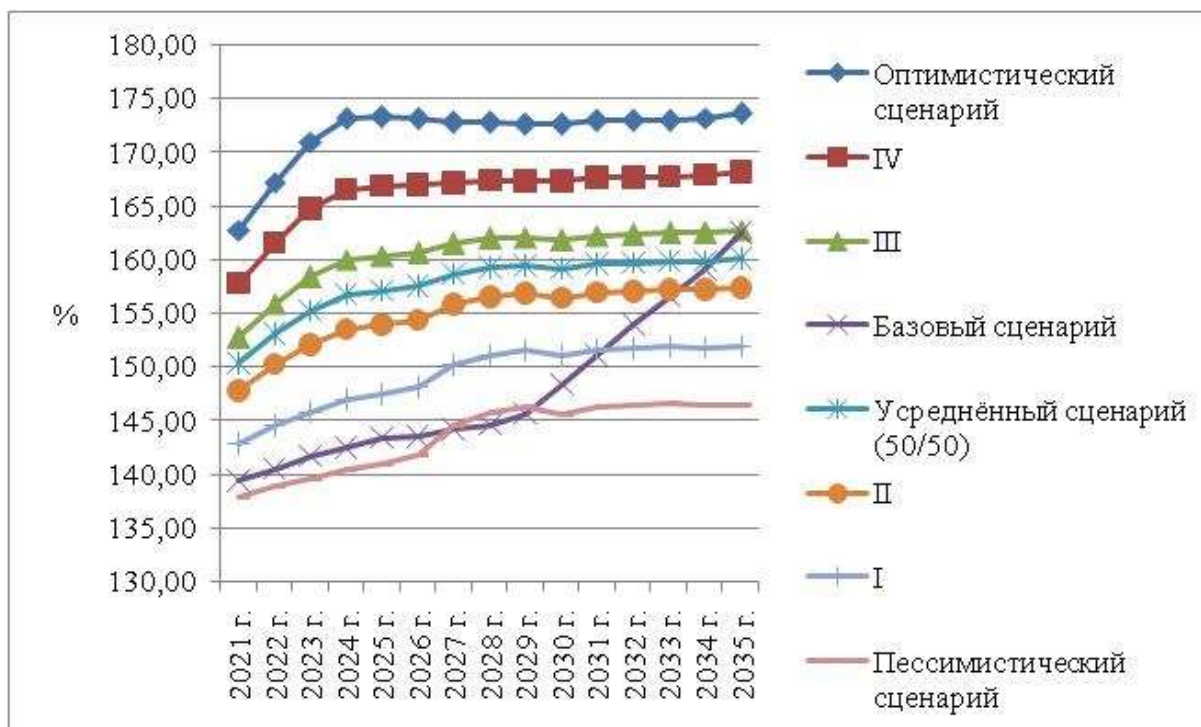

Рисунок 29 – Прогноз самообеспеченности Российской Федерации зерном на период до 2035 г. по сценариям [разработано автором]

Выявленные факты вносят существенную долю скепсиса в использование текущей версии базового сценария как целевого и позволяют говорить о том, что в соответствии с фактической ситуацией в дальнейшем целевая стратегия в большей или меньшей степени должна являться скорее симбиозом оптимистической и/или пессимистической стратегий, чему в полной мере соответствует концепция вероятностного (взвешенного) подхода к стратегическому планированию.

Ранее проведённый анализ выявил в целом адекватность оценок оптимистического и пессимистического сценариев производства и использования зерна, продовольственной безопасности. Однако, обращает на себя внимание так-

же факт разнородности динамики уровней самообеспеченности по оптимистическому и пессимистическому сценариям, для иллюстрации которого были рассчитаны соотношения самообеспеченности (рисунок 30).

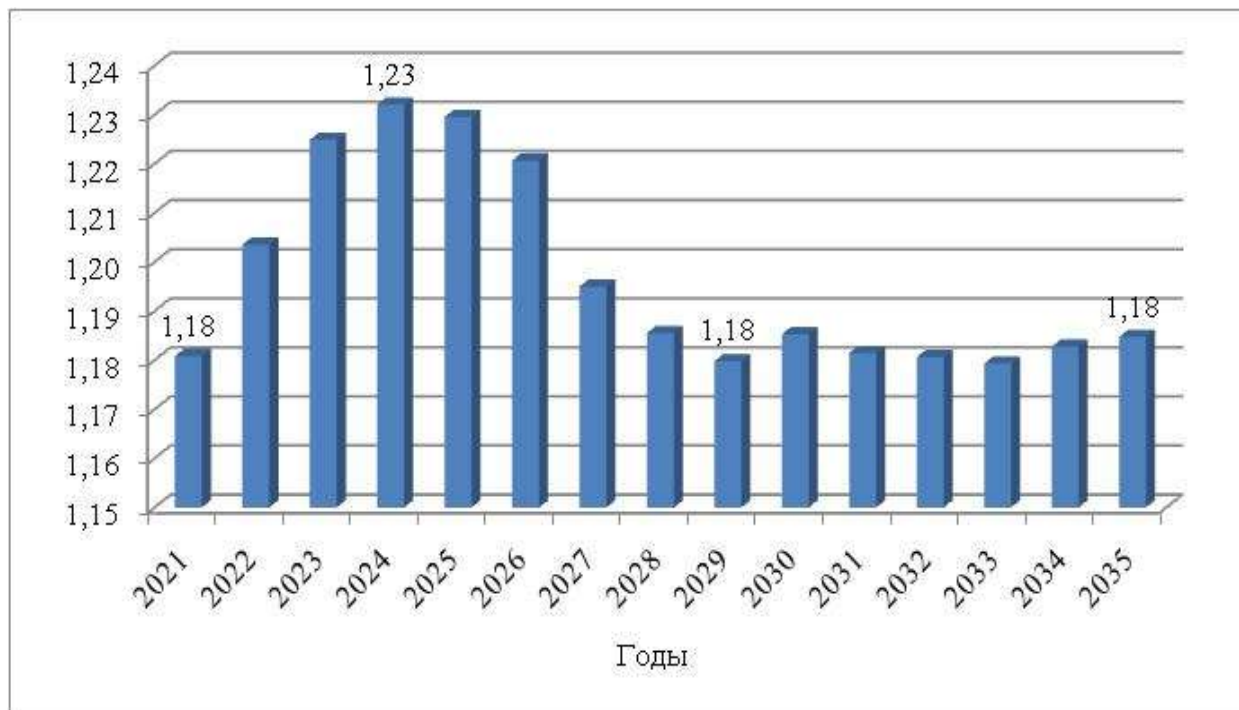

Рисунок 30 – Прогноз изменения соотношений уровня самообеспеченности Российской Федерации зерном на период до 2035 г. по оптимистическому и пессимистическому сценариям, коэф. [разработано автором]

Анализ выявил, что основным по силе своего влияния фактором изменения обозначенных соотношений самообеспеченности по оптимистическому и пессимистическому сценариям всегда являлся фактор производства (а не внутреннего потребления). Например, разрыв значений производства по оптимистическому и пессимистическому сценариям составил в 2035 г. 120%, в то время как разрыв значений по внутреннему потреблению равен лишь 101% (рисунок 31). Это определяется тем, что даже в условиях негативного развития событий, пессимистического сценария, внутреннее потребление не должно (резко) сокращаться.

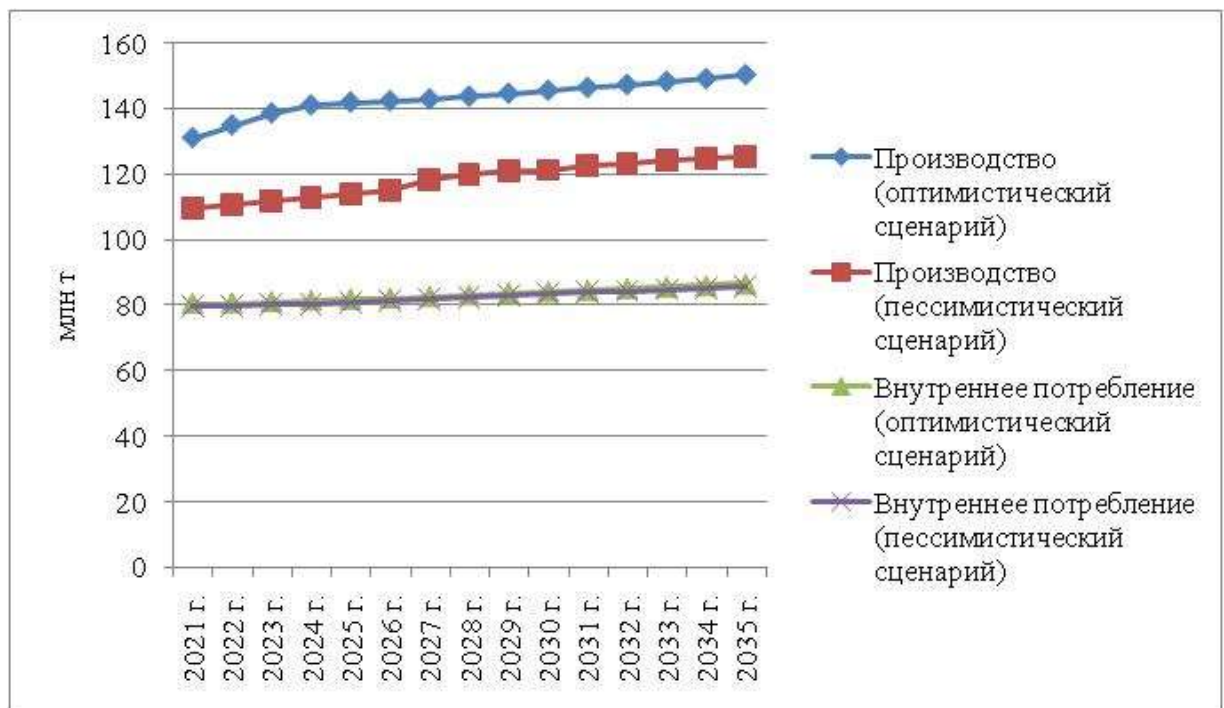

Рисунок 31 – Прогноз производства и внутреннего потребления зерна в Российской Федерации на период до 2035 г. по оптимистическому и пессимистическому сценариям [разработано автором]

На основе выполненного исследования можно сделать вывод, что на период до 2024 г. самообеспеченность зерном в оптимистическом сценарии будет прирастать более интенсивно – с 162,73% до 173,56% (что закономерно для оптимистического сценария), однако, в последующие периоды соотношение значений оптимистического и пессимистического сценариев будет сокращаться (с максимальных 1,23 до минимальных 1,18). Выявленные тенденции нельзя проследить по абсолютным значениям прогнозного развития зерновой подотрасли (в соответствии со «Стратегией»), что свидетельствует о целесообразности расчёта обозначенного соотношения. Реализация же взвешенного подхода к стратегическому планированию продовольственной безопасности позволит на основе оценки близости к оптимистическому или пессимистическому сценариям получить, как уже указывалось, более адекватные прогнозы будущего развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Категорийный аппарат системы обеспечения продовольственной безопасности предлагается дополнить понятиями:

- «продовольственная устойчивость государства», под которой понимается уровень продовольственного обеспечения страны, при котором за счёт отечественного производства и импорта продовольствия из стран, реализующих совместную аграрную политику, гарантируется физическая и экономическая доступность продовольствия в объёме не меньше его внутреннего потребления;

- «продовольственная напряжённость» – соотношение объёма импортных поставок продовольствия (с выделением поставок из стран с единой аграрной политикой и без такового) к внутреннему потреблению продовольствия.

Группу принципов обеспечения продовольственной безопасности в сфере управления предлагается дополнить принципом ведения совместной аграрной политики в рамках межгосударственных экономических союзов.

2. В дополнение к группам показателей экономической и физической доступности, устойчивого развития сельских территорий, коэффициенту продовольственной независимости, рекомендуется применять коэффициент продовольственной устойчивости, рассчитываемый по каждой продовольственной группе как отношение скорректированного на объём экспортных и импортных поставок внутреннего производства к величине потребления. Развитием авторского подхода к оценке продовольственной безопасности на основе разделения импорта продовольствия из стран, входящих и не входящих в ЕАЭС, является применение коэффициента продовольственной напряжённости, рассчитываемого как отношение импорта продовольствия (за исключением импорта из стран ЕАЭС) к объёму потребления в Российской Федерации.

3. Отличительной особенностью практики обеспечения продовольственной безопасности США является её обширная внешнеполитическая составляющая, реализация концепции «продовольственного оружия», «агросилы». Продовольственная политика стран ЕС представляет интерес, прежде всего, в кон-

тексте построения системы коллективной продовольственной безопасности. Бесспорны успехи в качественных преобразованиях своей аграрной политики, интенсивности и смелости решений по обеспечению национальной продовольственной безопасности. Обобщение практики обеспечения продовольственной безопасности по большому числу зарубежных стран свидетельствует о необходимости обширной, глубокой проработки вопросов нормативного характера. Чем более развита страна и значительнее её место в мировой экономике, тем более акценты продовольственной безопасности смещаются от обеспечения самообеспеченности к созданию условий для устойчивого, стабильного международного продовольственного обмена.

4. В основе обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации лежит сельскохозяйственное производство, величина которого в фактически действовавших ценах увеличилась с 3261,7 млрд руб. (в т.ч. 1558,2 млрд руб. по животноводству и 1703,5 млрд руб. по растениеводству) до 6110,8 млрд руб. (2833,9 млрд руб. и 3276,9 млрд руб.), т.е. на 2849,1 млрд руб. или 87,35%. Однако, динамика сельскохозяйственного производства в России в сопоставимых ценах существенно скромнее, например, по итогам 2020 г. прирост сельскохозяйственного производства составил всего 1,5%. Успехи растениеводства России сосредоточены, прежде всего, рекордными сборами зерна (с 94,2 млн т в 2011 г. до 133,4 млн т в 2020 г.), значительным увеличением сборов фруктов и ягод (с 2,9 до 4,3 млн т), семян масличных культур (с 13,1 млн т до 21,2 млн т, т.е. в 1,5 раза), но негативными тенденциями или стагнацией в производстве картофеля (сокращение производства за 10 лет на 40%), сборе овощей (с 14,7 млн т до 13,9 млн т), сахарной свеклы (с 47,6 млн т до 33,9 млн т). Животноводство России показало значительный рост в производстве скота и птицы на убой (с 7,5 до 11,2 млн т), но крайне незначительную динамику в производстве молока и молочных продуктов (с 31,6 млн т в 2011 г. до 32,2 млн т в 2020 г.). Молочное производство несколько лет не демонстрирует роста (с ежегодным производством 44,9 млрд шт.), несмотря на наличие значительных импортных поставок. Свиноводство России демонстрирует наибольшие темпы

увеличения (с 2428 до 4282 тыс. за 10 лет). Темпы роста птицеводства существенно замедлились, вплоть до 100,04% по итогам 2020 г.

5. Динамика обеспеченности внутреннего потребления различных продовольственных групп по Российской Федерации за 2011-2020 гг. преимущественно позитивна – национальные запасы зерна достаточны для обеспечения внутреннего потребления в течение почти одного года, мяса и мясных продуктов – 32 дней, молока и молочных продуктов – 17 дней, картофеля – 264 дн. и т.д. Анализ производства и внутреннего потребления основных продовольственных групп по федеральным округам выявил значительную «рассогласованность» мест производства и потребления, доказывая необходимость выравнивания продовольственной безопасности страны в региональном аспекте - основное потребление большинства продовольствия, сельскохозяйственного сырья сосредоточено в ЦФО и ПФО, не являясь при этом в ряде случаев производителями достаточного объёма сельскохозяйственной, продовольственной продукции. Самообеспеченность достигается по зерну (176,66%), мясу и мясным продуктам (100,14%), рыбе (160,7%), но разброс значений самообеспеченности в региональном разрезе характеризуется десятками и даже сотнями (по зерну) процентов. Наиболее критическая ситуация по самообеспеченности выявлена по фруктам и овощам (42,40%). Доля импортных поставок фруктов и ягод сокращается (вплоть до 49,57% в 2020 г. против 60,27% в 2011 г.), но остаётся высокой. Существенная доля импорта по-прежнему прослеживается по молоку и молочным продуктам (17,15%).

6. За счёт резкого роста производства мяса и мясных продуктов в Российской Федерации в условиях относительной стабильности внутреннего потребления по мясу и мясопродуктам в 2020 г. не только была достигнута самообеспеченность, но и выход на соответствующее рациональным нормам его потребление (в наибольшей степени в ЦФО и СЗФО). Анализ потребления продуктов питания выявил значительный разброс значений среднедушевого потребления мяса и мясопродуктов (85 кг на человека в ЦФО и 64 кг в СКФО), молока и молочных продуктов (83% от нормы в СЗФО и ПФО и 62% в ДФО), яиц и яичных

продуктов (304 шт. в год в ЮФО и 226 шт. в год на человека в СКФО) и др., что свидетельствует о высокой актуальности проработки вопросов выравнивания среднедушевого потребления.

7. Механизм обеспечения продовольственной устойчивости основывается на выделении в его структуре 4-х уровней – 1) межгосударственного (ЕАЭС), в рамках которого ЕЭК принимает решения по формированию единой аграрной политики в рамках продовольственных балансов, оценивает внутренние рынки; 2) федерального уровня, в рамках которого Правительство РФ создаёт условия для успешного функционирования таких подсистем продовольственной устойчивости государства, как социально-экономическая, производственная, организационно-управленческая, финансовая; 3) межрегионального уровня, где решаются вопросы продовольственных балансов регионов, зональной сельскохозяйственной специализации и др.; 4) регионального уровня, в компетенции субъектов которого (органы власти субъекта РФ, производители продовольствия, общественные объединения потребителей) находятся вопросы развития инфраструктуры, социального обеспечения продуктами питания и др. Среди рисков обеспечения продовольственной устойчивости государства – высокая доля импортных поставок продовольствия из Беларуси, в целом недостаточностью поставок продовольствия из стран ЕАЭС для полного решения вопросов продовольственной безопасности и устойчивости и слабость наднационального органа управления ЕАЭС.

8. Ключевая проблема продовольственного обеспечения России заключается в неравномерном развитии регионов страны в уровне продовольственной безопасности, решение которой возможно лишь при увеличении государственной поддержки сельского хозяйства. Необходимо дополнительное финансирование регионов для обеспечения достижения ими целевых показателей в продовольственной независимости. Для достижения этой цели, нами был определен коэффициент выравнивания, который рассчитывается как отношение рациональной нормы потребления к фактическому потреблению продукции. Проведенные расчеты по предложенной методике определения сумм государственной

поддержки, необходимой для выравнивания регионов по уровню продовольственной безопасности, показала, что наибольший требуемый объем субсидий сельскому хозяйству приходится на Центральный, Приволжский, Северо-Западный и Сибирский федеральные округа (36384, 22733, 19391 и 18787 млн руб. соответственно).

9. Помимо оптимистического, базового и пессимистического сценариев стратегического планирования продовольственной безопасности рекомендуется реализовывать также вероятностный сценарий, основанный на «взвешивании» вероятностей развития ситуации по оптимистическому и пессимистическому сценариям, что позволяет делать вывод о ситуации обеспечения продовольственной безопасности не только по крайним, а также средним значениям, но и по определённой совокупности промежуточных вариантов. Риски недостаточной продовольственной безопасности сохраняются по молоку и молочным продуктам, фруктам и овощам. Независимо от закладываемого сценария в перспективе ожидается достижение (и перевыполнение) пороговых значений по зерну (173,56% в оптимистическом сценарии, 146,50% в пессимистическом сценарии).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 09.01.2022).
2. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 N 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 09.01.2022).
3. Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 09.01.2022).
4. Указ Президента РФ от 13.05.2017 N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 09.01.2022).
5. Указ Президента РФ от 21.01.2020 N 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 09.01.2022).
6. Распоряжение Правительства РФ от 10.08.2019 № 1796-р «Об утверждении Долгосрочной стратегии развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 09.01.2022).
7. Распоряжение Правительства РФ от 10.02.2021 N 296-р «Об утверждении перечня показателей в сфере обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 09.01.2022).
8. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19 августа 2016 г. N 614 «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям

здорового питания». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 09.01.2022).

9. О проекте решения Совета Евразийской экономической комиссии «О проекте решения Высшего Евразийского экономического совета «О Концепции согласованной агропромышленной политики государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства»». Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 9 апреля 2013 года №66 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/H13EK000066> (Дата обращения: 09.01.2022).

10. Абдиев М.Ж. Состояние продовольственной безопасности Кыргызстана и России в рамках интеграции в ЕАЭС / М.Ж. Абдиев, Б.М. Мамытов // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2017. – №10. – С. 5-7.

11. Абдулрагимов И.А. Решение проблем продовольственной безопасности города Москвы / И.А. Абдулрагимов, А.Л. Полтарыхин, Ф.Ф. Стерликов, П.В. Михайлушкин // Вопросы экономики и права. – 2018. – № 118. – С. 61-65.

12. Аварский Н.Д. Продовольственная безопасность стран ЕАЭС: проблемы и возможности / Н.Д. Аварский, С.Н. Серегин // В сборнике: Аграрная политика России в условиях международной и региональной интеграции. Труды Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства. – 2015. – С. 24-32.

13. Алтухов А.И. Необходимость актуализации Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации / А.И. Алтухов // Экономика сельского хозяйства России. – 2016. – №1. – С. 2-11.

14. Алтухов А.И. Обеспечить продовольственную безопасность стран Содружества / А.И. Алтухов // Экономика сельского хозяйства России. – 2012. – №12. – С. 9-24.

15. Алтухов А.И. Парадигма продовольственной безопасности страны в современных условиях / А.И. Алтухов // Экономика сельского хозяйства России. – 2014. – №11. – С. 4-12.

16. Алтухов А.И. Роль и место России в обеспечении коллективной продовольственной безопасности Евразийского экономического союза / А.И. Алтухов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2017. – №2. – С. 2-8.

17. Алтухов А.И. Территориально-отраслевое разделение труда в агропромышленном производстве – основа межгосударственной интеграции в аграрной сфере экономики Евразийского экономического союза / А.И. Алтухов // Агропродовольственная политика России. – 2017. – №10(70). – С. 2-10.

18. Аникиенко В.Н. Общие теоретические аспекты продовольственной безопасности России в мировой системе / В.Н. Аникиенко // Юридический мир. – 2017. – №5. – С. 41-45.

19. Артемова Е.И. Продовольственная безопасность как составная часть экономической безопасности России / Артемова Е.И., Бурса И.А., Мельников Б.А. // Сфера услуг: инновации и качество. – 2012. – № 7. – С. 1.

20. Афанасьев Е.В. Обеспечение продовольственной безопасности регионов СФО в условиях членства России в ВТО / Е.В. Афанасьев, Н.В. Григорьев, Е.В. Рудой // Никоновские чтения. – 2013. – №18. – С. 228-230.

21. Багрецов Д.Н. Мировая продовольственная безопасность: состояние, проблемы / Д.Н. Багрецов, Б.А. Воронин, В.Ф. Ковин // Аграрный вестник Урала. – 2012. – №12(104). – 48-53.

22. Балабанов В.С. Продовольственная безопасность (международные и внутренние аспекты) / В.С. Балабанов, Е.Н. Борисенко; Рос. акад. предпринимательства. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. – 544 с.

23. Беделбаева А.Е. Обеспечение продовольственной безопасности Казахстана в условиях ЕАЭС / А.Е. Беделбаева, А.К. Шарипова, Ж.С. Досумова // Проблемы агрорынка. – 2021. – №3. – С. 24-30.

24. Безопасность Европы / Под ред. В.В. Журкина. – М.: Издательство «Весь Мир», 2011. – 752 с. – (Старый Свет – новые времена).

25. Бинатов Ю.Г. Исследование тенденций развития региональных социально-экономических систем в условиях интенсификации импортозамещения

/ Ю.Г. Бинатов, А.Н. Герасимов, Т.А. Нецадимова // В сборнике: Цифровые технологии в сельском хозяйстве: текущее состояние и перспективы развития. Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 296-300.

26. Бондарь О.О. Проблемы обеспечения продовольственной безопасности России и Краснодарского края / О.О. Бондарь // Теория и практика общественного развития. – 2010. – №1. – С. 305-312.

27. Борисенко Е.Н. Продовольственная безопасность России: проблемы и перспективы / Науч. ред. В.С. Балабанов. – М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1997. – 349 с.

28. Будущее продовольственной системы России (в оценках экспертного сообщества) / Общ. науч. ред. В.Ф. Лищенко. – М.: Экономика, 2014. – 309 с.

29. Бунина Н.Э. Региональные аспекты обеспечения продовольственной безопасности / Н.Э. Бунина, О.В. Солнцева // Экономика сельского хозяйства России. – 2021. – №10. – С. 10-15.

30. Бурханов Р.А. Обеспечение продовольственной безопасности – главная стратегическая задача агропромышленного комплекса / Р.А. Бурханов // Известия Международной академии аграрного образования. – 2013. – №17. – С. 225-228.

31. Валовая Т.Д. Роль интеграционных процессов на постсоветском пространстве в обеспечении продовольственной безопасности государств-участников ЕАЭС / Т.Д. Валовая, А.А. Усов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – №2. – С. 322-325.

32. Вартанова М.Л. Оценка уровня продовольственного обеспечения населения государств Евразийского экономического союза в период пандемии COVID-19 / М.Л. Вартанова // Естественно-гуманитарные исследования. – 2020. – №31(5). – С. 77-83.

33. Васильева Д.Ю. Импортзамещение как фактор обеспечения продовольственной безопасности Краснодарского края / Д.Ю. Васильева, А.А. Шевченко, Н.В. Фалина // Эпомен. – 2021. – №55. – С. 16-24.

34. Вертий М.В. Оценка уровня продовольственной безопасности Краснодарского края / М.В. Вертий, А.О. Смелик // Вектор экономики. – 2019. – №5(35). – С. 87.
35. Винничек Л.Б. К вопросу о проблеме продовольственной безопасности / Л.Б. Винничек, А.Г. Папцов, Е.В. Фудина // Нива Поволжья. – 2012. – № 3 (24). – С. 61-64.
36. Галищева Н.В. Продовольственная безопасность в Южной Азии: основные проблемы и пути решения / Н.В. Галищева // Вестник МГИМО Университета. – 2018. – №1(58). – С. 148-168.
37. Гальчева А. Орешкин изменил подход к экономическим прогнозам. Почему Минэкономразвития перешло на два макросценария вместо трех / А. Гальчева, И. Ткачев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/02/09/2019/5d68020c9a7947e7f6815579>. – (Дата обращения: 14.12.2021).
38. Герасимов А.Н. Диагностика региональной экономической и продовольственной безопасности / А.Н. Герасимов, О.П. Григорьева, Е.И. Капустина // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2018. – №4(48). – С. 12.
39. Глазьев С.Ю. Оценка влияния санкций и других кризисных факторов на состояние российской экономики / С.Ю. Глазьев, В.В. Архипова // Российский экономический журнал. – 2018. – № 1. – С. 3-29.
40. Глотова И.С. Обеспечение продовольственной безопасности в Евразийском экономическом союзе / И.С. Глотова // Образование, наука и производство. – 2014. – № 4 (9). – С. 62-64.
41. Государственно-правовые средства обеспечения продовольственной безопасности в России: Монография. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2012. – 200 с.
42. Джаилов Д.С. Продовольственная безопасность Кыргызстана в ЕАЭС / Д.С. Джаилов, Л.А. Мардалиева // М. Рыскулбеков атындагы Кыргыз экономикалык университетинин кабарлары. – 2019. – №1(46). – С. 243-247.

43. Ерохин В.Л. Торговля сельскохозяйственной продукцией между Китаем и странами ЕАЭС и вопросы обеспечения продовольственной безопасности / В.Л. Ерохин // Маркетинг и логистика. – 2018. – №4(18). – С. 14-32.

44. Закшевская Е.В. Зеленая экономика и продовольственная независимость как фактор роста обеспечения социально-экономической стабильности в стране / Е.В. Закшевская // В сборнике: Управление инновационным развитием агропродовольственных систем на национальном и региональном уровнях. Материалы II международной научно-практической конференции. – 2020. – С. 31-38.

45. Закшевская Е.В. Продовольственная независимость как фактор обеспечения социально-экономической стабильности в стране / Е.В. Закшевская // В сборнике: Управление инновационным развитием агропродовольственных систем на национальном и региональном уровнях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственные за выпуск: Е.В. Закшевская, Т.В. Сабетова. – 2019. – С. 47-53.

46. Закшевская Е.В. Самообеспечение страны продовольствием и факторы, влияющие на её продовольственную безопасность / Е.В. Закшевская // В сборнике: Проблемы современных экономических, правовых и естественных наук в России – синтез наук в конкурентной экономике. Сборник статей по материалам VIII Международной научно-практической конференции. Редколлегия: С.А. Колодяжный [и др.]. – 2019. – С. 24-29.

47. Иванова В.Н. Агропродовольственная политика ЕАЭС: обеспечение продовольственной безопасности / В.Н. Иванова, С.Н. Серегин // Сахар. – 2015. – №10. – С. 14-18.

48. Иванова В.Н. Основные направления реализации стратегии национальной безопасности в сфере продовольственной независимости России / В.Н. Иванова, С.Н. Серегин, А.В. Новосельцева // Пищевая промышленность. – 2016. – № 4. – С. 40-43.

49. Иванова В.Н. Рост экономики АПК ЕАЭС – императив решения проблемы продовольственной безопасности / В.Н. Иванова, С.Н. Серегин // Сахар-

ная свекла. – 2015. – №9. – С. 2-7.

50. Кайгородцев А.А. Государственное регулирование агропромышленного комплекса Казахстана как основа обеспечения национальной продовольственной безопасности / А.А. Кайгородцев // Проблемы современной экономики. – 2006. – № 3-4 (19-20). – С. 414-418.

51. Калугина З.И. Экономическая доступность продовольствия: региональные и социальные различия / З.И. Калугина // ЭКО. – 2021. – №2(560). – С. 165-175.

52. Карпенко Г.Г. Материально-техническая база агропромышленного комплекса – фактор обеспечения продовольственной безопасности / Г.Г. Карпенко, А.Б. Мельников, В.В. Шевцов // Вестник Академии знаний. – 2020. – №2(37). – С. 137-143.

53. Киселева М.А. Оценка эффекта мультипликации мер регулирования продовольственной безопасности региона / М.А. Киселева, Т.Г. Скурихина // Регион: экономика и социология. – 2008. – №4. – С. 75-83.

54. Котенев А.Д. Государственное регулирование и поддержка агропромышленного комплекса региона в контексте обеспечения продовольственной безопасности государства / А.Д. Котенев // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». – 2018. – №6. – С. 191-198.

55. Котенев А.Д. Качество жизни как важнейший показатель продовольственной безопасности государства (на примере концепции Innocenti) / А.Д. Котенев, С.И. Атмачев, Ю.А. Бурлова // Kant. – 2021. – №2(39). – С. 72-76.

56. Котенев А.Д. Обеспечение экономической безопасности государства на основе анализа балансов продовольственных ресурсов / А.Д. Котенев, Н.А. Логунова, Т.О. Глечикова // В сборнике: Гуманитарно-правовые аспекты обеспечения национальной безопасности. Материалы Международной научно-практической конференции. Ставропольский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». – Ставрополь, 2021. – С. 94-98.

57. Котенев А.Д. Применение методики проектного управления в меха-

низме государственного регулирования АПК в контексте обеспечения продовольственной безопасности / А.Д. Котенев, В.В. Евдошенко // В сборнике: Влияние новой геополитической реальности на государственное управление и развитие Российской Федерации. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией З.А. Саидова. – 2019. – С. 280-284.

58. Котенев А.Д. Проблема ресурсосбережения в обеспечении продовольственной безопасности государства / А.Д. Котенев, М.А. Кравченко, Ю.В. Жикривецкая // Kant. – 2019. – №3(32). – С. 308-312.

59. Котенев А.Д. Проблемы функционирования субъектов рынка АПК в рамках обеспечения продовольственной безопасности государства / А.Д. Котенев, В.И. Трысячный, В.В. Евдошенко, Н.Н. Крыжевская // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2018. – №1(60). – С. 328-330.

60. Котенев А.Д. Продовольственная безопасность государства в условиях современных вызовов / А.Д. Котенев, Н.Р. Гоцкая, Е.А. Петрова, О.Н. Алексеева // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Т. 10. – №7-1. – С. 73-82.

61. Котенев А.Д. Реализация политики импортозамещения в контексте обеспечения продовольственной безопасности государства / А.Д. Котенев // В сборнике: Актуальные вопросы науки. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. Ю.П. Грабоздин (отв. редактор). – 2018. – С. 40-42.

62. Котенев А.Д. Реализация политики импортозамещения как основа обеспечения продовольственной независимости России / А.Д. Котенев, Ю.В. Жикривецкая, В.В. Евдошенко, Н.Н. Крыжевская // Финансовая экономика. – 2019. – №4. – С. 266-269.

63. Котенев А.Д. Стратегические приоритеты обеспечения продовольственной безопасности в условиях негативных экзогенных воздействий / А.Д. Котенев, Ю.В. Жикривецкая, В.В. Евдошенко, Н.Н. Крыжевская // Kant. – 2018. – №2(27). – С. 304-308.

64. Котенев А.Д. Угрозы продовольственной безопасности государства в условиях современных вызовов / А.Д. Котенев // В сборнике: Эффективное противодействие преступности в условиях глобализации: проблемы и перспективы. Материалы XXIV Международной научно-практической конференции. Редколлегия: Д.М. Берова [и др.]. – 2020. – С. 189-196.

65. Котенев А.Д. Экономическая безопасность государства в условиях реализации политики импортозамещения: продовольственный аспект / А.Д. Котенев, Ю.В. Жикривецкая, Ю.Р. Джавадян, Т.И. Джелали // Управленческий учёт. – 2021. – №4-2. – С. 246-254.

66. Коток Н.Ю. Влияние импортозамещения в сельскохозяйственном машиностроении на продовольственную безопасность страны // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2021. – №92. – С. 44-51.

67. Коток Н.Ю. Дифференциация регионов России по уровню продовольственного самообеспечения / Н.Ю. Коток // Экономический обзор. – 2020. – № 9-10 (9). – С. 7-10.

68. Коток Н.Ю. Зарубежный опыт развития стратегий импортозамещения: выводы для России / Н.Ю. Коток // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 12 (166). – С. 91-97.

69. Коток Н.Ю. Институциональные основы развития отечественного АПК и обеспечения продовольственной безопасности региона / Н.Ю. Коток, А.Б. Мельников, М.В. Вертий // Институциональные тренды трансформации социально-экономической системы в условиях глобальной нестабильности. Материалы V международной научно-практической конференции. – 2021. – С. 355-362.

70. Коток Н.Ю. Критерии, угрозы и риски обеспечения продовольственной безопасности РФ / Н.Ю. Коток, А.Б. Мельников // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2021. – №6.

71. Коток Н.Ю. Методические основы выравнивания субъектов РФ по уровню продовольственной безопасности / Н.Ю. Коток // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – №11-2. – С. 170-175.

72. Коток Н.Ю. Обеспечение физической и экономической доступности продовольствия в России / Н.Ю. Коток, М.Ю. Шевкуненко, Д.А. Белоус // В сборнике: Современное состояние и перспективы обеспечения экономической безопасности России. Материалы III Национальной научно-практической конференции. – Краснодар, 2021. – С. 183-186.

73. Коток Н.Ю. Оценка уровня продовольственной безопасности в мире / Н.Ю. Коток, А.Б. Мельников, П.В. Михайлушкин // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2021. – № 1(379). – С. 4-6.

74. Коток Н.Ю. Оценка уровня продовольственной безопасности Краснодарского края как инструмент идентификации рисков в условиях глобальных вызовов // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – №12.

75. Коток Н.Ю. Применение вероятностного подхода в стратегическом планировании продовольственной безопасности России / Н.Ю. Коток // Экономика и предпринимательство. – 2021. – №10. – С. 124-128.

76. Коток Н.Ю. Приоритетные направления обеспечения продовольственной безопасности региона / Н.Ю. Коток, А.Б. Мельников // В сборнике: Институциональная трансформация социально-экономической системы России: приоритеты и перспективы. Материалы IV международной научно-практической конференции, текстовое электронное издание. – 2020. – С. 289-293.

77. Коток Н.Ю. Продовольственная самообеспеченность как вектор экономического развития Южного федерального округа / Н.Ю. Коток, Н.В. Иванцов, В.И. Романько // В сборнике: Современное состояние и перспективы обеспечения экономической безопасности России. Материалы III Национальной научно-практической конференции. – Краснодар, 2021. – С. 39-43.

78. Коток Н.Ю. Реализация согласованной аграрной политики как условие коллективной и национальной продовольственной безопасности стран-участников ЕАЭС / Н.Ю. Коток // Экономика и предпринимательство. – 2021. – №10. – С. 86-90.

79. Коток Н.Ю. Стратегические аспекты импортозамещения в Красно-

дарском крае / Н.Ю. Коток, М.Ю. Шевкуненко, Д.Э. Василю, Д.А. Костенко // В сборнике: Институциональная трансформация социально-экономической системы России: приоритеты и перспективы. Материалы IV международной научно-практической конференции, текстовое электронное издание. – 2020. – С. 470-474.

80. Коток Н.Ю. Теоретические аспекты обеспечения продовольственной безопасности России / Н.Ю. Коток, А.Б. Мельников // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2020. – № 85. – С. 30-36.

81. Коток Н.Ю. Экономическая безопасность России: угрозы и особенности обеспечения / Н.Ю. Коток, В.И. Трысячный // В сборнике: Факторы экономического роста: мировые тренды и российские реалии. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции молодых ученых, посвященной памяти чл.-корр. РАСХН А.А. Семенова. – 2017. – С. 420-426.

82. Коток Н.Ю. Экономическая и продовольственная безопасность региона (Краснодарский край): глобальные вызовы и угрозы / Н.Ю. Коток, Я.О. Беловол // В сборнике: Институциональные тренды трансформации социально-экономической системы в условиях глобальной нестабильности. Материалы V международной научно-практической конференции. Краснодар, 2021. – С. 48-54.

83. Ксенофонтов М.Ю. Возможности и ограничения использования опыта ЕС в контексте разработки политики коллективной продовольственной безопасности ЕАЭС / М.Ю. Ксенофонтов, Д.А. Ползиков, А.В. Урус // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2020. – №18. – С. 296-315.

84. Ксенофонтов М.Ю. Методологические аспекты разработки концепции коллективной продовольственной безопасности в ЕАЭС / М.Ю. Ксенофонтов, Д.А. Ползиков // Проблемы прогнозирования. – 2020. – №5(182). – С. 153-164.

85. Липатова Л.Н. Региональный опыт обеспечения продовольственной

безопасности / Л.Н. Липатова, Л.А. Абелова, Н.Н. Китайкина // Вестник Казанского государственного аграрного университета. – 2020. – Т. 15. – №4(60). – С. 121-126.

86. Лисицын А.Б. От продовольственной безопасности к безопасности и качеству продовольствия / А.Б. Лисицын, И.М. Чернуха, О.И. Лунина // Пищевая промышленность. – 2021. – №2. – С. 8-14.

87. Лисковецкая Т.П. Оценка продовольственной безопасности в системе мониторинга целей устойчивого развития в Российской Федерации / Т.П. Лисковецкая, Р.Г. Мальсагова // Региональная экономика: теория и практика. – 2021. – Т. 19. – №1(484). – С. 72-92.

88. Лоскутов Н.В. Итоги выполнения Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации в Краснодарском крае / Н.В. Лоскутов // Животноводство Юга России. – 2017. – №1(19). – С. 21-27.

89. Малая Т.Н. Проблемы обеспечения национальной продовольственной безопасности при формировании единого экономического пространства в странах ЕС и ЕАЭС / Т.Н. Малая, А.Ф. Малый // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2017. – №1. – С. 143-146.

90. Малов А.В. Продовольственный суверенитет: политическая концепция, общественное движение и контр-гегемонистский дискурс XXI века / А.В. Малов // Государственное управление. Электронный вестник. – 2017. – №65. – С. 221-246.

91. Маханько Г.В. Повышение конкурентоспособности аграрной сферы экономики Краснодарского края как фактор его экономической и продовольственной безопасности в условиях экономических санкций / Г.В. Маханько // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – № 117. – С. 736-755.

92. Мезенчук И.Г. Продовольственная безопасность курортного региона / И.Г. Мезенчук // Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. – 2016. – №21(26). – С. 73-78.

93. Мельников А.Б. Инновационные аспекты обеспечения продоволь-

ственной безопасности России в условиях глобализации мировой экономики / А.Б. Мельников, И.В. Снимщикова, Л.Ю. Питерская // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 3. – С. 258-263.

94. Мельников А.Б. Продовольственная безопасность – основа обеспечения экономической безопасности России / А.Б. Мельников, Е.И. Артемова, И.А. Бурса, Б.А. Мельников // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2012. – № 3. – С. 189-194.

95. Мельников А.Б. Формирование концепции продовольственной безопасности России / А.Б. Мельников, В.В. Сидоренко, И.В. Снимщикова, П.В. Михайлушкин // Экономика сельского хозяйства России. – 2016. – №12. – С. 2-7.

96. Мельников Б.А. Агропромышленный комплекс и его роль в обеспечении национальной продовольственной безопасности / Б.А. Мельников // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2017. – № 128. – С. 1350-1361.

97. Мешечкина Р.П. Продовольственная безопасность ЕАЭС и роль России в её обеспечении / Р.П. Мешечкина // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2015. – №3(55). – С. 79-85.

98. Михайлушкин П.В. Эффекты от продуктовых санкций в контексте стратегического развития АПК / П.В. Михайлушкин, Д.М. Пресняков // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 72-й научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2016 г. – 2017. – С. 593-594.

99. Мохов А.Ю. Правовые проблемы обеспечения коллективной продовольственной безопасности Евразийского экономического союза / А.Ю. Мохов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – №2(133). – С. 261-268.

100. Муза Ю.А. Продовольственная безопасность: проблемы и пути решения / Ю.А. Муза, А.А. Сдобяноква, А.П. Федосеева, А.Л. Полтарыхин // В сборнике: Аграрная экономика и импортозамещение: проблемы, перспективы и

векторы развития. Сборник статей по материалам международной студенческой научной конференции, посвященной памяти профессоров экономического факультета Кубанского ГАУ: Т.Е. Малофеева, С.С. Легкоступа. Ответственный за выпуск А.С. Усенко. – 2018. – С. 121-129.

101. Мусабаева С.С. Вопросы агропромышленного комплекса стран Евразийского экономического союза / С.С. Мусабаева // Экономика и предпринимательство. – 2017. – №9-4(86). – С. 31-33.

102. Мясникович М.В. Интеллектуальный капитал - важнейшая составляющая национальной безопасности Республики Беларусь / М.В. Мясникович // Проблемы управления (Минск). – 2006. – № 4 (21). – С. 20-22.

103. Национальная экономика: обеспечение продовольственной безопасности в условиях интеграции и глобализации: Монография / Под ред. акад. Э.Н. Крылатых, проф. В.З. Мазлоева. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 238 с. – (Научная мысль).

104. Нечаев В.И. Госпрограмма развития сельского хозяйства Краснодарского края как элемент продовольственной безопасности России / В.И. Нечаев, И.В. Ворошилова, Д.Х. Хатуов, А.В. Чемеричко, С.Д. Фетисов, Н.Р. Сайфетдинова // В сборнике: Стратегия обеспечения экономической безопасности России. Сборник материалов международной научно-практической конференции. – 2009. – С. 381-396.

105. Нечаев В.И. Государственное регулирование агропродовольственного рынка – основа продовольственной безопасности России / В.И. Нечаев, Д.Х. Хатуов, С.Д. Фетисов, А.В. Чемеричко // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2009. – № 19. – С. 7-12.

106. Оболенцев И.А. Продовольственная безопасность России: ещё один взгляд по проблеме / И.А. Оболенцев, М.Я. Корнилов, М.И. Синюков. – М.: Изд-во РАГС, 2006. – 218 с.

107. Осадчая Г.И. Проблемы обеспечения продовольственной безопасности в ЕАЭС и пути их решения / Г.И. Осадчая, М.Л. Вартанова // Экономические отношения. – 2018. – Т. 8. – №3. – С. 363-380.

108. Остапенко Т.В. Факторы развития межрегионального обмена продовольствием в Евразийском экономическом союзе / Т.В. Остапенко // Научное обозрение: теория и практика. – 2015. – №4. – С. 163-167.

109. Папело В.Н. Продовольственная безопасность России: современное состояние и механизмы обеспечения. Учеб. пособие / В.Н. Папело, А.Н. Радчиков, П.В. Скурихин. – Новосибирск: СибАГС, 2000. – 232 с.

110. Папцов А.Г. Анализ мировых рынков сельскохозяйственной продукции и возможности наращивания экспорта России с учетом обеспечения продовольственной безопасности / А.Г. Папцов, А.В. Колесников // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2021. – № 9 (78). – С. 4-20.

111. Папцов А.Г. Влияние климатических изменений на обеспечение мировой продовольственной безопасности / А.Г. Папцов // В сборнике: Научно-технологические инновации в земельно-имущественном комплексе России как фактор повышения эффективности АПК. Материалы Конгресса Общероссийской общественной организации «Российское общественное объединение экономистов-аграрников». – 2018. – С. 115-119.

112. Папцов А.Г. Направления обеспечения глобальной продовольственной безопасности / А.Г. Папцов // АПК: Экономика, управление. 2015. № 10. С. 103-107.

113. Папцов А.Г. Проблемы обеспечения продовольственной безопасности в контексте глобального партнерства / А.Г. Папцов // В сборнике: Современные направления в агроэкономической науке Тимирязевки. Научное издание. – Москва, 2017. – С. 338-343.

114. Папцов А.Г. Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство: последствия для аграрного рынка и меры противодействия угрозам для России и государств ЕАЭС / А.Г. Папцов, И.С. Глотова // Агропродовольственная политика России. – 2016. – № 4 (52). – С. 2-7.

115. Папцов А.Г. Экономическая оценка влияния производства биотоплива на продовольственную безопасность / А.Г. Папцов, В.И. Тарасов // Аграрное и земельное право. – 2009. – № 3 (51). – С. 53-59.

116. Повышение устойчивости продовольственной безопасности России в условиях глобализации мировой экономики (на примере Московского региона): монография / Г.М. Казиахмедов [и др.]; Московский университет МВД России, Фонд содействия правоохран. органам «Закон и право». – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2005. – 128 с.

117. Ползиков Д.А. Продовольственная безопасность России и углубление интеграции в рамках ЕАЭС / Д.А. Ползиков // Островские чтения. – 2019. – №1. – С. 95-100.

118. Полтарыхин А.Л. Продовольственная безопасность России в условиях введения санкций / А.Л. Полтарыхин // Вестник Академии. – 2015. – № 1. – С. 33-38.

119. Полтарыхин А.Л. Пути решения проблемы продовольственной безопасности Российской Федерации / А.Л. Полтарыхин // В сборнике: Перспективные научные исследования и разработки в кооперативном секторе экономики. материалы Международной научно-практической конференции в рамках ежегодных Чайновских чтений: в 2-х частях. – 2015. – С. 34-41.

120. Полтарыхин А.Л. Управленческие аспекты решения проблемы продовольственной безопасности в г. Москве / А.Л. Полтарыхин // Вестник Академии. – 2018. – № 1. – С. 27-31.

121. Полтарыхин А.Л. Эффективность решения проблемы продовольственной безопасности страны в условиях введения экономических санкций / А.Л. Полтарыхин // Управленческие науки в современном мире. – 2015. – Т. 2. – № 1. – С. 288-294.

122. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.ru/>. – (Дата обращения: 14.12.2021).

123. Решетникова Е.Г. Условия достижения критериев продовольственной безопасности в период нового глобального вызова / Е.Г. Решетникова // Вестник НГИЭИ. – 2021. – №1. – С. 105-114.

124. Родионова Н.В. Рурализация экономики России в контексте пробле-

мы продовольственной безопасности / Н.В. Родионова // Агропродовольственная политика России. – 2019. – №3-4(87-88). – С. 9-16.

125. Садыков Р.М. Обеспечение продовольственной безопасности как фактор социальной устойчивости сельских территорий / Р.М. Садыков // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2016. – №2. – С. 107-113.

126. Садыков Р.М. Социальная устойчивость сельских территорий на основе обеспечения продовольственной безопасности / Р.М. Садыков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3-4. – С. 689-692.

127. Самигуллин Э.В. Обеспечение продовольственной безопасности Кыргызской Республики в условиях ЕАЭС / Э.В. Самигуллин, Б.К. Алымсеитова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2017. – №10. – С. 5-7.

128. Серков А.Ф. Обеспечение продовольственной безопасности страны в условиях экономического кризиса / А.Ф. Серков, В.Ф. Виноградова, В.С. Чекалин, А.В. Масленников // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2009. – № 12. – С. 9-11.

129. Сидоренко О.В. Развитие зернопродуктового подкомплекса стран Евразийского экономического союза в формате обеспечения коллективной продовольственной безопасности / О.В. Сидоренко // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – Т. 11. – №1(286). – С. 21-30.

130. Снимщикова И.В. Продовольственное эмбарго как фактор самообеспеченности РФ / И.В. Снимщикова, Ю.А. Чугаева, Н. И. Вахрушева // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 75-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2019 год. Отв. за выпуск А.Г. Кощяев. – 2020. – С. 18-20.

131. Стадник А.Т. Концептуальные основы совершенствования взаимодействия субъектов системы продовольственного обеспечения промышленного региона / А.Т. Стадник, С.А. Шелковников, Э.М. Лубкова // АПК: Экономика, управление. – 2021. – №1. – С. 43-48.

132. Сулейманов М.В. Экономическая безопасность регионов как основа

безопасности страны / М.В. Сулейманов // Право и безопасность. – 2009. – № 4. – С. 67-70.

133. Суханова И.Ф. Импортзамещение как основа достижения продовольственной безопасности страны / И.Ф. Суханова, М.Ю. Лявина // Аграрный научный журнал. – 2015. – № 3. – С. 93-99.

134. Суханова И.Ф. Обеспечение продовольственной безопасности в рамках реализации политики импортзамещения / И.Ф. Суханова, М.Ю. Лявина // Научное обозрение: теория и практика. – 2015. – № 4. – С. 68-78.

135. Суханова И.Ф. Продовольственная помощь как инструмент реализации политики импортзамещения продовольствия / И.Ф. Суханова, М.Ю. Лявина // Научное обозрение: теория и практика. – 2016. – № 5. – С. 17-25.

136. Суханова И.Ф. Пути снижения зависимости производства и потребления продовольственной продукции от импорта промежуточных товаров и технологий / И.Ф. Суханова // В сборнике: Проблемы и перспективы инновационного развития мирового сельского хозяйства. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. ФГБОУ ВО Саратовский государственный аграрный университет; Под редакцией И.Ф. Сухановой. – 2016. – С. 264-271.

137. Суханова И.Ф. Региональные проблемы импортзамещения и формирование экспортного продовольственного потенциала в агропромышленном комплексе на региональном уровне / И.Ф. Суханова // В сборнике: Комплексное развитие сельских территорий и инновационные технологии в агропромышленном комплексе. материалы II международной очно-заочной научно-методической и практической конференции. – 2016. – С. 155-159.

138. Суханова И.Ф. Россия на мировом рынке продовольствия: реалии и перспективы / И.Ф. Суханова, М.Ю. Лявина, А.В. Перебинос // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова. – 2012. – № 8. – С. 88-94.

139. Суханова И.Ф. Формирование интеграционной инфраструктуры как основа реализации политики импортзамещения в рамках приграничного сотрудничества регионов России и Казахстана / И.Ф. Суханова, Е.И. Севостьяно-

ва / Аграрный научный журнал. – 2016. – № 2. – С. 96-100.

140. Суханова И.Ф. Формирование экспортного потенциала в контексте достижения продовольственной безопасности на национальном и региональном уровне / И.Ф. Суханова, М.Ю. Лявина // Островские чтения. – 2016. – №1. – С. 440-446.

141. Таранов П.М. Развитие общего агропродовольственного рынка Евразийского экономического союза / П.М. Таранов, А.С. Панасюк, А.В. Бочка // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2018. – Т. 2. – №8. – С. 41-48.

142. Таранов П.М. Теоретико-методологические основы защиты продовольственного рынка: монография / П.М. Таранов, А.С. Панасюк. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. – 83 с.

143. Тарасов В.И. Взаимосвязь социально-экономических категорий «продовольственная безопасность» и «продовольственная независимость» государств в условиях региональной интеграции / В.И. Тарасов, И.С. Глотова // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2015. – №2. – С. 50-54.

144. Терёшкина А.В. Роль России в обеспечении глобальной продовольственной безопасности / А.В. Терёшкина // Проблемы современной науки и образования. – 2014. – №7(25). – С. 60-62.

145. Титаев В.Н. Аграрная политика и продовольственная безопасность: учеб. пособие. – Саратов: Поволжский институт им. П.А. Столыпина, 2011. – 108 с.

146. Трубилин, А.И. Интенсификация – основа развития сельской экономики России / А.И. Трубилин, А.Б. Мельников, П.В. Михайлушкин, В.В. Сидоренко // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2018. – № 1. – С. 14-19.

147. Трубилин А.И. Концепция продовольственной безопасности России / А.И. Трубилин, А.Б. Мельников, П.В. Михайлушкин // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2019. – №3. – С. 31-34.

148. Трысячный В.И. Моделирование эффективности государственной

поддержки регионального АПК в контексте обеспечения продовольственной безопасности / В.И. Трысячный, Б.А. Мельников, П.Н. Широков // Финансовая экономика. – 2020. – №12. – С. 190-193.

149. Узун В.Я. Продовольственная безопасность в условиях пандемии: риски и меры по их снижению / В.Я. Узун // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2020. – Т. 223. – № 3. – С. 502-514.

150. Усенко Л.Н. Продовольственная безопасность как фактор продовольственного обеспечения России / Л.Н. Усенко // В сборнике: Продовольственное обеспечение регионов Российской Федерации: теория, методология, практика. материалы Международного круглого стола. – 2010. – С. 42-48.

151. Усенко Л.Н. Продовольственная безопасность как фактор экономической безопасности России: преодоление кризисных явлений / Л.Н. Усенко // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2009. – Т. 114. – С. 93-102.

152. Усенко Л.Н. Продовольственная безопасность России: вызовы и механизмы реализации / Л.Н. Усенко // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2014. – Т. 187. – С. 198-203.

153. Усенко Л.Н. Роль государственной поддержки в реализации потенциала российского АПК и обеспечении продовольственной безопасности / Л.Н. Усенко // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2017. – Т. 203. – №1. – С. 255-267.

154. Усенко Л.Н. Роль Южного федерального округа в обеспечении продовольственной безопасности страны / Л.Н. Усенко / Никоновские чтения. – 2014. – №19. – С. 90-92.

155. Усов А.А. Особенности обеспечения продовольственной безопасности в ЕАЭС / А.А. Усов // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2015. – №2(45). – С. 136-141.

156. Ушачёв И.Г. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации нуждается в совершенствовании / И.Г. Ушачёв, А.Ф. Серков, В.С. Чекалин, В.И. Тарасов, Н.Д. Аварский, Л.В. Бондаренко // АПК: Экономика,

управление. – 2015. – № 9. – С. 3-12.

157. Ушачёв И.Г. Проблемы национальной и коллективной продовольственной безопасности в условиях глобализации / И.Г. Ушачёв // Нормирование и оплата труда в сельском хозяйстве. – 2016. – №10. – С. 27-35.

158. Ушачёв И.Г. Проблемы обеспечения национальной и коллективной продовольственной безопасности в ЕАЭС / И.Г. Ушачёв, А.Ф. Серков, А.Г. Папцов, В.И. Тарасов, В.С. Чекалин // АПК: Экономика, управление. – 2014. – №10. – С. 3-15.

159. Ушачёв И.Г. Проблемы обеспечения национальной и коллективной продовольственной безопасности в условиях международной и региональной интеграции / И.Г. Ушачёв // Сельскохозяйственные машины и технологии. – 2014. – №5. – С. 7-11.

160. Ушачёв И.Г. Продовольственная безопасность – объективная необходимость / И.Г. Ушачёв, А.И. Алтухов, А.Ф. Серков, С.М. Сухов, В.И. Нечаев // Экономика сельского хозяйства России. – 2008. – № 7. – С. 44-54.

161. Франциско О.Ю. Продовольственная безопасность в системе экономической безопасности региона (по материалам Краснодарского края) / О.Ю. Франциско // Вестник науки и образования Северо-Запада России. – 2015. – Т. 1. – №2. – С. 254-259.

162. Харламов А.В. Инструменты стимулирования инновационного развития экономики в условиях кризиса / А.В. Харламов // Экономика и управление. – 2009. – № 10 (48). – С. 26-29.

163. Холодова М.А. Региональные аспекты обеспечения продовольственной безопасности / М.А. Холодова // Никоновские чтения. – 2019. – №24. – С. 219-222.

164. Чекалин В.С. Импортзамещение без стратегии: влияние на развитие АПК России / Чекалин В.С. // Экономика сельского хозяйства России. – 2015. – № 10. – С. 11-14.

165. Шагайда Н.И. Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы / Н.И. Шагайда, В.Я. Узун. – М.: Издательский дом

«Дело» РАНХиГС, 2015. – 110 с. – (Научные доклады: экономика).

166. Шевкуненко М.Ю. Минимизация импортозависимости сельскохозяйственной продукции как фактор обеспечения продовольственной безопасности России / М.Ю. Шевкуненко, А.А. Шевченко // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2020. – № 82. – С. 50-52.

167. Шевченко А.И. Сельскохозяйственная отрасль как основа продовольственной безопасности Краснодарского края / А.И. Шевченко, К.И. Шевченко // Экономика: экономика и сельское хозяйство. – 2016. – №3(11). – С. 5.

168. Шелковников С.А. Продовольственное обеспечение населения промышленного региона: особенности и условия / С.А. Шелковников, Э.М. Лубкова // В сборнике: Продовольственная безопасность: проблемы и пути решения. Сборник статей по материалам XVI Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2021. – С. 67-72.

169. Экономическая безопасность: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Юриспруденция», «Экономика» / под ред. В.Б. Мантусова, Н.Д. Эриашвили. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 567 с.

170. <https://customs.gov.ru/> – Федеральная таможенная служба [Электронный ресурс]. – (Дата обращения: 09.01.2022).

171. <https://eec.eaeunion.org/> – Сайт ЕЭК ЕАЭС [Электронный ресурс]. – (Дата обращения: 09.01.2022).

172. <https://impact.economist.com/sustainability/project/food-security-index/> – Сайт «Глобального индекса продовольственной безопасности» [Электронный ресурс]. – (Дата обращения: 09.01.2022).

173. <https://rosstat.gov.ru/> – Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – (Дата обращения: 09.01.2022).

174. <https://www.fao.org/home/en/> – Сайт «Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединённых наций» [Электронный ресурс]. – (Дата обращения: 09.01.2022).

175. Dudnikova E.V. Features and consequences of food import substitution in

Russia / E.B. Dudnikova, I.F. Sukhanova, M.Yu. Lyavina, S.V. Bulgakov, E.B. Kalinichenko // *Amazonia Investiga*. – 2019. – T. 8. – № 21. – C. 656-666.

176. Muzalev S.V. Food security of Russia: problems and perspectives of sustainable development / S.V. Muzalev, K.Y. Reshetov // *Studies in Systems, Decision and Control*. – 2020. – T. 282. – C. 495-502.

177. Rusliyadi M. Analysis of household food security policy: case of food security village programme, Indonesia / M. Rusliyadi, A.B.H.M. Jamil, R.T. Kumalasarri // *Asian Journal of Agriculture and Rural Development*. – 2019. – T. 9. – № 1. – C. 19-32.

178. Sharapova V.M. Agri-food market of Russia in the food security system / V.M. Sharapova, N.V. Sharapova // *Espacios*. – 2021. – T. 42. – № 8. – C. 140-147.

179. Veselovsky M.Y. Role of wholesale market in ensuring Russian food safety under conditions of innovative economy / M.Y. Veselovsky, S.U. Nuraliev, A.V. Fedotov, I.S. Sandu, N.D. Avarskiy // *Journal of Applied Economic Sciences*. – 2015. – T. 10. – № 3. – C. 417-425.

180. Wegren S.K. Food security in the Russian Federation / S.K. Wegren // *Eurasian Geography and Economics*. – 2013. – T. 54. – № 1. – C. 22-41.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Республика Адыгея	77,74	65,30	114,19	93,71	118,89	86,42
Республика Калмыкия	15,17	47,76	4,82	204,27	85,09	24,39
Республика Крым	37,48	60,11	120,95	107,55	64,96	58,54
Краснодарский край	70,63	112,62	65,96	83,11	104,43	76,84
Астраханская область	182,31	501,99	25,07	44,21	84,64	160,10
Волгоградская область	63,28	240,98	73,13	76,75	106,33	99,14
Ростовская область	86,13	89,38	35,85	59,34	98,86	115,90
г. Севастополь	5,33	6,63	84,75	1,37	4,04	2,83
Республика Дагестан	105,99	194,57	68,58	96,33	101,61	43,49
Республика Ингушетия	44,08	9,74	81,58	14,98	96,22	25,13
Кабардино-Балкарская Республика	87,29	113,82	407,15	126,67	140,41	93,93
Карачаево-Черкесская Республика	90,67	117,72	68,50	122,40	162,47	76,94
Республика Северная Осетия-Алания	66,09	39,09	98,28	55,40	111,78	35,53
Чеченская Республика	24,68	38,67	25,00	25,13	80,82	38,11
Ставропольский край	88,65	88,82	63,29	179,92	86,69	74,67
Республика Башкортостан	92,20	80,97	35,97	90,48	109,05	79,33
Республика Марий Эл	128,25	126,65	87,46	411,30	99,11	109,47
Республика Мордовия	107,00	118,51	76,77	399,53	198,95	405,97
Республика Татарстан	97,36	78,83	40,56	111,50	120,17	111,82
Удмуртская Республика	104,83	66,60	23,32	123,15	169,51	214,04
Чувашская Республика	92,30	96,92	62,31	92,56	124,04	89,07
Пермский край	92,80	58,97	27,13	40,69	81,47	208,44
Кировская область	84,06	48,08	31,66	62,18	183,97	155,94
Нижегородская область	110,15	64,27	38,60	47,43	79,10	133,23
Оренбургская область	84,24	159,49	51,63	99,41	96,08	155,53
Пензенская область	82,79	85,96	48,47	313,28	124,02	74,26
Самарская область	70,95	85,56	42,86	51,96	56,18	10,27

Саратовская область	55,04	105,41	53,51	79,40	109,19	118,74
Ульяновская область	87,36	95,57	39,75	55,99	78,26	61,62
Курганская область	84,85	76,04	32,67	82,64	89,79	42,44
Свердловская область	95,68	41,11	20,46	58,70	73,34	101,08
Тюменская область	88,91	47,90	13,91	63,76	82,94	140,17
Челябинская область	85,20	46,36	22,75	142,42	59,74	130,16
Республика Алтай	51,52	28,33	25,00	115,79	110,30	19,19
Республика Тыва	65,74	26,28	4,23	59,11	99,85	16,97
Республика Хакасия	87,44	58,48	34,13	57,53	89,88	62,67
Алтайский край	94,95	76,37	16,45	133,31	158,54	130,38
Красноярский край	101,66	51,24	13,32	58,69	90,35	107,12
Иркутская область	91,21	54,80	10,04	62,39	86,82	156,60
Кемеровская область	111,43	55,49	26,94	39,12	52,73	151,42
Новосибирская область	77,38	44,59	8,14	85,93	91,05	129,34
Омская область	83,01	55,96	28,40	102,43	109,20	113,86
Томская область	58,70	49,66	9,14	158,37	49,78	40,29
Республика Бурятия	101,21	56,91	7,95	61,39	54,05	46,15
Республика Саха (Якутия)	60,96	37,82	1,27	26,42	56,73	56,09
Забайкальский край	67,63	24,62	2,77	65,83	98,06	32,83
Камчатский край	92,33	35,51	9,25	28,45	48,31	78,48
Приморский край	74,04	47,26	10,12	15,27	38,94	49,80
Хабаровский край	61,93	23,42	8,75	9,55	8,64	81,59
Амурская область	96,44	40,08	7,32	74,61	79,91	70,28
Магаданская область	71,56	36,36	2,70	4,39	17,17	79,45
Сахалинская область	95,04	66,39	7,74	22,27	64,14	91,93
Еврейская автономная область	84,18	24,24	24,29	14,12	28,06	40,51
Чукотский автономный округ	4,55	16,67	0,00	22,73	0,00	62,92

Коэффициенты выравнивания по субъектам РФ [173]

Субъект РФ	Картофель	Овощи и бахчевые	Фрукты и ягоды	Мясо и мясные продукты	Молоко и молочные продукты	Яйца
Белгородская область	1,09	1,27	1,13	0,96	1,16	0,96
Брянская область	1,32	1,30	1,35	0,85	1,15	1,08
Владимирская область	1,56	1,38	1,39	0,98	1,10	0,98
Воронежская область	1,50	1,19	1,23	0,96	1,15	0,95
Ивановская область	1,53	1,39	1,35	1,04	1,28	1,06
Калужская область	1,34	1,26	1,42	1,04	1,27	1,15
Костромская область	1,39	1,37	1,34	1,03	1,21	1,04
Курская область	1,11	1,23	1,37	0,99	1,11	1,19
Липецкая область	1,38	1,30	1,43	0,97	1,38	1,07
Московская область	1,62	1,34	1,38	0,96	1,04	0,96
Орловская область	1,48	1,53	1,40	0,93	1,26	1,03
Рязанская область	1,41	1,39	1,58	1,08	1,41	0,95
Смоленская область	1,15	1,36	1,51	1,19	1,00	0,93
Тамбовская область	1,56	1,66	1,73	0,69	1,35	1,41
Тверская область	1,48	1,31	1,36	1,23	1,23	1,02
Тульская область	1,61	1,24	1,29	0,90	1,17	1,09
Ярославская область	1,58	1,56	1,37	0,82	1,10	1,03
г. Москва	2,10	1,35	1,13	1,04	1,12	1,08
Республика Карелия	1,44	1,49	1,25	0,95	1,09	0,91
Республика Коми	2,03	1,55	1,33	1,16	1,17	1,20
Архангельская область	1,75	1,45	1,18	1,04	1,22	1,05
Вологодская область	1,56	1,27	1,11	1,05	0,93	1,04
Калининградская область	1,25	1,46	1,67	0,89	1,22	1,03
Ленинградская область	1,47	1,47	1,74	0,96	1,11	1,22
Мурманская область	1,88	1,50	1,14	1,08	1,15	1,06
Новгородская область	1,79	1,71	1,76	0,98	1,17	1,00
Псковская область	1,62	1,59	1,62	1,06	1,21	1,06
г. Санкт-Петербург	1,86	1,21	1,12	1,10	1,02	1,12

Республика Адыгея	1,75	1,20	1,11	1,04	1,13	1,07
Республика Калмыкия	2,42	1,59	2,12	1,15	1,66	1,47
Республика Крым	1,64	1,10	1,50	1,23	1,28	1,27
Краснодарский край	1,82	1,20	1,29	0,97	1,22	1,00
Астраханская область	1,93	1,12	1,20	0,91	1,30	0,99
Волгоградская область	1,66	1,19	1,34	0,95	1,28	1,11
Ростовская область	1,49	1,02	1,28	0,94	1,16	0,90
г. Севастополь	1,88	1,05	0,91	1,01	1,14	1,28
Республика Дагестан	0,98	0,90	0,81	1,05	0,91	1,00
Республика Ингушетия	1,20	0,95	1,23	0,92	0,98	1,20
Кабардино-Балкарская Республика	1,87	1,17	1,34	1,06	1,20	1,49
Карачаево-Черкесская Республика	1,47	1,41	1,49	1,45	1,19	1,36
Республика Северная Осетия-Алания	1,50	1,07	1,31	1,39	1,19	1,19
Чеченская Республика	1,20	1,41	1,17	1,33	0,86	1,20
Ставропольский край	1,67	1,30	1,51	1,19	1,57	1,17
Республика Башкортостан	1,74	1,50	1,22	0,93	1,18	1,06
Республика Марий Эл	1,70	1,59	1,57	1,24	1,63	1,22
Республика Мордовия	2,22	1,55	1,53	0,99	1,09	1,02
Республика Татарстан	1,28	1,47	1,19	1,24	1,16	1,15
Удмуртская Республика	1,50	1,33	1,15	1,35	1,30	1,25
Чувашская Республика	0,93	1,27	1,34	1,44	1,26	1,22
Пермский край	1,77	1,50	1,39	1,30	1,34	1,22
Кировская область	1,80	1,48	1,34	1,11	1,22	1,03
Нижегородская область	1,74	1,28	1,38	0,90	1,23	1,03
Оренбургская область	1,48	1,23	1,24	0,87	1,23	1,04
Пензенская область	1,66	1,47	1,45	1,02	1,34	1,07
Самарская область	2,34	1,60	1,46	1,10	1,37	1,07

Саратовская область	1,78	1,17	1,15	1,00	1,18	1,03
Ульяновская область	1,64	1,41	1,35	1,07	1,23	1,10
Курганская область	1,41	1,22	1,33	1,13	1,38	1,17
Свердловская область	2,18	1,58	1,27	1,16	1,23	1,19
Тюменская область	1,63	1,33	1,25	0,87	1,22	1,05
Челябинская область	2,04	1,41	1,25	1,08	1,27	1,21
Республика Алтай	1,57	1,81	1,83	1,42	1,45	1,09
Республика Тыва	2,26	2,93	2,47	1,46	2,60	1,65
Республика Хакасия	1,27	1,34	1,19	1,20	1,32	1,21
Алтайский край	1,43	1,75	1,78	1,15	1,39	1,07
Красноярский край	1,62	1,48	1,24	1,06	1,27	1,03
Иркутская область	1,26	1,50	1,45	1,00	1,32	1,10
Кемеровская область	1,38	1,49	1,53	1,02	1,34	1,06
Новосибирская область	1,17	1,47	1,46	1,17	1,31	1,28
Омская область	1,36	1,38	1,23	1,13	1,15	1,12
Томская область	1,91	1,66	1,72	1,10	1,40	1,26
Республика Бурятия	1,54	1,72	1,87	1,06	1,35	1,20
Республика Саха (Якутия)	2,32	2,05	1,74	0,96	1,13	1,17
Забайкальский край	1,75	1,84	1,39	1,04	1,26	1,15
Камчатский край	1,74	1,66	1,45	0,95	1,38	1,12
Приморский край	1,57	1,53	1,45	1,11	1,46	1,16
Хабаровский край	2,32	1,72	1,36	1,35	1,43	1,39
Амурская область	1,01	1,36	1,36	1,24	1,49	1,06
Магаданская область	1,88	1,70	1,17	0,88	1,25	1,23
Сахалинская область	1,83	1,65	1,30	0,94	1,46	1,17
Еврейская автономная область	1,44	1,96	1,83	1,15	1,71	1,15
Чукотский автономный округ	2,34	2,20	2,24	1,28	1,82	1,34

Скорректированные значения государственной поддержки, млн руб. [173]

Субъект РФ	Сумма
Белгородская область	590,82
Брянская область	753,73
Владимирская область	1249,51
Воронежская область	1417,75
Ивановская область	1334,54
Калужская область	803,05
Костромская область	599,32
Курская область	648,52
Липецкая область	531,87
Московская область	19791,51
Орловская область	630,48
Рязанская область	718,86
Смоленская область	756,43
Тамбовская область	797,31
Тверская область	1491,59
Тульская область	937,27
Ярославская область	1070,09
г.Москва	7033,49
Республика Карелия	2545,85
Республика Коми	1735,04
Архангельская область	3375,03
Вологодская область	1257,80
Калининградская область	909,78
Ленинградская область	1192,78
Мурманская область	17728,70
Новгородская область	550,65
Псковская область	544,80
г. Санкт-Петербург	2992,50
Республика Адыгея	339,28
Республика Калмыкия	747,96
Республика Крым	2020,56
Краснодарский край	4605,95
Астраханская область	632,73
Волгоградская область	1730,06
Ростовская область	3415,34
г.Севастополь	5543,48
Республика Дагестан	1773,94
Республика Ингушетия	932,46
Кабардино-Балкарская Республика	467,15
Карачаево-Черкесская Республика	353,55
Республика Северная Осетия-Алания	790,12
Чеченская Республика	2803,92
Ставропольский край	2363,17
Республика Башкортостан	3599,52
Республика Марий Эл	408,14
Республика Мордовия	326,62

Республика Татарстан	3054,94
Удмуртская Республика	1146,36
Чувашская Республика	908,42
Пермский край	2954,59
Кировская область	1160,90
Нижегородская область	3036,68
Оренбургская область	1255,30
Пензенская область	944,73
Самарская область	5656,93
Саратовская область	1922,60
Ульяновская область	1301,03
Курганская область	905,48
Свердловская область	5817,75
Тюменская область	4261,07
Челябинская область	3787,18
Республика Алтай	405,74
Республика Тыва	1322,99
Республика Хакасия	598,77
Алтайский край	2159,00
Красноярский край	3445,85
Иркутская область	2816,87
Кемеровская область	3081,63
Новосибирская область	3657,23
Омская область	1741,54
Томская область	1950,58
Республика Бурятия	1786,60
Республика Саха (Якутия)	3227,11
Забайкальский край	2556,67
Камчатский край	608,43
Приморский край	4479,85
Хабаровский край	5386,07
Амурская область	1130,44
Магаданская область	542,91
Сахалинская область	849,33
Еврейская автоном.область	430,60
Чукотский автономный округ	27,51